

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№1' 2018

Москва ♦ ИСПИ РАН

2018

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев**.

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертных**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзудев**, академик РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (заместитель главного редактора), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (первый заместитель главного редактора), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (ответственный секретарь), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
 - поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

<i>Юревич А. В.</i> Старение как психологическая проблема	5
<i>Кравченко С.А.</i> Риски будущего: востребованность нелинейно-гуманистического знания	20
<i>Староверов В.И., Староверова И.В.</i> Социокультурный генезис жизненной силы России	34
<i>Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л.</i> Этапы разработки стратегии развития психологии	60
<i>Китова Д.А.</i> Интернет как ресурс геополитического развития	78

ИСТОРИЯ

<i>Кара-Мурза С.Г.</i> Февральская революция и Перестройка: генетическая связь или инсценировка политехнологов?	89
<i>Рубан Л.С.</i> История каспийского моря в досоветский и постсоветский периоды	109

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубан Л.С.</i> 30 Лет работы международного проекта «диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («мост между западом и востоком»	121
<i>Соснин В.А., Китова Д.А.</i> Макропсихологические аспекты исследования коррупции	129
<i>Соснин В.А., Ковалева Ю.В.</i> Большие социальные группы как объекты глобального психологического воздействия	142

ТЕРРОРИЗМ

<i>Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б., Слобцова Т. Л.</i> Превентивные средства и методы борьбы с терроризмом в России	154
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Ксенофонтов В.В.</i> А.С. Миловидов – ученый, воин, педагог	163
---	-----

ЮБИЛЕЙ

Юбилеи	171
--------	-----

Юревич А. В.

СТАРЕНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

AGING AS PSYCHOLOGICAL PROBLEM

Юревич Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук, av.yurevich@mail.ru

Yurevich Andrei Vladislavovich — corresponding member of the RAS, Deputy director of the Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychology

Аннотация: В статье рассматриваются психологические факторы старения и психологические характеристики старшего возрастного периода. Отмечается, что период позднего возраста человека до сих пор недостаточно изучен — как в психологии, так и в других социогуманитарных науках, отсутствует удовлетворительная концепция старения. Отмечается также, что культ молодости — ювенализм — стал основой жизненной философии XX века, а уважение к старости ослабевает даже в традиционных обществах, доминируют негативные стереотипы старости, но вместе с тем наблюдается ее «омоложение» — в связи с возрастанием средней продолжительности жизни. Приводятся типологии старения и психологические типы лиц преклонного возраста. Описывается их психологическое состояние. По мнению автора, современному обществу необходима особая «идеология» старости, включающая разные аспекты, среди которых в качестве основных следует особо выделить экономический, социальный и психологический.

Annotation: The psychological factors of old age and psychological characteristics of this age period are under analysis in the article. It is noticed that this age period is not studied enough — in psychology as well as in other social and humanitarian science, the sufficient conception of aging is absent. It is stated also that the cult of youth — juvenalism — became the background of life philosophy of XX century and respect for old people is going down even in traditional societies, negative stereotypes of oldness dominate, but at the same time the old age becomes «younger» — in connection of growing of average duration of life. The typologies of aging and psychological types of old people are described. Their psychological state is depicted. To the authors opinion modern society needs special «ideology» of oldness, which has to include different aspects, especially economical, social and psychological.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 14-18-03271.

Ключевые слова: старость, старение, типы, преклонный возраст, психологические характеристики, одиночество, «идеология» старости.

Key words: oldness, aging, types, the age of fall, psychological characteristics, loneliness, «ideology» of oldness

Введение

С конца XX столетия заметно возрос интерес к геронтологическим проблемам, что связано с «демографическим старением» — удлинением человеческой жизни, возрастанием среднего возраста людей и, соответственно, с ростом удельной доли представителей преклонного возраста [6]. В то же время, как подчеркивает А. Толстых, старость только начинает осмысливаться человечеством как возраст, таящий в себе большие резервы и возможности. При этом ее изучение является не только важной научной проблемой, но и связано с решением важнейшей социальной задачи обеспечения возможности людям этого возраста вести наполненную, общественно полезную жизнь [19].

Период, охватывающий поздний возраст человека, до сих пор недостаточно изучен [13]. Исследование психических механизмов старения только начинается, вместе с тем оно открывает перспективы решения или смягчения психологических проблем людей преклонного возраста, помочь им психологически адаптироваться к нему [12].

Отмечается и то, что в науке уделяется много внимания общим проблемам геронтологии и гериатрии, но явно недостаточно внимания — психическим и, в частности, эмоциональным состояниям пожилых людей [14]. Такой раздел психологии, как психология пожилого возраста, разработан явно недостаточно, а важность разработки психологии старения как главной составляющей социальной геронтологии очевидно [11].

Насчитывается около 200 теорий старости [19], при этом, как считают многие исследователи проблемы, общая теория старения пока отсутствует [13]. По мнению О. В. Красновой, среди многочисленных теорий старения отсутствует концепция, которая была бы приемлемой для психологии, поскольку все они являются не более чем «микротеориями», объясняющими не процесс старения в целом, а какие-либо его отдельные аспекты и уровни. Тот факт, что на Западе ежегодно публикуется более тысячи статей, посвященных этой проблематике, не изменяет ситуацию. В отечественной же науке исследования сосредоточены в основном в медико-биологической и гериатрической областях, а в отечественной психо-

логии проблема рассматривается с позиций клинической психологии и практики (см., например: [18; 22]), в то время как очень востребована социальная психология старения, а в основных подходах к старению можно отчетливо вычленить социально-психологическую составляющую. О. В. Краснова перечисляет и основные вопросы, которые должны быть основными объектами социальной психологии старения, относя к их числу положение пожилых людей в обществе, стереотипы, аттитюды и ожидания в отношении людей позднего возраста, проблемы идентификации и ролевое поведение пожилых, проблемы их адаптации, социализации и образования, вопросы социальной политики, проблемы выхода на пенсию, семья и пожилые люди, социально-психологические проблемы ухода за пожилыми [11].

Социологи тоже пишут о том, что социологическая наука уделяет явно недостаточно внимания старости как социальному феномену [2].

Социальный аспект старения

Трудно не согласиться с тем, что здоровье общества определяется среди прочего тем, как в нем относятся к старости и пожилым людям, а это отношение включает и социальную политику государства, и бытовое отношение к пожилым [11].

Историки отмечают, что люди преклонного возраста играли заметную роль в стабильных, хорошо институционализированных обществах (яркий пример — СССР), в то время как в переходных обществах и в социумах, раздираемых противоречиями, на первый план выходили молодые [5].

В современном обществе, даже таком, как японское, где очень сильны традиционные типы отношений, уважение к старшим по возрасту ослабевает [9]. Еще более отчетливо это проявляется в западных обществах и в России с начала 1990-х гг., где сложился культ т. н. «молодых эффективных менеджеров», молодежь очень редко уступает места пожилым людям в транспорте, наблюдается очень выраженный эйджизм и т. п. И. Кемпер пишет о том, что в современном обществе с повышением ценности молодых происходит обесценивание старости чуть ли не до наложения на нее табу, старость рисуется для молодежи настоящим кошмаром, старение превращается в болезнь [9].

Отмечается, что культ молодости — ювенализм — стал основой жизненной философии XX века [19]. При этом в обществе господствуют явно негативные образы старости и старения. Например,

по данным М. Р. Минигалиевой, только 30% респондентов дают позитивные оценки старости и лишь 10% характеризуют ее как период активной жизнедеятельности, остальные дают явно негативные оценки, а некоторые не допускают ее возможность для себя лично по принципу «Не буду старым, и все тут!» [13].

Идет процесс падения авторитета старости [19]. Отмечается, что необходимость быть молодым, здоровым и полным жизненной энергии начинает рассматриваться как своего рода моральная обязанность члена современного общества, а старение и болезнь — как в некотором роде моральный проступок. Распространение в обществе таких стереотипов оказывает тяжелое психологическое давление на престарелых. При этом и в современной семье остается значительно меньше места для пожилых, чем в прежних формах родственной организации [2]. Правда, можно усмотреть элемент «вины» и самих людей преклонного возраста, которые сейчас намного менее охотно нянчатся с внуками, чем их предшественники.

Известно, что незадолго до и после раннего выхода на пенсию возрастает не только заболеваемость, но и смертность [9]. А приписываемая старым людям социально «бесполезная» роль часто является причиной старческих депрессий и самоубийств [19]. Вообще же отмечается, что тремя основными событиями в жизни пожилых людей, оказывающими наибольшее влияние на их психологическое состояние, являются уход на пенсию, часто вызывающий «шок отставки», смерть супруга и перемещение в дом для престарелых [3].

Часто наблюдается асимметрия восприятия пожилых людей ими самими и более молодыми окружающими: в то время как пожилой человек воспринимает себя как неторопливого, трезвого, осторожного, серьезного, сдержанного, более молодые, основываясь на тех же его качествах, смотрят на него как на скрытного, инертного, болезненного, тяжелого на подъем и консервативного [9].

При этом уход за пожилыми становится все более дефицитной профессией, а персонал американских медицинских и социальных служб, ежедневно общающийся со стариками, воспринимает их весьма негативно и открыто это выражает, рисуя их как инертных, потерявших интерес ко всему, кроме собственного здоровья, тупо клюющих носом и безучастных существ [9]. Обращение со стариками в отечественных домах для малоимущих престарелых тоже общеизвестно (в пансионатах для престарелых, где за их содержание взимается высокая плата, естественно, все по-другому). Ис-

следование российских социальных педагогов также показало, что 86% из них разделяют негативные стереотипы старости [19].

Вместе с тем отмечается «омоложение» старости [19], что естественно в условиях удлинения средней продолжительности жизни и смещения сроков ухода на пенсию.

Любопытные результаты дают исследования влияния социального статуса пожилых людей на их восприятие своих психологических качеств. Так, в Китае, где старость традиционно уважают и почитают, пожилые люди убеждены, что обладают лучшей памятью, чем молодые [15].

Типы старения

Выделяются два образа старости: образ «позитивного старения» и образ «негативного старения» — в зависимости от того, насколько успешно человек адаптируется к своему преклонному возрасту [19].

Ф. Гизе выделяет следующие типы людей преклонного возраста: 1) старик-негативист, отрицающий у себя какие-либо проявления старости, 2) экстравертированный старик, признающий наступление старости, но приходящий к этому признанию через внешние влияния, например, в связи с выходом на пенсию, 3) интравертированный тип, остро переживающий приход старости и характеризующийся такими признаками, как потеря интереса к окружающему, малоподвижность, ослабление эмоций и др. При этом Гизе отмечает, что в реальной жизни «в чистом виде» эти типы встречаются редко и представляют собой скорее научные абстракции [19].

И. С. Кон описывает четыре психологически благополучных типа старости: 1) активная, творческая старость, характеризующаяся активным участием в социальной жизни, 2) старость активная, но характеризующаяся, главным образом, направлением энергии на устройство собственной жизни, 3) характеризующаяся преимущественно приложением сил в семье (что свойственно, главным образом женщинам), 4) характеризующаяся сосредоточением сил на заботе о собственном здоровье. А в качестве неблагоприятных в психологическом отношении Кон описывает: 1) агрессивных ворчунов, всем недовольных и постоянно критикующих окружающих и 2) разочарованных в себе и собственной жизни одиноких и грустных неудачников [19].

М. Р. Минигалиева различает два основных типа и «смысловых блока» пожилых людей: «занимающихся собой» и «помогающих

семье» [13]. Д. Бромлей выделил четыре типа приспособления к старости, характеризующиеся соответственно 1) конструктивной установкой, 2) установкой зависимости, 3) защитной установкой, 4) установкой враждебности [13]. К. Рощак описывает конструктивный, защитный, агрессивный и пассивные типы старения, отмечая при этом, что в реальности пожилые люди практикуют не один, а два и больше типов [19].

Г. С. Абрамова различает три типа пожилых людей. Представители первого типа не боятся выхода на пенсию, поскольку у них есть любимое дело, возможность заниматься которым от этого не страдает. Представители второго типа боятся выхода на пенсию и поэтому стремятся как можно дольше на нее не выходить, при этом ими руководит не только стремление сохранить заработок, но и нежелание расставаться со своей работой. Для представителей третьего типа характерна «эгоистическая стагнация» — сосредоточенность на прошлом, а также на своем здоровье и своих физических ощущениях [1].

Эмпирические исследования людей пожилого возраста тоже демонстрируют, что их можно разделить на две категории: одни характеризуются угасанием смысла жизни, ставят своей целью прожить как можно дольше, сохранив, по возможности, свое здоровье, т. е. делают смыслом своей жизни самосохранение, другим свойственно расширение и обогащение смысла жизни путем заботы о детях и постановки социально значимых целей [19].

Психологическое состояние людей преклонного возраста

Отмечается, что старость в сознании человека отражается преимущественно как физический недуг, болезненное состояние. Исследования показывают, что 90% людей преклонного возраста основную жизненную проблему видят в непрерывном ухудшении физического здоровья, начинают «чувствовать свое тело как невозможность им пользоваться» [25]. Вместе с тем, существуют данные о том, что с возрастом появляется более безразличное отношение к своему здоровью. Расхождение подобных взглядов об отношении пожилых людей к своим недугам, очевидно, объясняется различием личностных типов лиц преклонного возраста. Другой типичный психологический симптом старости — жалобы на пониженное настроение. Отмечается и то, что основную форму занятости пожилых людей составляет «борьба со старостью» [25]. При этом не следует считать, что такая «борьба» обязательно сводится

к постоянной заботе о своем здоровье и чуть ли не ежедневном посещении врачей, к которым некоторые пожилые люди и в самом деле ходят «как на работу». Она может проявляться и в активной трудовой и творческой деятельности, погружаясь в которую пожилой человек может «не замечать старости» или, по крайней мере, меньше думать о ней, а также в заботе о детях, внуках и т. д.

Естественно, как отмечают исследователи, в психике пожилого человека находят отражение практически все его физические недуги, при этом каждое соматическое нарушение либо прямо, либо косвенно отражается в его переживаниях, а если это нарушение не осознается, то оно дает о себе знать на неосознаваемом уровне [14].

В то же время, по мнению З. Фрейда, бессознательное отвергает мысль о старости и создает иллюзию вечной молодости [5]. И. Кемпер тоже пишет о том, что «бессознательное не стареет» [9], поэтому пожилые люди часто не могут смириться со своим возрастом и сами видят себя достаточно молодыми.

В старости прошлое удлиняется, настоящее сокращается, а будущее представляется очень ограниченным и практически недоступным, что часто приводит к резкому снижению активности, прекращению построения планов на будущее. Старые люди часто стремятся физически перенестись в те места, в которых прошла их молодость, что приносит неизбежное разочарование [5]. Считается, что пребывание в воспоминаниях помогает пожилым людям отвлечься от неясного настоящего и не думать о будущем, которое не сулит им ничего кроме умножения физических страданий, грядущей немощи и неизбежной смерти. Происходят также сужение и угасание смысла жизни, сведение его к идее выживания, к заботе о своем здоровье [7]. Л. И. Анцыферова тоже отмечает, что в старости резко меняется структура психологического времени человека — в хронотопе личности резко уменьшается доля будущего времени, расширявшего ее жизненное пространство, соответственно, происходит сужение этого пространства, а прошлое начинает господствовать над ее жизненным миром [3]. Эмпирические исследования также демонстрируют, что временная перспектива людей пожилого возраста характеризуется отсутствием активной устремленности в будущее, выражающимся в ответах «ничего не хочется больше, нет перспективы», «будет не лучше, а хуже», «сохранить бы то, что есть» и т. п. [6].

При этом, естественно, восприятие возрастных периодов изменяется в связи с удлинением человеческой жизни: то, что раньше считалось пожилым возрастом (вспомним фразу из классики: «сорокалетний старик тяжело опустился в кресло»), теперь вос-

принимается как молодость, а возрастные периоды, относившиеся к старости, уже не рассматриваются как таковые. Но возможно и расхождение восприятия возрастных периодов самими их представителями и более молодыми людьми, у которых может не происходить соответствующих перцептивных «сдвигов», что может порождать «эйджизм» и другие виды конфликтов поколений. Большое значение в данном плане имеет и понятие «субъективного возраста», широко распространенное в современной психологии (подробнее см.: [16, 20]).

При этом, как отмечает С. де Бовуар, пожалуй, одними из немногих страстей, которые не только не угасают, но, напротив, даже усиливаются в старости, являются честолюбие и властолюбие [5]. Хорошо известный феномен людей преклонного возраста, отчаянно цепляющихся за свои руководящие должности и не желающих уходить в отставку, — яркое проявление этих качеств.

Считается, что ностальгия, тоска и страх являются главными характеристиками психологического состояния стариков [19]. Отмечается и то, что у пожилых происходит обострение акцентуации психологических качеств личности — все они особенно ярко проявляются именно в данном возрасте [15]. При этом доминирует точка зрения о заострении и огрублении в старости прошлых личностных черт, о том, что они изменяются в негативную сторону, например, такие положительные качества, как бережливость, упорство, осторожность, превращаются в скупость, упрямство, трусливость, и т. п. [25]. Этот же феномен обозначается как «заострение» личностных черт: осторожность постепенно перерастает в подозрительность, бережливость — в скупость, и т. п. [23]. В результате этого «заострения», как отмечают некоторые исследователи, у пожилых людей на первый план начинают выступать такие качества, как раздражительность, ворчливость, угрюмость, эгоцентричность, скупость, педантизм, сверхосторожность, мелочность. Меняется и содержание эмоциональной сферы, в которой возрастает место отрицательных эмоций, а эмоция печали очень характерна для лиц пожилого возраста [14].

Адаптация пожилых людей осуществляется не путем выработки новых форм поведения с учетом требований окружающей социальной среды, а путем поиска условий, поддерживающих сложившиеся в течение жизни мотивацию, интересы, привычки, опыт [6], т. е. пожилые люди не адаптируются к среде, а ищут среду, максимально адаптированную к ним (см. также: [17]).

Исследования показывают, что в стереотипах пожилого возраста, разделяемых молодыми, явно доминируют отрицатель-

ные черты: чрезмерная связь пожилого человека с прошлым, неспособность или нежелание изменяться, критическая позиция по отношению к окружающим и навязывание им собственной точки зрения. Отмечается, что и сами пожилые люди интериоризуют подобные стереотипы [24], в чем проявляется логика «самосбывающихся прогнозов». Роль интериоризации господствующих в общества социальных стереотипов старости в выработке психологических качеств и образа жизни пожилых людей подчеркивает и Анцыферова [3].

Исследования показывают, что основные потребности человека в пожилом возрасте в общем, те же, что и в других возрастных периодах, но специфика этого периода в том, что они «смещены», изменена их иерархия, на первое место в которой выходит потребность в избегании страданий [19]. А. Шопенгауэр тоже писал о том, что более разумные люди в преклонном возрасте больше стремятся к отсутствию страданий и беспокойств, чем к удовольствиям и наслаждениям. А исследования политических установок современных российских граждан пожилого возраста показывают, что им свойственны установки на социальный порядок и социальную справедливость, укрепление общественной дисциплины и ответственности, а по своим политическим убеждениям они в большинстве своем представляют ярко выраженных «государственников» [8].

Эмпирические исследования высвечивают и позитивные качества пожилых. Так, исследование, проведенное в США в 1980 г., показало, что более половины опрошенных в возрасте свыше 60 лет, были полны оптимизма, а почти 30% — довольны своей жизнью, и лишь 20% были квалифицированы как «выбывшие из строя» — главным образом в результате утраты здоровья. Исследование показало, что для пожилых, как и для молодых, счастье и оптимизм связаны с такими ключевыми факторами, как хорошее здоровье, материальное благополучие и хорошие отношения с супругом [21].

Другое исследование, проведенное в США, продемонстрировало, что 82% мужчин и 67% женщин оценили свой уход на пенсию как положительный фактор, связывая его с высвобождением свободного времени, возможностью больше общаться с друзьями и семьей и т. п. [25]. Но в то же время уход на пенсию может порождать чувство ненужности обществу, бесперспективности и бессмысленности дальнейшей жизни [14].

По данным отечественных исследователей, 45,5% пожилых людей оценивают свое эмоциональное состояние как «хорошее», 32,7% — как «терпимое», «среднее», 14,5% — как «плохое» (остальные затрудняются дать его оценку) [24].

Исследования также показывают, что любовь к жизни, обнаруживая некоторое снижение в период между зрелостью и старостью, затем вновь повышается, достигая более высоких показателей в позднем возрасте [20]. В этом заключено возможное объяснение того обстоятельства, что именно очень старые люди «держатся за жизнь», что не вполне понятно более молодым наблюдателям их поведения, а суицидальные мысли их посещают реже, чем находящиеся у порога старости, «начинающих пенсионеров», по выражению Б. Г. Ананьева, хотя, согласно здравому смыслу, казалось бы, должно быть наоборот.

Любопытные результаты дают и исследования сексуальной жизни пожилых, которая, вопреки распространенным стереотипам (уместна переформулировка известного высказывания «в Советском Союзе нет секса»: «у пожилых нет секса»), продолжается достаточно долго. Так, американские исследования показывают, что среди 57-64-летних сексом продолжают заниматься 73%, среди 65-74-летних — 53%, среди 75-85-летних — 26% [8].

Исследование пожилых людей, проведенное В. Н. Ивановым, продемонстрировало появление у них большого интереса к эзотерике, что автор этого исследования рассматривает как активизацию духовного поиска представителей данной возрастной группы [8].

При этом любопытно, что, как показывают исследования американских психологов, тенденция к необоснованному, не подкрепленному серьезными интересами и основаниями оптимизму, оказывает негативное влияние на продолжительность жизни пожилых людей [7], т. е. излишний оптимизм тоже не хорош для старости, а оптимальна для нее более взвешенная жизненная позиция. Это особенно существенно, поскольку, как отмечается, для некоторых людей пожилого возраста, вопреки общей тенденции, характерен подъем настроения — вплоть до гипоманиакального состояния [14].

Зафиксированы и межполовые различия в психологическом состоянии людей преклонного возраста. В частности, получены данные о том, что женщины легче переносят потерю супруга и лучше приспосабливаются к одинокой жизни, чем мужчины, а психологическое состояние овдовевших женщин нередко даже улучшается. Любопытен и установленный геронтологами факт, состоящий в том, что на одиночество чаще жалуются старые люди, живущие с родственниками и детьми, чем живущие отдельно [25]. По мнению К. Роцака, женщины тоже лучше приспособлены к пожилому возрасту, чем мужчины [19]. Подмечено, что многие вдовы настолько привязаны к своему дому, что после смерти мужа предпочитают

жить одни [19], чего нельзя сказать о вдовцах. Это особенно существенно в виду того, что основное количество одиноких пожилых людей принадлежит именно к женскому полу, поскольку средняя продолжительность жизни мужчин в большинстве современных обществ меньше, чем средняя продолжительность жизни женщин, причем отмечается, что овдовевшие женщины в социальном и психологическом отношении больше схожи между собой, чем овдовевшие мужчины. Вообще делается любопытный вывод о том, что брак более выгоден для престарелых мужчин, чем для престарелых женщин, и именно поэтому стареющие вдовцы чаще стремятся к повторному браку, чем вдовы [4].

При этом, как показывают исследования, одинокое проживание пожилых людей вовсе не эквивалентно их одиночеству, поскольку они активно заводят новые социальные связи, регулярно общаются, в том числе по телефону, с детьми и знакомыми и т. п., в результате — парадоксальный факт — одиноко живущие пожилые люди чувствуют себя менее одинокими, чем живущие в семьях. Эмпирически зафиксировано и то, что регулярные контакты с друзьями и соседями, характерные для одиноко живущих пожилых людей, оказывают лучшее воздействие на психологическое состояние пожилого человека, чем общение с родственниками. А значительная часть пожилых, чувствующих себя одинокими, ... состоят в браке, но переживают чувство одиночества из-за занятости супруга или его психологического отдаления. При этом подростки часто чувствуют себя более одинокими, чем одиноко живущие люди преклонного возраста [4].

Отмечается, что расхожее выражение «счастливая старость» не является пустой метафорой, люди могут быть счастливыми и на старости лет. В ходу и такие выражения, как «успешная старость» [19], «позитивное старение» [11], «продуктивное старение» [3], «молодая старость» [25], «бодрые старики» [8] и т. п., при этом типы пожилых могут быть очень разными. Появилась и такая категория, как «новые старики», «молодые старики», хорошо адаптированные к современной жизни и не довольствующиеся местом на ее «обочине» [3]. Нередко пожилые люди сообщают, что в старости у них появились новые радости и чувства, которых не было прежде [25]. Одно из проведенных в США исследований показало, что 64 из 76 пожилых людей в возрасте свыше 65 лет сообщили, что считают свою жизнь счастливой, хотя, естественно, можно предположить психологически защитный характер таких ответов. Н. Ф. Шахматов считает, что счастливая старость — более распространенное явление, чем принято считать, а утверждение в соци-

уме негативного образа старости — во многом результат того, что на виду обычно находятся наиболее болезненные формы старения, в то время как его более благополучные формы чаще отходят в тень. По его данным, основной психологической характеристикой людей, положительно оценивающих свое старческое бытие (а таких немало), является их ориентация на настоящее без поглощенности прошлым и отсутствие каких-либо планов на будущее, т. е. они «живут настоящим» по принципу «живи, пока живется», при этом вырабатывая спокойную, созерцательную и самодостаточную жизненную позицию [25].

«Идеология» старости

Часто употребляются такие выражения, как «оптимальное старение» и «оптимизация условий старения» [14]. Ставится задача подготовки людей к старости, предполагающей разработку мер психологического обеспечения старости [6].

Как пишет Н. Смелзер, чтобы оставаться молодым, нужно всегда быть в движении [21]. Отмечается, что едва ли не главная задача «эстетизации» старости — преодоление страхов, пугающих стариков как в настоящем, так и в будущем [19]. И. Кемпер считает, что необходимы специальные курсы подготовки к старости, которые смогут устранить или, по крайней мере, смягчить многие проблемы пожилых людей [9].

Пожилым людям, желающим сохранить бодрость тела и духа, рекомендуется постоянно конструировать значимые и долгосрочные жизненные перспективы [7].

Отмечается, что старость связана не только с потерями, но и предоставляет человеку возможность прожить этот период жизни активнее, реализуя его интересы и склонности, для реализации которых в прежние годы не было возможностей [11], например, заняться творчеством, что особенно актуально для тех людей, профессиональная деятельность которых носила рутинный характер.

Акцентируется и необходимость конструктивного отношения пожилых людей к своей жизни, в частности то, что они должны стремиться не столько к сохранению прежних социальных отношений, сколько к замене их новыми [19].

Нередко исследователи подчеркивают, что главной проблемой старости является решение смысложизненного вопроса «Для чего жить?», для многих пожилых людей намного более существенного, чем решение материальных проблем [19].

Начиная с работ Вольтера — А. Шопенгауэром и др. — используется понятие «дух возраста», и отмечается, что если человек не овладевает им, то несет на себе горе этого возраста.

Н. С. Пряжников считает, что необходима особая «эстетика старости», а современное общество постоянно рекламирует счастье молодых и явно недостаточно внимания уделяет особому «счастью» людей пожилого возраста [16].

В. Н. Иванов по поводу своей недавно вышедшей книги с красноречивым названием «От 70 до 100» пишет: «Мне бы очень хотелось, чтобы моя книга подводила читателя к мысли о том, что старость может быть счастливой» [8, с. 82].

В то же время большинство «советов» людям преклонного возраста, которые дают им ученые и представители других профессиональных групп, в основном сводятся к тому, чтобы как можно дольше оставаться молодыми, что в принципе невозможно. Красноречивое название книги К. Орлокка «Нет старению» [15] выглядит очень заманчивым, но неосуществимым призывом. Не умаляя пользы многих из этих «советов», по всей видимости, можно сделать вывод о том, что современному обществу нужна особая «идеология» старости, ориентированная именно на данный возраст и не сводящаяся к сохранению молодости. Наверное, эта «идеология» должна включать разные аспекты, среди которых в качестве основных можно выделить экономический, социальный и психологический.

Экономический аспект имеет непосредственное отношение к социально-экономической политике государства и выражает не только его отношение к пожилым людям, но и экономические возможности. Образцом в этом плане могут служить те страны, например, Канада, где средняя пенсия превышает среднюю зарплату, и многие молодые люди мечтают поскорее стать пенсионерами. «Бодрые старички», активно путешествующие по всему миру веселыми компаниями, очень характерны для таких стран¹.

Социальный аспект предполагает создание большого количества общественных организаций для людей преклонного возраста, которые тоже очень характерны для развитых стран и там составляют одну из основ т. н. «гражданского общества». В идеале такие организации должны не только носить политический характер и иметь государственный масштаб (вроде на-

¹ В этом плане показательно наблюдение, которое легко может сделать каждый, кто ездит в туристические поездки за рубеж: когда там останавливается автобус с туристами из западных стран, из него обычно выходят люди весьма преклонного возраста, некоторые — даже с палочками или в инвалидных колясках, в то время как автобусы с туристами из России бывают наполнены только молодежью с небольшой «примесью» людей среднего возраста.

шей Партии пенсионеров), но и создаваться при каждом доме, где неработающие пенсионеры могли бы принимать участие в хозяйственной деятельности и, скажем, в контроле над нашими коммунальными службами, которые их регулярно раздражают.

Психологический аспект включает два вектора: во-первых, отношение к пожилым людям в обществе, одним из главных критериев гуманизма которого является это отношение (вспомним «отношение к старикам и детям»), во-вторых, смысложизненную позицию самих представителей данной возрастной группы. Эта позиция формируется в процессе самостоятельной работы личности по выработке и трансформации своих жизненных смыслов. В то же время и профессиональные психологи должны сыграть здесь существенную роль.

Очень хотелось бы достичь интеграции представителей разных наук, прежде всего таких, как экономика, социология, психология, в выработке «идеологии» пожилого возраста, которая должна стать одной из их главных задач по усовершенствованию современного общества.

Литература

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология. М.: Академия, 1997.
2. Анурин В. Некоторые проблемы социологии старости // Психология старости и старения / Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Академия, 2003. С. 87-91.
3. Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
4. Биксон Т. К., Пепло Л. Н., Рук К.С., Гудчайлдс Ж. Р. Жизнь старого и одинокого человека // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. Прогресс, 1989. С. 512-551.
5. Бовуар де С. Старость // Социальная геронтология: Современные исследования. М.: РАН, 1994. С. 17-40.
6. Бороздина Л. В., Молчанова О. Н. Самооценка в старости // Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Под ред. А. К. Болотовой. М.: ООО Проект-Ф, 2001. С. 114-145.
7. Ермолаева М. В. Психология развития. М.: Изд-во «Московский психолого-социальный институт», 2003.
8. Иванов В. От 70 до 100. М.: У Никитских Ворот, 2017.
9. Кемпер И. Легко ли стареть? М.: Прогресс, 1996.
10. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
11. Краснова О. В. Психология старости и старения. М.: Академия, 2004.
12. Марцинковская Т. Д. Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология зрелости и старения. 1999. № 3. С. 13-17.

13. Минигалиева М. Р. Проблемы и ресурсы пожилых людей // Отечественный журнал социальной работы. 2004. № 3. С. 8-14.
14. Немчин Т. А. Специфика социально-психологических факторов генезиса эмоций и их проявление в позднем возрасте // Вестник ЛГУ. Сер. 6. Вып. 4. 1987. С. 43–51.
15. Орлокс К. Нет старению. М.: Крон-Пресс, 1998.
16. Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
17. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
18. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
19. Психология старости // Под ред. Д. Я. Райгородского. М.: БАХРАХ-М, 2004.
20. Сергиенко Е.А., Журавлев А.Л. Принцип развития в психологии: разработка и перспективы// Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29-40.
21. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.
22. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
23. Томэ Г. Психология старости: Формы изменения личности. М.: 2004.
24. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. М.: Гардарики, 2005.
25. Шахматов Н. Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: Медицина, 1996.

Кравченко С.А.

РИСКИ БУДУЩЕГО: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НЕЛИНЕЙНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

RIKKS OF THE FUTURE: THE DEMAND FOR NON-LINEAR HUMANISTIC
KNOWLEDGE

Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Soc), Prof., Moscow State University of International Relations, MFA of Russia; Institute of Sociology RAS. Moscow, Russia (sociol7@yindex.ru).

Аннотация: В статье дается сравнительный анализ представлений о будущем, содержащиеся в классической и современной социологии, а также рассматриваются новейшие подходы к исследованию альтернативных будущих, которые были предложены на 3-ем Форуме Всемирной социологической ассоциации (Австрия, Вена, 10-14 июля 2016 года). Обосновывается положение о двух великих «переоткрытиях» будущего: первое связано с переходом от религиозного знания к институциональному научному знанию; второе — со становлением сложных рискогенных социо-природных реалий, востребовавших нелинейное знание, теоретические инновации, выразившиеся в переходе от линейных представлений о «светлом» будущем, отягощенных идеологическими пристрастиями, к нелинейным теориям, более реалистичным, но алармистским по своему характеру. Особо анализируется роль факторов гуманизма для потенциально лучшего мира, контуры которого ныне активно разрабатываются глобальной социологией. Автор полагает, что будущее детерминировано не только объективными реалиями сложных рисков, но в значительной степени определяется характером научного знания, которое нуждается в гуманистическом повороте.

Annotation: The article gives a comparative analysis of the ideas about the future contained in classical and modern sociology, and also considers the latest approaches to the study of alternative futures that were proposed at the 3-rd Forum of the World Sociological Association (Austria, Vienna, July 10-14, 2016). The position about two great "rediscoveries" of the future is grounded: the first is connected with the transition from religious knowledge to institutional scientific knowledge; the second — with the formation of complex risk-based socio-natural realities that demanded nonlinear knowledge, theoretical innovations expressed in the transition from linear ideas about the "bright" future burdened with ideological predilections, to nonlinear theories, more realistic, but

alarmist in nature. There particularly analyzed the role of humanism factors for a potentially better world, the contours of which are now being actively developed by global sociology. The author believes that the future is determined not only by the objective realities of complex risks, but is to a great extent determined by the nature of the scientific knowledge that needs a humanistic turn.

Ключевые слова: иски, «переоткрытия» будущего, будущее, нелинейное знание, научное незнание, 3-й Форум Всемирной социологической ассоциации, глобальная социология, гуманистический поворот.

Keywords: risks, «rediscovery» of the future, futures, non-linear knowledge, scientific non-knowledge, global sociology, humanistic turn.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

Введение

Рефлексия будущего имеет весьма большую историю. В традиционном обществе его характер практически всецело определялся религиозным знанием. Первое великое «переоткрытие» будущего связано со становлением институционального научного знания, линейного и прагматичного по своему характеру — то, что было вчера, определяет настоящее и перспективы развития человечества. На базе этого знания подходы к будущему, по существу, лишь уточнялись в контексте идеологических симпатий и политических стратегий. Хотя конкретные видения будущего существенно различались и были предметом острой борьбы идей и даже войн. Второе великое «переоткрытие» будущего обусловлено зарождением нелинейного знания, основанного на признании рефлексивности как человеческой деятельности, так и структур: выбранные людьми стратегии развития предполагают не только намеренные, желательные результаты, но и значительный компонент ненамеренного; саморазвитие структур также вносит существенные компоненты в неопределенности будущего. Кроме того, данный процесс стимулируется становлением сложных рискогенных социо-природных реалий, предрасположенных к перманентному воспроизводству потенциальных предпосылок к катастрофам, что является результатом материализации бесконтрольного увеличения формально-рационального и прагматического знания. Возникло осознание того, что даже передовое нелинейное знание об управлении рисками может лишь определить многообразие факторов производства сложных рисков, что, однако, является необходимым условием для будущего человеческой цивилизации. Достаточное же

условие предполагает гуманизацию всего знания, отказ от антропоцентризма и переход к новым принципам гуманизма, адекватным становлению турбулентным социо-природным реалиям.

К истории первого «переоткрытия» будущего

Основы научного исследования будущего человечества заложили социальные теоретики эпохи Просвещения. Квинтэссенцию их подходов можно свести к трем постулатам: 1) не Бог и религиозные мировоззрения, а научное знание, которое всеильно, определяет характер будущего, что выражал лозунг «Знание — сила». Соответственно, будущее виделось оптимистичными и радужными; 2) для утверждения «счастливого» будущего хороши все средства, направленные на увеличение благ для людей, ибо «Человек — мера всех вещей»; 3) все трактовки будущего осуществлялись с позиций «абсолютного знания», произведенного силой человеческого разума, исходя из здравого смысла, который-де «универсален».

Первые социологии опирались на знание того времени — другого научного знания просто не было. Тем не менее, каждое поколение социологов вносило коррективы, подчас, существенные в видение будущего. О. Конт был первым обществоведом, кто скептически отнесся к «абсолютному знанию». Вопреки ему, он стремился к тому, чтобы обосновать доказательную «позитивную» социальную теорию, основанную на конкретных реалиях жизни. По его мнению, позитивные знания — это «истинно доступные нашему уму и полезные для нас» знания, которые противостоят религиозным и фантастическим представлениям, а также здравому смыслу ввиду его ограниченности и противоречивости [1, с. 13].

В то время высшим критерием достоверности научного знания считались «объективные» законы познания, природы и общества. Э. Дюркгейм мыслил будущее в контексте углубления разделения труда, что «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации»; это —закон, который управляет обществами «почти без их ведома» [2, с. 46].

К. Маркс, как ему представлялось, обосновал закон человеческой истории, согласно которому история человеческой цивилизации виделась как последовательная прогрессивная смена низшей формации исторически более высокой формацией. Коммунистическое будущее, «вершина» развития человеческой цивилизации, ему виделось в «положительном упразднении частной

собственности, как присвоению человеческой жизни», возвращении человека «к своему человеческому, т.е. общественному бытию» [3, с. 259].

М. Вебер, напротив, связывал будущее с рационализацией частной собственности, с «духом (современного) капитализма», утверждающего «тот строй мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [4, с. 85], предполагающей доминирование целерациональных действий. Но главное — ученый подверг критике, казалось бы, «незыблемые, универсальные, объективные» законы общественного развития, замахнувшись на высшие достижения европейской социальной мысли, сформировавшиеся в XVII — XIX столетиях! Он предложил инновационное мышление о факторах общественного развития: причинность является качеством иной в социальной жизни: «мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью» [5, с. 612]. В отличие от природы в обществе действует «адекватная причинность», позволяющая, применительно к будущему, установить степень того, что при событии x имеется определенная степень вероятности наступления события y .

Из социологических классиков первым, кто поставил под вопрос идеи оптимистичного и счастливого будущего, был Г. Зиммель. По его мнению, будущее связано с «трагедией культуры», суть которой в экспансии объективной культуры и подавлении ею субъективной культуры, собственно культуры людей конкретных социальных групп: «в то время как тотальная ценность чего-либо увеличивается на эту же степень ценность её индивидуальных частей уменьшается» [6, р. 199]. При этом денежная экономика является катализатором «трагедии культуры», ибо она порождает беспомощность индивида перед тотальностью объективной культуры, при этом не оставляя человечеству надежд на изменение ситуации в будущем. Деньги способствуют развитию прагматизма, рационализма и вместе с тем «абсолютной свободы от всего личного» [6, р. 128]. С распространением же рациональности на уровень субъективной культуры люди теряют исконно человеческое. Соответственно, получает развитие такая форма социального взаимодействия, как цинизм, предполагающая выставление на продажу всего и вся: красоту, правду, удовольствия можно купить за деньги также легко, как бакалейные товары. Циник, как социальный тип, утрачивает способность делать различия между высоким и низким в социальной жизни. Денежная экономика увеличивает обезличенность в социальном взаимодействии. Отнюдь

не случайно в практику отношений входит принцип: «Незаменимых людей нет». Все это, по мнению Зиммеля, представляет для будущего человечества большое зло.

При всех различиях в подходах первых социологов к будущему они имели общие фундаментальные основания позитивистского толка [7, с. 78-104; 162-186]. Отметим главные из них: 1) будущее человечество едино, детерминировано «объективными законами» или, по крайней мере, социальными реалиями, природа которых, в принципе, неизменна; 2) характер будущего детерминирован прошлым в виде устоявшихся социальных институтов, общественных традиций и поведенческих практик предыдущих поколений; 3) будущее человечества является результатом преобразований исключительно в социально-экономической и культурной сферах, на его характер практически не влияют ни природа, ни климатические условия.

Зарождение нелинейного знания — интеллектуальные предпосылки отказа от «закономерного» будущего

Вероятно, первое свидетельство нелинейного теоретизирования в социологии содержится у Р. Мертона. Признавая, что наука развивается, опираясь «на плечи гигантов», он призывал перейти к «критической нелинейной рефлексии», позволяющей осуществлять интерпретации «пути развития истории вообще, истории идей, в частности, а также научных исследований» [8, р. xix]. Это, в частности, предполагало «перечитывание» и постоянную переинтерпретацию ранее обоснованных идей в контексте нового времени, что, по его мнению, способствовало накоплению инновационного научного знания [8, р. 45]. Сказанное вполне относится к прежним представлениям об «объективных» законах о будущем человечества.

Ценным вкладом в нелинейное знание явилась идея Т. Куна о научных революциях. По его мнению, в течение определенного периода времени содержание и сущность науки определяются парадигмой, являющейся набором принципов, понятий, категориального аппарата, признаваемого и используемого группой ученых в течение определенного исторического периода. Однако с истечением некоторого времени возникают аномалии, которые не могут быть объяснены в рамках существующих теоретических и методологических принципов, что вызывает сначала скептицизм, а затем все большее недоверие существующему инструментарию, что заканчивается научной революцией и переходом к новой парадиг-

ме. В течение некоторого времени сосуществуют две парадигмы с тенденцией, что одна из них обретает все большее доверие и доминирует как «истинная», другая же постепенно утрачивает значимость. Затем начинается следующий аналогичный по фазам цикл научной революции [9], что, по существу, знаменует естественность в разрывах знания.

Принципиально новый этап в становление нелинейного знания связан со становлением рефлексивной социальной науки. П. Бурдье и Э. Гидденс, основоположники рефлексивной социологии, акцент сделали на изучении самоизменения институциональных структур, а также импровизаций и инноваций в человеческой деятельности. В итоге главным предметным полем современной социологии становятся ««рукотворные неопределенности», связанные более с продвинутым знанием» [10, р. 105]. При этом, приход в жизнь и распространение «рукотворных неопределенностей» вынуждает ученых по-новому посмотреть на значимость рисков как факторов, существенно влияющих на облик будущего, пути движения к нему.

В итоге, зарождение и распространение нелинейного знания явилось теми интеллектуальными предпосылками, которые побудили ученых отказаться от идей «закономерного» будущего, от однозначной детерминированности настоящего и будущего прошлым опытом. Вместе с тем, собственно инновационные модели будущего не могли появиться ранее объективных условий в виде формирования принципиально новых сложных социо-природных реалий, развивающихся сообразно принципам самоорганизации.

Квинтэссенция второго «переоткрытия» будущего: учет усложняющихся рисков

Ныне теоретизирование будущего стало осуществляться с учетом возникновения сложных рефлексивных систем. Британский социолог Дж. Урри в книге «Что есть будущее?» к сложным системам современного мира относит «гибриды экономического, физического, технологического, политического и социального. Системы не могут быть сведены к одному из этих «элементов». Они социоматериальны... Также важно, что сложные системы представляют собой «сети»» [11, р. 62, 68]. Российский социолог О.Н. Яницкий утверждает, что современная жизнь сопровождается выбросом гигантских масс энергии распада в самой разной форме, которая хаотизирует все вокруг [12, р. 112-118]. Он отмечает, что привычное разделение на природу и общество более не отвечает процессам

сжатия и интеграции всего происходящего на Земле: мы теперь живем в социобиотехносфере, её законы нами еще не изучены [13, с. 5-22]. Если сравнительно недавно природа и социум представляли самостоятельные реальности, то ныне во многих случаях они образуют единую реальность, развивающуюся нелинейно. Сложные системы делают современный мир принципиально иным, в сравнении с тем, каким он был несколько десятилетий назад.

Для сложных систем характерна усложняющаяся природа риска. Обычно риск понимается как возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: принятие актором решения и соответствующего действия ведет как вероятности бретения выгод и благ, так и наступления объективно неблагоприятного последствия [14, с. 20]. Сегодня же возникает новая генерация рисков, адекватных рефлексивному модерну, иногда называемого («текучим», «ускользающим», «радикальным», «поздним») модерном. В самом общем виде их суть проявляется в следующем: 1) ситуации с неопределенностью возникают не только в результате индивидуальной, но и структурно-институциональной рефлексивности, под которой понимается способность к самопреобразованию, самотворению и самоорганизации в свете новой информации. Это, по словам Э. Гидденса, — «наблюдаемое свойство и характерная особенность движущегося потока социальной жизни» [15, с. 40]; 2) индивидуальные и коллективные акторы поставлены в условия необходимости постоянного выбора альтернатив. Н. Луман отмечает: «Основной формой всякой процессуальной рефлексивности всегда является отбор отбора. Поэтому рефлексивность может возникать только на основе самоизбирательной структуры процессов, усиливающей отбор за счет отбора» [16, с. 582]. При этом реализуется возможность «иного бытия» как результат найденного, вероятно, «не самого лучшего» решения и сделанного действия [16, с. 53]; 3) в условиях сложного социума действует «эффект бабочки» — казалось бы, малозначимые действия способны вызвать лавинообразные рискогенные последствия, которые проявляются нелинейно во времени и пространстве. «Небольшие изменения в прошлом, — пишет Дж. Урри, — способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем. Такие маленькие события «не забываются». Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще — нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между перемен-

ными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия» [17, р. 23].

Из этого следует, что ныне при определении характера будущего необходимо учитывать фактор возникших сложных рисков, имманентно производящих неопределенности эмерджентного типа. Ни одна отдельно взятая наука не в состоянии охватить предметное поле процессов интеграции природы и общества, возникающих при этом сложных рисков. Вот почему, заявляет Дж. Урри, настоятельно необходима особая постдисциплинарная парадигма: «теория сложности, которая ныне в обобщенном виде появляется как потенциально новая парадигма для социальных наук... нематематическое основание, теория хаоса, нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма» [17, р. 12, 17].

Рефлексия у социологических сообществ на эти процессы не заставила себя долго ждать. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе К. Хасегава, руководитель японского организационного комитета Конгресса, прямо высказался за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющего всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [18, р. 17]. Такое видение перспектив развития социологии ориентировано на развитие сетевых взаимоотношений социологов с представителями самых разных наук. Стало нормой, что социологи стали наводить мосты с, казалось бы, несовместимыми парадигмами и даже заимствовать теоретико-методологический инструментарий из естественных и даже гуманитарных наук [19, с. 22-30; 20, с. 29-38]. Без этого сегодня невозможно исследование будущего человеческой цивилизации.

Полагаем, второе «переоткрытие» будущего было легитимизировано на 3-ем Форуме Международной социологической ассоциации, состоявшемся в Австрии, Вене, 10-14 июля 2016 года. Его материалы свидетельствуют, что практически ни одно из традиционных и весьма распространенных в общественном сознании представлений о будущем не сохранилось в неизменном виде. Были, соответственно, востребованы инновационные нелинейные видения сущности будущего, учитывающие реалии сложных рисков. Отметим некоторые, на наш взгляд, наиболее плодотворные идеи.

Была поставлена под вопрос традиционная «универсальная» модель будущего (не исключавшая идейно-политические моди-

фикации), опирающаяся на принцип евроцентризма: прежде конкретные общества ранжировались по их «зрелости» для перехода к «общему» будущему, ныне же глобальная социология исходит из самодостаточности существующих обществ и культур как сложных систем, обладающих саморефлексией, что предполагает разные будущие для человечества [21, р. 81]. Показателен в этом плане девиз Форума: «Будущие, [множественное число!] которые мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». Полагаем, такой подход потребует поднятие культуры толерантности на более высокий уровень [22].

Социологи констатировали, что современный мир представляет собой единство сложных социо-природных реалий, имеющих глобо-локальную природу, развивающихся нелинейно. Известный американский социолог С. Сассен указала на распространение последствий сложных рисков на функциональность социо-природных систем. Так, риски эксплуатации природы, сложившиеся ещё в эпоху индустриализма, сегодня привели к распространению «мертвой почвы» и «мертвой воды» — будущее человечества во многом определяется их минимизацией [23, р. 81].

Радикально изменились представления о средствах достижения желательных будущих. Для радикальных преобразований ныне отнюдь не всегда требуются «организованные и сознательные» усилия масс людей. Конечно, социальные реформы и революции не утратили своей значимости как фактора масштабных общественных изменений. Однако сложные социо-природные реалии в принципе функционируют иначе, рельефно проявляется «эффект бабочки». Риски инноваций, определяющие облик будущего, в значительной степени исходят от новых корпораций, сетевых предприятий, разного рода негосударственных структур, нацеленных, главным образом, на получение прибыли, оставляя в стороне возможные отложенные негативные последствия для социума и культуры. Как отмечает, Дж. Урри, «существует множество ненамеренных последствий экономической, социальной и политической инновации, простирающейся во времени и пространстве». При этом возможны «обратно-поступательные изменения» [11, р. 79].

Постулат о том, что будущее детерминировано реалиями прошлого также ныне не представляется бесспорным и предполагает переосмысление. Несомненно, институты, общественные традиции, поведенческие практики предыдущих поколений не могут не влиять на характер будущего. Однако, во-первых, это отнюдь не линейное воздействие — будущее обязательно включает в

себя ненамеренные последствия сложных рисков. Во-вторых, возник фактор, которого в принципе не было — виртуальная реальность, позволяющая не только стирать грань между прошлым, настоящим и будущим, но и привносить инсценированные опасности в будущее, что особенно касается рисков. Так, У. Бек отмечает: «только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим — зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время» [24, р. 10]. Инсценирование угроз неизбежно порождает активное недоверие, новые сложности на пути к будущему: «Мир не обязательно стал более опасным. Систематическая потеря доверия заставляет потребителей видеть повсюду «риски». Чем меньше доверия, тем больше появляются риски. Чем больше осведомленность о риске, тем более нестабильными становятся глобальные рынки. Чем более нестабильными глобальные рынки, тем сильнее бумеранговые риски для каждого, включая корпорации и правительства» [25, р. 104-105]. В-третьих, знание о будущем дополняется научным незнанием, чья роль как рискогенного фактора возрастает. Социолог особо подчеркивает, что незнание — не невежество, а неизбежный компонент неопределенности в современном знании, которое отражает сложность социо-природных реалий. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно — продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [24, р. 115]. С учетом фактора научного незнания подходить к конструированию будущего нельзя волюнтаристски, необходимо особо тщательно просчитывать всевозможные риски ненамеренных последствий принимаемых решений.

Сегодня оптимистические представления будущего видятся утопиями — таковы некоторые последствия сложных рисков. На Форуме акцент был сделан на следующих из них: 1) риски ресурсной зависимости; 2) риски природо-климатических изменений, обусловленных деятельностью человека; 3) риски, связанные с приходом в нашу жизнь гибридных систем, функционирующим по более сложным принципам. Соответственно, оптимизм сменился нео-катастрофизмом, суть которого Дж. Урри видит в рукотворных трансформациях прагматической направленности,

ведущих к «потенциальному коллапсу человеческих обществ» [11, р. 37]. Представители этого течения исходят из того, что причины современных катастроф имманентно присущи нынешней жизнедеятельности людей, постоянно производящих рукотворные риски.

Гуманистические перспективы

«Переоткрытие» будущего осуществляется через призму возможностей его гуманизации. В этом, как нам представляется, доминируют три подхода. Первый — имеет место реанимация «доброе», «гуманное» прошлого. Так, З. Бауман отмечает, что возникла «ретротопия» — «глобальная эпидемия ностальгии по прошлому» [26, р. 3]. Преодоление глобальной эпидемии ностальгии социолог связывает с необходимостью перехода к иному тренду развития, развития культуры диалога, способствующей гуманизации человеческих отношений и единению «мы» с «они». Аналогичные размышления о былом содержатся в творчестве В.Н. Иванова:

«Былое кажется порой добрей
И сердцу ближе и дороже,
А настоящее печалит и тревожит
И делает несчастными людей.
Былое видится добрей,
И забывать его негоже» [27, с. 59].

В самом деле, социальная память о былом может стать импульсом для гуманистических преобразований, которые определят облик будущего. Второй. У. Бек выдвинул «теорию метаморфозы мира», из которой следует потенциальная возможность перехода к новому, более гуманному этапу развития человеческой цивилизации с возможностью лучшего будущего. По его мнению, в современный мир все более входят метаморфозы, которые не просто дестабилизируют определенности социума, а инициируют непреложный шок: то, что вчера было немыслимым, становится реальностью сегодня и завтра. Так, «климатическое изменение является агентом метаморфозы»: «подъем уровня моря создает новые ландшафты неравенств — рисуются новые карты мира на которых ключевыми линиями являются не традиционные границы между нациями-государствами, а подъемы выше морского уровня. Это создает совершенно другой способ концептуализации мира и наших шансов на выживание в нем» [28, р. Бек, 2016: 4]. К наиболее значимым метаморфозам социо-

лог относит климатические изменения, глобальные идеологические конфликты, ненамеренные последствия развития экономики и внедрения инновационных технологий. В рамках этой теории социолог выдвигает идею «эмансипирующего катастрофизма», предполагающую учет «положительных побочных эффектов глобальных рисков», с позиций которой подвергает критике пессимизм представителей «традиционного» подхода к современным сложным катастрофам. «Мир не погибает, как полагают проповедники катастрофы, и спасение мира также не является неизбежным, о чём призывают оптимистичные сторонники прогресса. Скорее всего, мир переживает нечто удивительное, но понятное — метаморфозу преобразования эталонного горизонта и координат действия» [28, р. 16-17].

Третий. В контексте «переоткрытия» будущего осуществляет соответствующее «переоткрытие» гуманизма. Организаторы Форума на пленарные и совместные сессии вынесли ряд докладов, посвященные этой теме: «Новые парадигмы о социальном контроле, преступлении и насилии: за иной возможный мир» [29, р. 85]; «Социология счастья» [30, р. 83]; «Является ли будущее «человеческим», «постчеловеческим» или «трансчеловеческим»» [31, р. 85]. Со своей стороны, мы выступили за гуманистический поворот не только в социологии, но и во всех науках [32, с. 12-23]. Полагаем, при выработке модели будущего для России важно учесть не столько объем знания, количество парадигм, задействованных в его производстве, сколько наличие в нем гуманистической составляющей. Есть надежда на то, что выдвинутые на Форуме новации станут импульсом для развития социологического знания в настоящем и будущем. Отрадно, что многие из них имеют гуманистический стержень.

Литература

1. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // К. Маркс. Социология. Сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

6. Simmel G. *The Philosophy of Money*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.
7. Кравченко С.А. Социология. В 2-х т. Т. 1. Классические теории через призму социологического воображения: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014.
8. Merton R. *On the Shoulders of Giants*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1993.
9. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
10. Giddens A., Pierson Ch. *Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1998.
11. Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity Press, 2016.
12. Yanitsky O.N. *Sociology of Critical Areas // Open Journal of Social Science Research*, 2014. Vol. 2 (3). P. 5–22.
13. Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // *Социологическая наука и социальная практика*, 2016. № 3. —С. 5-22.
14. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016.
15. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
16. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
17. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003.
18. Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July 2014. Yokohama, Japan.
19. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // *Социологические исследования*, 2015. № 10. С. 22-30.
20. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равноправного мира // *Социологические исследования*, 2015. № 2. С. 29-38.
21. Schulz M.S. *The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World (Forum President's Address) // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
22. *Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина*. М.: МГИМО-Университет, 2004.
23. Sassen S. *Relocalizing the National and Horizontalizing the Global // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
24. Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010.
25. Beck U. *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2007.
26. Bauman, Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017.
27. Иванов В.Н. *Раздумья: стихи разных лет*. М.: ИПО «У Никитских ворот» 2017.
28. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.
29. Tavares-Dos-Santos J.V. *New perspectives about Social Control, Crime and Violence: For Another Possible World // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World*. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.

30. Neenhoven R. The Sociology of Happiness // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
31. Fuller S. Is Future 'Human', 'Posthuman' or Trunshuman' // 3rd Forum of Sociology. The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 10-14 July 2016, Vienna, Austria.
32. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1. С. 12-23.

Староверов В.И.,
Староверова И.В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ГЕНЕЗИС ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ РОССИИ

Владимир Иванович Староверов — д.ф.н., проф., заслуж. деятель науки РФ, ак. Международной Славянской Академии, главный научный сотрудник ИСПИ РАН.

Ирина Владимировна Староверова — к.с.н., доц. каф. социально-правовых и гуманитарных дисциплин ГУЗа, старший юрист ООО (Правовая группа — Интеллектуальная собственность). e-mail: staroverov@list.ru

Аннотация: Социокультурный потенциал жизненной силы России рассматривается в контексте генезиса концепций славянофилов об истоках ее в те времена, когда она была еще преимущественно сельской, крестьянской. Основные, сохраняющие исторический потенциал социокультурные смыслы и положения славянофильских концепций о характере фонда жизненной силы России, связи её природного духовно-нравственного пространства с цивилизационным содержанием детерминируют трансгенные качества последующих социально-политических движений, современные проекции представлений славянофилов об изменениях в культурной ткани российской общественной жизни. Наиболее значимые социокультурные смыслы и положения славянофильства анализируются через призму связи их с православием и деревней как исторических хранителей резерва жизненной силы России.

Annotation: The Russian sociocultural potential of the vital force is considered in the context of the genesis of the concepts of the Slavophiles about its origins in those times when it was still mostly rural and peasant. The basic Slavophile's, sociocultural meanings and positions about the character of the Russian vital life fund, the connection of its natural spiritual and moral space with the civilizational content, determine the transgenic qualities of subsequent social and political movements, modern projections of the Slavophiles' notions about changes in the cultural fabric of Russian public life. The most significant sociocultural meanings and positions of Slavophilism are analyzed through the prism of their connection with Orthodoxy and the countryside as historical keepers of the reserve of the vital force of Russia.

Ключевые слова: сознание, социокультурная ментальность, духовно-нравственное пространство национальной ментальности, православие, вера, рассудок, разум, рационализм, почвенничество и вестернизация, общинность и деревня как исток жизненной силы России, монархия и самодержавный абсолютизм, модели государственного устройства, социокультурный интеграл, неославянофильство, православный социализм.

Key words: consciousness, socio-cultural mentality, spiritual and moral space of national mentality, orthodoxy, faith, reason, reason, rationalism, soil and Westernization, community and village as the source of the vital force of Russia, monarchy and autocratic absolutism, models of state structure, socio-cultural integralism, neo-Slavophilism, Orthodox socialism.

Введение

В пространстве становления и развития государственности того или иного народа первостепенное значение имеют процессы формирования единых экономических основ его жизнедеятельности и целостности национального сознания.

Институализация последнего представляет собой итог исторически длительного созревания социокультурного образа русского народа. Субъектно-объектную специфику и природу такого образа выражают глубинные качества духовно-нравственных скреп национальной ментальности.

Со времен зарождения Руси по сей день социетальная роль русской нации как культурного ядра институализации цивилизационной целостности российского народа отрицается различного рода русофобами. В лучших случаях — в Новое и Новейшее время — она лишь принижается супер толерантными отечественными и зарубежными (в основном европейскими) этногуманитоидными интегралистами и антисоветчиками, чей антисоветизм является в действительности современной формой слегка маскируемой русофобии.

В обоих вариантах это происходит под мощным давлением формируемого и управляемого культуртрегерами Запада потенциала овеянной духом протестантства ксенофобии, стимулируемой самим ходом детерминирующей их поведение глобализации его ущербных для народов инноваций, в том числе назойливо навязываемых нашему народу социокультурных ценностей вестернизации его бытия.

А также, соответственно, под влиянием геополитического и вытекающего из него духовно-нравственного противоборства и ассимилятивных процессов в социокультурно-ментальной сфере взаимоотношений западно-католической и восточно-православной цивилизаций, либерального космополитизма и почвенничества.

Источник жизненной силы россиян

Говоря о почвенничестве как природной основе проявлений социокультурной ткани значительного сегмента современного российского бытия, необходимо сказать, что эта основа имеет глубо-

кие корни уже в древней протогосударственной дохристианской истории цивилизационной институализации русо-славянских народностей в целостную этнонациональную общность.

Цивилизационная, — когда социальные взаимосвязи в населении начинают доминировать над естественно-природными, и оно начинает развиваться на своих собственных социетальных основах. Ведь история русо-славян началась, отнюдь не со времен призвания в Новгород Рюрика и его братьев.

Как известно, и до этого почти четыре века, 380 лет, с У столетия по 1X век ильменско-ладожскими (новгородскими) русо-славянами правила княжеская династия Гостомысла. Рюрик и его братья были сыновьями дочери Гостомысла Умилы, выданной замуж за Годислава, князя западноевропейских славян племени ободритов, обитавших по соседству с франкскими племенами, затем королевствами.

Протогосударственность была присуща, согласно историку У1 в. Иордану (1), и другим славянским племенам, заселявшим по меньшей мере с Ш в. среднеширотную Европу от Ютландии до Среднего Поволжья. И большинство этих племён изначально несли в себе историческую память древних славян об общинно-родовой коммунальности их созидательной деятельности и всего их бытия.

Социокультурные смыслы, порожденные в ходе институализации начальных славянских племён в этнонациональные общности, а она продолжалась и при первых Рюриковичах, зафиксированы рунами на дощечках — называемых славянским аналогом др.-инд. Долетописных Вед (веды — санскр. — знание). В наши дни, по мере их расшифровки, Веды становятся источником сведений о социально-экономической и культурной истории древних славян.

Однако, наиболее выраженное идеологическое и теоретическое оформление социокультурных идей почвенничества в нашей стране началось только со времен публикации в Х1 в. трактата «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, самочинно поставленного первым из среды русских на церковный престол киевским князем Ярославом Мудрым без традиционно вынужденного до того согласования с греко-византийским патриархатом.

В процессе развития ментально-идейного потенциала этого трактата на Руси зародилась многогранная литература эпических сказаний, духовных проповедей, житий, цивилизно-правовых учений, пронизанных мировоззрением дохристианских славянских ведических общинно-коммунальных нравственно-моральных смыслов и положений.

В ходе многовекового ассимилятивного и вместе с тем ценностно-избирательного приспособления к ним постулатов византийского православного варианта христианского мудрствования, в XIУ веке выросли не только идеологема монаха Филофея «Москва — третий Рим, четвертому не бывать», но и ментальные расхождения в понимании характера основ исторической эволюции русской нации.

Традиционных, представлений старообрядчества, исходивших из исторической памяти о коммунально-общинном характере созидательной деятельности славянских языческих предков, и никониан, тяготевших к среднеземноморским античным навыкам торгашества, оформленного некогда кодексом Римского частного права.

Цари Романовы, нуждаясь в поддержке державившихся традиционных обычаев бояр и масс, на первых порах строго придерживались присущего эпохе правления их предшественников Гостомыслов и Рюриковичей почвеннического мейнстрима духовно-нравственного бытия их подданных.

Однако, трезво оценивая могущество зараженных среднеземноморских духом наиболее влиятельных иерархов православной церкви, большинство которых получали благословление в Царьграде и потому разделяли постулаты частного права, они изначально поддержали никониан и подвергли гонениям старообрядцев. В этом произвольно сказались их классовые пристрастия.

Тем не менее, вплоть до царствования Петра 1, немногие противники «изоляции» России, — под которой они понимали ее духовное отстранение от нашедших в католицизме базу для утверждения в западных странах культа индивидуализма, порицались, как просвещенными россиянами, так и правителями. Ибо были они поклонниками феодальных вольностей, подобные А.Курбскому во времена Ивана Грозного или фавориту Софьи В.Голицину, ориентировавшиеся на сближение России с Европой не только в социально-гражданских, но и в нравственных устоях. А это противоречило потребностям укрепления державного единства страны.

И, например, А.Ордин-Нащокин резко осуждал высокомерные забвения некоторыми его современниками ради «полезностей с чужеземной стороны» своих столь же полезных порядков, а И.Посошков и Ю.Крижанич прямо называли такие заимствования «чужебесием».

Зато ориентированные на заимствование достижений европейского прогресса петровские реформы сопровождались интенсивной, причем в основном насильственной, прививкой к российско-

му бытию не только «лучших», но и весьма ущербных для народной духовности чуждых русо-славянским традициям образцов цивилизационно-ментальных ценностей культуры, в том числе экономической, Запада.

Этот мейнстрим социокультурной трансформации российского бытия активно насаждался в России и во время правления Анны Ивановны. Особенно в период засилья вокруг трона «немецкой партии» ее фаворита Бирона.

Впоследствии он был на некоторое время несколько смягчен Елизаветой Петровной и ее сподвижниками, однако, вновь активизирован немецкой принцессой Ангелът-Цербской, ставшей российской императрицей Екатериной Великой, а затем по инерции продолжался в период правления ее внука Александра 1.

Найдя наивысшее выражение во взглядах ряда декабристов, воспитанных западными гувернерами или заразившихся либеральным духом во время похода россиян в 1814 году в Европу с целью освобождения ее от полчищ Наполеона.

Кстати, некоторые современные российские «почвенники» монархистского толка безосновательно, на наш взгляд, попытались в связи с 190-летием со дня декабрьского восстания 1825 года, обвинить в радикальном западничестве всех его участников. А их вождей П.Пестеля и Н.Муравьева даже в участии в масонских интригах против России европейских держав и тогдашнего врага ее — Турции (2, с. 16-20).

Достаточно почитать «Русскую Правду» П.И.Пестеля (3) и его частично восстановленную исследователями по показаниям декабристов работу «Конституция — Государственный завет», чтобы понять поверхностность суждений о нем, как о западнике на одном только основании знакомства его с идеями европейских просветителей.

В ней автор предусматривает безвозмездное освобождение крестьян, создание резерва общинных земель и бесплатное наделение ими земледельцев, выказывает уважение к отечественным традициям и декларирует неразрывную связь новгородского веча-вого прошлого Северной Руси и будущего — после краткого периода революционной диктатуры — народовластия.

При этом он подчеркнуто называет все должности в проектировавшемся им государственном устройстве России старинными русскими терминами — посадник, тысяцкий, Верховный собор и т.д.

Еще большим социокультурным традиционализмом и почвенничеством характеризуются три проекта Конституции Н.М.Муравьева (4), опубликованные академиком Н.Дружининым в его трудах.

Следует, впрочем, заметить, что даже во времена засилья в образе жизни правящих кругов нашей страны ориентаций на иностранные ценности, в среде лучших представителей ее Просвещения продолжалась упорная интеллектуальная шлифовка потенциальных духовно-нравственных смыслов народной ментальности, зародившихся еще в Руси времен правления Рюриковичей и первых Романовых.

Причем этой шлифовкой занимались такие мыслители как гениальный М.Ломоносов, снискавший похвалы Пушкина и Ключевского автор «Истории Российской» В.Татищев, активный государственный и неистовый защитник чистоты русского языка адмирал А.Шишков. Последний защищал ее не всегда, правда, умело, но это не отрицает его отечестволюбивых намерений. Равно, впрочем, как и других борцов с засильем европейской «немецкой партии», злонамеренно умалявшей социокультурные достоинства «варварской» России как основы жизненной силы ее русских масс.

Однако полнокровное, социетально и вербально оформленное ядро ментально-социокультурной сферы народного бытия — национальное сознание как духовно-нравственный источник жизненной силы русской нации — было целостно выражено только в первой половине XIX в., когда на авансцену истории общественной мысли России вступили сложные по социальной природе движения западников и славянофилов.

Те и другие, как дети сельского усадебного происхождения, пространство созревания потенциала этой силы видели в деревне, и особенно в общинном крестьянстве.

Сегодня нередко псевдоинтеллектуальные либералы вообще отрицают наличие в тогдашней и в более поздней России русской крестьянской общины (5, с.29-40). Однако верится не этим псевдознайкам, а сотням современников славянофилов, которые в своей прозе, публицистике, научных штудиях всерьез обсуждали вопросы и будущие судьбы общинной деревни.

Скажем, А.Герцену, И.Тургеневу, А.Фету и Л.Толстому, а из публицистов — В.Селиванову, В.Энгельгардту, Н.Златовратскому, Г.Успенскому и другим радетелям деревни (6,). Западничество — это разнородное специфическое, этико-политическое оппозиционное к самодержавию течение «левого толка», представлявшее на самом деле «общую платформу. На ней по ряду вопросов отношения к Западной Европе объединялись в начале века тогдашние прогрессисты, прежде всего, либералы и демократы разных оттенков» (7, с. 18).

Во многих вопросах внутренней жизни России они нередко были солидарны со славянофилами.

Славянофильство, заявившее о себе в конце 30-х годов того же века, было более однородным. Это было тоже оппозиционное франко-англо-немецкому духу правившей при царях петербургской бюрократии, но имевшее «некоторое сходство с теорией официальной народности в части идеализации монархической власти» (Там же) течение консервативного романтизма.

Некоторые аспекты их мировоззрения свидетельствовали, что они своими жизненными корнями впитали в себя силу и слабости ментальности духовно-нравственного пространства деревенской общины.

К примеру, как и западники, они высоко ценили опыт вечевых республик Новгорода и Пскова, но видели в нем разный потенциал. Западники видели в вече форму реализации индивидуальных политических свобод — чего в нем, как известно, не было, — а славянофилы народоправство в местном быту при ответственном перед богом и населением управлении верхов.

Славянофильские оценки жизненной силы России

В XX веке стало модным выводить духовно-нравственный генезис отечественных славянофилов из официального, оформленного институтом РПЦ православия, а также из их приверженности самодержавию.

Подлаживаясь и усиливая эту моду, автор фундаментальной двухтомной истории русской философии видный богослов В. Зеньковский отнес к основоположникам славянофильства А.Хомякова, И.Киреевского, К.Аксакова, Ю.Самарина (8, с. 194). в доказательство истинности своей инвективы, надергал из их публицистики, а еще больше из их эпистолярного наследия много внешне убедительных цитат. Оставив за рамками своего анализа более глубокие их идеи, далеко выходящие за рамки канонических заповедей РПЦ.

Названные мыслители и адепты такого подхода действительно отождествляли православие с церковными учениями, с рассматриваемыми ими нравственными скрепами Церкви как духовного организма и с православной Церковью. Но, отнюдь, не с реальной, подкорректированным романовским самодержавием, унаследовавшим через немецко-датскую кровь все новых и новых роднившихся с ним европейских принцесс, организацией, а как с, идеализируемой ими и лицемерно выдаваемой иерархами Синода за таковую, духовной святыней.

Однако, что касается канонической чистоты никонианской трактовки православия, то она была у этой четверки основоположников славянофильства уже самым фактом рождения и воспитания в старинных дворянских родах окрашена нотками старообрядческой духовности. Той, которая была свойственна не одной только романтизированной репинским гением боярыне Морозовой, но представителям многих наследных боярско-княжеских династий, и сквозь перипетии исторических перемен, в той или иной степени, в виде фрагментов исторической памяти о коммунально-общинном бытии предков сказывалась в потомстве.

К тому же Зеньковский игнорировал иных, более индифферентных, — чем эти названные им основоположники славянофильства, — к догматической церковной религиозности идейных предтеч данного влиятельного течения общественной мысли России XIX в.

В действительности, духовно-нравственное пространство идей славянофилов проистекало из пронизанной коллективистской моральным духом существовавшей на том момент русской общины. И соответственно, социокультурной ткани трудового сельского бытия, и из присущего их ментальности духа языческого наследия «Прави». Поэтому большинством славянофилов православие, отнюдь, не отождествлялось с официальными церковными учениями.

Более того, лишь у немногих славянофилов православие характеризовалось приписываемой им Зеньковским святоотеческой рецепцией. Понимание его было осложнено усвоенными ими на ментальном уровне смолоду, в период обучения в западноевропейских университетах, социокультурными идеями платонизма, кантианства, шеллингианства, гегельянства... и даже ненавистного о.Зеньковскому, материализма, и тем более экономизма.

Равно, как и опиравшееся на эти учения и постулаты православия абсолютистское самодержавие они считали иным феноменом, чем монархическая власть. Лишь правое крыло славянофилов — М.Погодин, С.Шевырев — смыкалось почти по всем позициям с официальной идеологией институализированного в тогдашней России абсолютистского самодержавия, большинство ее отвергало.

И, кстати, различие монархической власти с отвергаемым ими абсолютистским самодержавием, вытекало у остальных славянофилов, также как и у их предшественников, отчасти из публикаций самой «матушки Екатерины П».

В пору ее молодости, заигрывая с мыслителями Западного Просвещения, особенно с Вольтером и Дидро, которым положила солидное денежное вспомоществование, эта царственная

лицедейка на всю Европу провозгласила в своем «Наказе Комиссии...»(9,) цель облагодетельствовать Россию правлением просвещенной монархии, неуклонно опирающейся на законы и естественные нужды ее населения в благоденствии.

Однако ее пронизательные зарубежные корреспонденты, особенно Дидро, без труда разгадали, что за ее, говоря современным языком, самопиаром в действительности скрывалась проводимая ею политика укрепления основ самодержавного абсолютизма (10,).

И для славянофильской оппозиции абсолютному самодержавию, естественно, было бы непростительным слабодушием не использовать эту промашку императрицы с самопиаром в «Наказе...», распространение которого более пронизательные ее сподвижники постарались вскоре не то, чтобы запретить, но весьма существенно ограничить.

Ряд историографов и публицистов общественной мысли дореволюционной России относят формальное начало возникновения славянофильства к историсофскому диалогу 1839-го года И.Киреевского (1804-1856) с А.Хомяковым (1804-1860). Другие обществоведы в этом сомневаются.

В «Записках» (Берлин, 1884) активного славянофила А.Кошелева (1806-1883) утверждалось, что название их направление мысли обязано оценкам западников, измышлявших, будто их противники жаждали воскресить Древнюю Русь и всех превратить в крестьян, подчинив общинному устройству жизни. Тогда как они искали в крестьянине истинно русские черты, свойственные народу в целом, пытались открыть русский мир, найти русский, отличный от западного, путь в будущее.

Сам Киреевский порою тоже отрицал свою принадлежность к славянофильству, предпочитая именовать их мировоззрение как Славяно-Христианское или Православно-Славянское (11, с. 133).

Тем не менее, именно этот диалог двух единомышленников вошел в историю российского обществоведения в качестве веховой заявки на новое для отечественных интеллектуалов, специфическое направление социокультурной мысли.

Визави этого исторического диалога были родственниками. Набожная, со старообрядческим оттенком, мать Хомякова происходила из соответствующей по родовитости и набожности семьи Киреевских. Оба диспутанта, как и другие отпрыски состоятельных дворян, получили в детстве добротное семейное образование, затем учились в российских элитных даже в среде дворян училищах.

После этого в целях самосовершенствования знаний, они обучались в европейских университетах, где общались с Шеллингом, Гегелем, Якоби и другими видными мыслителями. Восприняли от них идеи немецкого романтизма и преромантизма, склонность к мистицизму, но, однако, проигнорировали их идеи рационального характера мышления по разуму, присущего немецким и близким к ним западным мыслителям того времени.

С подачи Канта — через Шиллера — в рациональном трансцендентализме Шеллинга, Гегеля, Фихте, Якоби решающее значение имело гносеологическое различие «рассудка» и «разума», — различие *Verstand*, как функции чисто логических операций, и *Vernunft*, как источника идеи.

Тогда как Хомяков, Киреевский и примыкавшие к ним русские мыслители, отождествляя рационализм, как явление общекультурного характера с рассудочным познанием, одновременно и вместе с тем расширяли пространство разума за границы логической связи с последним, пополняя это пространство верой, снабжающей рассудок всеми данными, необходимыми для целостности «живого знания». Поэтому в их представлении «разумность Церкви является высшей возможностью разумности человеческой» (12, с.327).

Временами И.Киреевский и А.Хомяков, в силу их набожности, вообще противопоставляли рационализму веру, полагая, что она сама есть функция разума как целостности.

«Я называю верой, — писал Хомяков Ю. Самарину, рассказывая о диспуте с Киреевским, — ту способность разума, которая воспринимает действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка».

Далее, утверждая, что данные веры являются тем первичным материалом, из которого строится все наше знание, он пишет, что эти первичные данные «предшествуют логическому сознанию, они образуют «жизненное сознание (курсив наш — авторы), не нуждающееся в доказательствах и доводах» (13, с. 161, 173.).

Из этих различий с философией немецких романтиков и преромантиков выросло у Хомякова-Киреевского и других, так или иначе связанных с церковными кругами славянофилов, особенно у Ю.Самарина (1819-1876), отождествление западного христианства с системой рационализма и неприязнь к порожденным последним секулярным аспектам в культуре Запада. Между тем тенденции секуляризации христианства отождествлялась славянофилами с материализацией сознания рассудка. Что, по их мнению, приземляло христианскую веру, отягощало её бытийным прагматизмом.

А ведь сами славянофилы первичные данные веры рассматривали не просто как «жизненное сознание», но и одновременно как «жизненную силу» созидательного творчества истинных христиан. А православные христиане в их глазах олицетворяли всех славян вообще, русских в особенности, поскольку неверующие, аттестуемые согласно догматам российской православной церкви исчадиями ада, в числились в те времена вне круга последних.

Надо полагать, что, признавая за сознанием «жизненную силу» созидательного творчества, российские славянофилы, как никакие другие социальные мыслители того времени приблизились в понимании механизмов цивилизационного развития бытия к марксистской трактовке движущих сил общественно-исторических процессов.

Выдвигая основополагающую формулу своего учения «бытие определяет сознание», родоначальники марксизма неоднократно указывали, что столь же верно и обратное положение о том, что сознание тоже может определять бытие. Особенно выпукло эта мысль обозначена Энгельсом в его письме профессору Й.Блоху (14.с.537-540).

И не случайно творчески воспринявший марксизм и развивший его дальше, В.И. Ленин, сделав лейтмотивом в одной из первых своих работ «Что делать?» обоснование краеугольной роли в деле подготовки масс к революции формирование их политического мировоззрения, определил социалистическое сознание рабочих масс, как единственный базис, который может обеспечить нам победу (15.)

Аналогичному учил последний в СССР, творчески развивавший марксистское учение, революционер И.В.Сталин. Обосновывая в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (16, с.154-223) применительно к послевоенным советским социальным реалиям ленинское положение, что «коммунизм можно построить, отнюдь, не на голом энтузиазме, но обязательно при помощи энтузиазма, он основной упор — в определении важнейших задач перевода социализма в коммунистическую стадию — делал на необходимости воспитания у трудящихся, соответствующего этой задаче, сознания.

Однако генезис движения славянофилов и соответственно круг приверженцев славянофильства, не ограничивается вышерассмотренной ретроспективой.

Даже у западников Карамзина и Жуковского, Пушкина, Пущина и других участников антишишковской «Зеленой лампы», не

говоря уже о Белинском, Писареве, Добролюбове, их симпатии к западной культуре носили избирательный характер, были пронизаны мировоззрением патриотизма и коммунально-общинного почвенничества.

Приверженность их либерализму имела иную, социокультурно-гуманистическую природу, отличную от приверженности к ней у современных российских либералов, у которых она зиждется, если не на западных грантах и экономической выгоде, то преимущественно на коллаборационистской и вестернизаторской политико-идеологической платформе.

Для верного понимания ментальности непосредственных предтеч славянофилов, следует также принять во внимание критику Н. Гоголем западного рационального гуманизма в его публицистике — прежде всего, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — посвященной идеям и духу российской православной культуры.

Представляют интерес вариации славянофильских идей у поэта, дипломата и мыслителя Ф. Тютчева.

Эти и другие факты свидетельствуют, что круг предтеч и приверженцев славянофильского движения не ограничивался выходцами из так названной среды «архивных юношей», к кругу которых принадлежали Хомяков и Киреевский, а был весьма широк и многогранен своими социокультурными и социоправовыми проявлениями.

Но, примечательно, что всем фракциям этого круга была в той или иной степени свойственна склонность к коммунально-общинным проявлениям российского бытия.

По ряду позиций идеи этого круга разделялись на тех или иных этапах их деятельности многими видными западниками, в том числе А. Герценом, в «Колоколе» которого печатались не только западники, но и славянофилы. Многим из них — Киреевскому, Хомякову и другим — он дал в своих знаменитых мемуарах «Былое и думы» весьма сочувственные и позитивные характеристики.

Роль подсознания, как одного из источников жизненной силы в идеях славянофилов Аксаковых

Когда речь заходит о подсознательном духовном, нравственном и социально-правовом пространстве славянофилов, невольно вспоминается, прежде всего, семейная плеяда Аксаковых: патриарх Сергей Тимофеевич, братья Иван Сергеевич и Константин Сергеевич, внук Иван Константинович.

Из докладов на современных традиционных «Аксаковских чтениях», посвященных литературному наследию С.Аксакова, учению К.Аксакова о языке и социокультурных основах государственного права и власти, панславянству И.Аксакова и т.д. складывается многогранный интеллектуальный образ всего направления российского славянофильства.

Было бы неуместным говорить об их, стилизованной под органическое единство, славянофильской интеллектуальной общности: каждый из представителей этого рода был яркой индивидуальностью и вносил в палитру становления и развития мировоззрения, равно как и публичного выражения идей славянофильства о сознании, рассудка и жизненном сознании, то или иное своеобразие.

Что заставляет говорить не о выраженной в их творчестве славянофильской философии, политических или антропософских взглядах вообще, а о соответствующих идеях и позициях каждого о подсознании как, опосредующей факторальность веры, движущей исторические процессы силе.

И, тем не менее, именно творчество этой удивительной в духовно-нравственной цельности родовой плеяды мыслителей наиболее многогранно, можно сказать, в естественно-органической исчерпанности, выражает экзистенциальную сущность противоречивого, исполненного энергией исторической в своих проявлениях действенности мировоззрения почвенничества, получившего в истории русского социально-антропософского и теолого-геополитического знания наименования славянофилов.

Наиболее отчетливо в их совокупном творении славянофильства как общественного интеллектуального и социетально-преобразующего течения выражены идеи детерминирующей роли жизненного сознания православной культуры, историософии, этики, философии, политики и права, цивилистики, трудовой морали и нравственности.

Однако у каждого из Аксаковых превалирует та или иная сторона совокупного результата их творчества в концептуализации духовно-ментальных основ жизненной силы народа и его морально-нравственных предстателей.

Строго говоря, причислить писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791-1859) к числу идеологов и теоретиков славянофильства было бы неверно. Он был, прежде всего, проникновенным поэтом русского сельского труда и быта.

Однако из его писем к сыновьям с очевидностью просматривается, что и он разделял их порожденные сознанием рассудка

идеи об особом, детерминируемом спецификой отечественных жизненных сил, пути развития России, отличном от направлений исторического движения тронутой тлетворным духом западной цивилизации, не приветствовал европейский либерализм, отвергал агрессивность европейского культуртрегерства в отношении русских.

Его позитивная программа социетального прогресса опиралась на фундамент духовно-нравственного совершенствования внутреннего мира людей.

В этом аспекте любопытно сравнить его поэтическую, а особенно прозаическую практику с особенностью ее у других коллег. В частности, плодотворно сравнение характера разработки проблем диалектики формирования и возвышения социокультурной духовности молодежи в их соответствующих прозаических трилогиях «Детство. Отрочество. Юность», в которых отражена им, Л.Толстым и М.Горьким специфика процессов ее взросления.

Л.Толстой отражает эти процессы в духовно-нравственном пространстве должествующей этики морального импертива трудовых обязанностей как условия становления подсознания богоподобной человеческой личности.

У М.Горького динамика диалектического совершенствования подсознания детской души на пути взросления протекает в пространстве преодоления препятствий в ходе усвоения ребенком социетально-нравственных ценностей противоречивого человеческого общежития.

У С.Аксакова в его «Семейной хронике» и особенно в книге «Детские годы Багрова-внука» диалектика ментального взросления юной души зависит от степени выражения в благоприятном для этого духовно-нравственном пространстве подсознания, в котором оно происходит, этических ценностей христианского православия.

Представляет интерес и выражение патриархом Аксаковым диалектики подсознательного зарождения чувств любви в общеизвестной сказке «Аленький цветочек».

Оно отражает в ней веру во «всеединство» человечества, императив всеотзывчивости антропологической природы людей, свидетельствует, что вытекающее из благодарности к доброте человека чувство может перерасти в душевную привязанность и любовь, и эта любовь способна преобразить человека настолько сильно, что чудовище под ее магическим влиянием становится красавцем.

Выраженное в творчестве старшего Аксакова, «лишенное доктринальности, допускающее размытость, таинственность и мисти-

ку форм и трактовок»(17, с.484). опирающееся на романтизм духовно-нравственное пространство человеческого бытия в той или иной степени присуще не только его сыновьям и внуку, но и прочим славянофилам, особенно таким, как поэт Ф.Тютчев. Более того, его смыслы стали культурным контекстом политического кредо славянофильства, что наиболее рельефно выражено в публицистике и практике крупного общественного деятеля, идеолога движения панславянства его сына И.С. Аксакова (1823-1886).

Его политическая концепция, как и смысл обоснованной им «русской идеи»(18, с.156), кроются в глубинах не только ментально-подсознательного православного сознания, но и общинно-коммунального духовного и нравственного пространства.

Он писал, что «личность в русской общине не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности... личность поглощена в общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре» и такая жизнь открывает перед ней ее особый путь, подчиняя его на уровне подсознания задачам, которые выполняет хор в целом.

«На Западе же душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством: совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом» (там же).

Мейнстрим совокупного православного сознания и общинного ментально-подсознательного духовно-нравственного пространства выражается через мысль, которая со времен упомянутого трактата Иллариона и Поучения Владимира Мономаха без малого тысячелетие гласит, что на Руси власть есть, прежде всего, долг, за выполнение которого верховные правители ответственны перед Богом.

Из этой мысли, по мнению И.Аксакова, вытекает «особый дух русского народа», его необычная национальная психология, которая подсознательно питает весь процесс становления и функционирования российской государственности.

Этим Россия коренным образом отличается от Запада, где государственность функционирует в инертном к духовности и нравственности пространстве иерархической соподчиненности на основе искусственно рожденных бюрократических регламентов и приказов.

И.Аксаков надеялся, что отмена крепостного права благотворно повлияет на духовно-нравственное пространство подсознания не только русского общества, но и самодержавия, повернет его от абсолютизма к нравственному служению народу, ответственности перед богом.

В алгоритме духовного сближения власти с народом будут восстановлены органические общественные коммунальные связи, свойственные по убеждению этого основоположника славянофилов Древней Руси.

Он предложил проект самоупразднения дворянства, отмены «искусственных разделений сословий», распространения дворянских привилегий на все сословия. В его воззрении «монархизм сочетался с признанием необходимости личной и общественной свободы и обоснованием несовершенства любых форм государственности» (19. С.62).

Естественно, что эти надежды И.Аксакова не оправдались, и он переключил свое внимание на отношения России с Западом, в частности на начатый старшими славянофилами спор с либеральным рационализмом, расцениваемом им, как логическое знание, «отрешенное» от трудового, нравственного на подсознательном уровне начала народного бытия.

Вычленение «русской идеи», государственности из культурного процесса наводило И.Аксакова на осознание того, что этот процесс имеет истоком дух антропологической природы наций, и, следовательно, это явление в равной степени свойственно всем родственным славянским народам. А потому, геополитическое противопоставление духовно-нравственного пространства в политической сфере есть составная часть более широкого противостояния Востока-Запада.

Отсюда вытекала стратегическая идеологема этого мыслителя, оформленная им в понятиях панславянского духовно-геополитического единства, панславянского союза.

Идеи создания такого единства, мобилизации духовно-нравственной силы его в борьбе с Западом, И.Аксаков попытался практически осуществить в ходе борьбы болгарского народа за освобождение от турецкого угнетения.

На стороне турок против России выступила практически вся элита западной Европы. Славянофилы возбудили энтузиазм не только прогрессивных сил, но и масс русского народа, поднявшихся на поддержку справедливой борьбы болгар за национальную свободу. И.Аксаков, возглавив Московский славянский комитет, отдал все свои силы и даже немалую часть имущества на организацию помощи болгарскому ополчению. В Болгарии он стал в те дни, наряду с генералом Скобелевым, национальным героем.

Победа была украдена Западом путем бюрократических манипуляций на международной конференции. Во многом это произошло в результате двурушнической позиции ментально зараженной

западничеством российской правительственной бюрократии, которая отнюдь не поощряла борьбу за «свободы». Не случайно ходили упорные слухи, что немотивированная смерть генерала Скобелева была следствием боязни придворных верхов его всенародной популярности в российском обществе.

Исходя из смысла «русской идеи», культурного контекста политической природы российской государственности, славянофилы утверждали, что петровские реформы исказили ее духовно-нравственное пространство, заразив его тлетворностью бюрократии и чиновничества, породили правящий класс, резко противостоящий ментально и духовно православным ценностям народа.

Что абсолютистское самодержавие Романовых ментально «отчуждает» власть, которая подсознательно ведет себя по отношению к народу как оккупационный режим.

Однако, испытывая приверженность к идеалу монархической власти и чураясь призывов Чернышевского к Герцену «звать Русь к топору!», они активно искали мирные пути предотвращения такой метаморфозы самодержавной власти.

Особенно активен в этом поиске был старший из сыновей — и наиболее даровитый из них — философ и идеолог славянофильства К.Аксаков (1817-1860). Судьбой ему было отпущено меньше всех Аксаковых срок жизни — 43 года. Но именно он обогатил славянофильское учение наиболее целостной общественно-политической концепцией организации подлинно народной, национальной власти.

Отстаивая монархический идеал власти, он обосновал аксиому ее неделимости. На это его подвигли, очевидно, соображения необходимости противостояния России хищническим устремлениям Запада, искони зарящегося на российские богатства. Чтобы отстоять их, считал он, власть должна быть сильной, а, следовательно, без ущерба ее делимостью. Последнее, полагал он, кстати, необходимо и народу для обеспечения его большей свободы.

Эту парадоксальную дилемму К.Аксаков объяснял ненужностью для русского народа функций государственного властвования. У него-де свои более важные задачи созидательного, духовного и религиозного порядка.

Отстаивая свободу ментально православной личности в «хоровой» жизненной созидательности русской общины, он полагает, что в западной социокультуре чрезмерно укоренились ориентации на развитие рациональных начал государственности, на выражение «правды», как внутреннего начала социетальности этой личности, в законах.

«Запад потому и развил законность, писал он, что чувствовал в себе недостаток правды».

Для выражения сущности своей политической концепции он использует два понятия, наполненных им новым социально-духовным содержанием.

«Земля», под которой он и более младшие славянофилы понимали подсознательное «общественно-человеческое начало», неопределенное и мирное состояние народа», «душу народа». И «Государство» как власть, внешнюю рациональную силу, охраняющую Землю, «дело государево».

Его идеал: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — Земле; неограниченная власть — Царю, свобода мнения и слова — народу» и отношение между государством и народом на принципах взаимного невмешательства (20, с.104, 156).

Будучи консервативным традиционалистом, К.Аксаков, уповает на важный для его концептуальной политической теории социально-духовный институт — славянскую общину: «Союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом... обычаем общественным».

По его мнению, только внешняя угроза заставляет этот союз использовать для самозащиты внешние для него рациональные силы. Что не меняет, однако, отношение Земли к власти: «она по-прежнему продолжает свое общинное существование, развивая его до общенародного уровня, на котором вечевые собрания заменяются Земским собором».

Он утверждает, что русский народ, будучи по натуре не властолюбивым, не стремится к государственной власти, и не настаивает на наделении его политическими правами.

«Не желая править, народ наш желает жить... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной... Он помнит слова Христа: «Царство Мое несть от мира сего» и потому, предоставив государству царство от мира сего, он как народ христианский, избирает для себя другой путь — путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: царство Божие внутри вас есть» (21, с.24-27).

По мнению братьев Аксаковых истинно православному русскому народу негоже самому использовать бразды государственного управления, дабы не отвлекаться от собственного внутреннего нравственного пути. Поскольку-де ориентация народа на овладение государственностью и политическими свободами чревата утратой его высшей цели — внутренней правды и свободы.

Как это произошло на Западе, где народы пошли в государственную власть, включаясь в политическое и законодательное строительство, в поиски внешней правды.

Братья Аксаковы считали, что русского народа в отличие от западных наций драма «огосударствления» еще не коснулась, он по-прежнему воодушевлен подсознательным идеалом социально-духовного православия (22, с.551).

Поэтому мейнстримом их этических поисков стали поиски в основном на труде духовно-нравственном пространстве Царства Божия и уяснение его смысла. В этом они видели истоки жизненной силы русской нации.

Деревня как резервный фонд жизненной силы россиян

Понятие «жизненной силы нации» впервые использовал К.Маркс. Отмечая ее ослабление в условиях буржуазного строя, он писал о необходимости беречь в условиях капиталистической трансформации социально-территориальной организации общественного бытия деревню как «резервный фонд для возрождения жизненной силы нации» (23, с.105).

С этой идеологемой тесно связаны его мысли о необходимости в целях прогресса воспроизводства человеческого в человеке. И что для этого нужны гуманизация социальных отношений и духовно-нравственное совершенствование людей.

В этом, как видим, будучи западником-прогрессистом, К. Маркс по многим позициям смыкался с русскими, воодушевляемыми исторической памятью о языческой коммунальности бытия и идеализации сельской общинности, славянофилами.

Эта смычка оказывается еще более тесной, если рассмотреть отношение Маркса к русской общине. Правда, им она оценивалась как готовая организационная форма перехода от крепостничества к социализму, минуя стадию капитализма. Славянофилами она тоже оценивалась как организационная форма развертывания трудового духовно-нравственного пространства перестройки не только политических и правовых принципов самодержавной государственной власти, но и культурной ткани духовного совершенствования народа. Только — через трансформацию подсознательного влечения в сознательное — Земли-народа на пути в Царство Божие.

Не оправдав надежды И. Аксакова и его товарищей по течению славянофилов, отмена крепостного права, стимулировала капи-

талистическую трансформацию полуфеодальной абсолютистской самодержавной России по западному буржуазно-капиталистическому пути.

Тем самым она перечеркнула перспективы реализации надежд славянофилов на мирное, эволюционное решение общественных противоречий страны и породила движение народников, ассимилировавших многие социокультурные идеи славянофилов, но с ориентацией некоторых его участников на иные пути их воплощения в жизнь, а потому неоднородное.

Правая часть народников продолжала возлагать надежды на мирную эволюцию абсолютного самодержавия в подсознательно идеализировавшуюся ими по примеру славянофилов монархическую власть. Левое крыло стало искать пути и организационные формы кардинальной замены самодержавного абсолютизма и, как ему казалось, нашло таковые в политическом терроре и в столь же идеализированно представлявшейся им, как и славянофилам, крестьянской общине.

В связи с такими расхождениями между ними искрились дискуссии, не дававшие доказательства правоты той или иной стороны.

Сгладить эти расхождения мог бы А.Герцен, который доказывал, с одной стороны, ограниченность действенности политического террора, с другой, первый обратил внимание на трудовой социалистический социокультурный потенциал общинных форм организации бытия.

Но, как известно, люди редко признают пророков в своем Отечестве. Известная народоволка В.И.Засулич обратилась по этому поводу к Марксу с просьбой выступить третейским арбитром.

Маркс внимательно следил за процессами в России. В частности, есть его Записки, в которых он полтора десятилетия отслеживал последствия отмены в ней крепостного права. И потому он ответил Засулич рефератом на нескольких авторских листах в его собрании сочинений, а также пространном письмом в «Отечественные записки».

К.Маркс писал: «...община является точкой опоры социального возрождения России. Русская сельская община может стать предпосылкой более совершенного, чем капитализм, общественного строя. Современная русская сельская община отличается от вымерших во времена Средневековья западных аналогов тем, что она крайне жизнеспособна, поскольку живет не изолированно от современного мира» (24, с.405)

Отмечая, что после отмены крепостного права русская община начала интенсивно разрушаться и саморазрушаться, Маркс писал,

что ей необходимо обеспечить «нормальные условия свободного развития» (25. С.401).

Поэтому он советовал преемникам славянофилов в этом вопросе — народолюбцам энергично побуждать массы выступать в защиту русской крестьянской общины. Что они и пытались, было, делать, но безуспешно, поскольку упустили исторический момент для этого, и капитализм преуспел в разложении жизненной силы этой протокоммунальной формы (26, с.364-396).

Следует добавить, что некоторые социально-политические и социально-правовые идеи славянофилов унаследовали — конечно, в трансформированном виде — в дореволюционные времена не только народники, но и трудовики, анархисты, эсеры, а через них — некоторые фрагменты социокультурной значимости сельской общинности — и большевики.

В частности, их противники нередко обвиняют эту партию, что она перехватила у эсеров социально-правовую программу земельной реформы и социокультурную форму социализации крестьян, в том числе, знаменитый «Наказ крестьянских депутатов...».

Верно, перехватила, но не свидетельствовало ли это, отнюдь, не о прагматичной беспринципности Ленина, а о его умении слушать народ, понимать его нужды и, соответственно, о способности корректировать проводившуюся им политику в соответствии с чаяниями масс, не поступаясь своей генеральной линией на завоевание социализма.

Кстати, возникает вопрос, не через эсеров ли унаследовал и развил некоторые славянофильские идеи, в том числе посылки его известной теории интегральной философии и социологии, активный деятель этой партии П. Сорокин? Но об этом мы поговорим несколько подробнее в заключительном подразделе данной статьи.

Обоснованная славянофилами, прежде всего Аксаковыми, прогрессивная роль сельской общины в совершенствовании социальной организации российского общества подтверждалась на протяжении еще полутора столетий развития нашей страны.

Полуразрушенная в годы аграрной реформы Столыпина, она подобно фениксу, возродилась в годы НЭПа и проявила свою плодотворность — в ее новой модификации в форме колхозного строя — в практике успешного развития населения советской деревни в довоенные и послевоенные десятилетия.

Во многом потому, что обеспечивала простор его не только социально-экономического, но также политико-правового и духовно-нравственного пространства.

Исторический опыт показал, что российская сельская община обеспечила фундамент для сохранения в бытии дореволюционной деревни традиционных национальных ценностей, а в советский период и для интенсивного развития человеческого и социального капитала сельских жителей как носителей жизненной силы России (27, с.283-286).

Современные проекции славянофильских идей об источниках жизненной силы деревни

Идеи социетального общественного течения славянофилов по одним их позициям безвозвратно отошли в прошлое, по другим — через передачу и частичную трансформацию их преемниками как промежуточными звеньями трансляции общественной мысли — сохраняют актуальное звучание и жизнеспособные смыслы.

В частности, на фундаменте обоснований славянофилами не-совершенства любых форм государственности, в последние дореволюционные десятилетия популярным стали учения анархизма М.Бакунина и П.Кропоткина, получившее в годы гражданской войны практическое воплощение в полубандистской махновщине.

Казалось бы, они навсегда остались в прошлом, но это далеко не так. И сегодня их пытаются реанимировать некоторые общественники, разочаровавшись, как в марксизме и коммунизме, так и в либерализме и капитализме.

Отчаявшись найти пути для обретения российским народом составных его светлого будущего — социальной справедливости, свободы личности, державной субъектности и духовно-нравственного пространства развития всех этнических и национальных общностей, — они пытаются сделать это, реанимируя позитивы учения П.Кропоткина и движения Н.Махно, объявляемых ими «революционно-социалистическими» (Там же,).

Другие общественники, вроде экономиста Ю.Яковца и ректора Сыктывкарского госуниверситета М.Истиховской и т.д., отчуждаясь от марксизма и либерализма, пытаются в противовес им возвести на вершины мировой мысли концепцию интегральной философии и социологии П.Сорокина (28,).

Между тем, посылки этой концепции Сорокин нашел — через эсеровскую и народническую социальную правософию — в творчестве славянофилов, их предшественников и соратников. Например, близкого им геополитика и певца общины Н.Данилевского. И характер этих истоков не имел никакого противостояния с методологией марксизма.

Типичная позиция этих современных российских отступников от марксизма зиждется на примитивной посылке, что в противовес монистическому марксистскому пониманию истоков общественного развития, концепция интегральной философии и социологии исходит из множественности его начал.

Однако, признание марксизмом экономической доминанты социальной динамики на всю эпоху сохранения классового неравенства, отнюдь, не означает, что за пределами этой эпохи функция такой доминанты не ляжет на иные детерминации. А именно, цивилизационные, антропологические, культурные, мировоззренческие, геополитические, ноосферные...

Они и сегодня сказываются на общественной динамике и порою, как это произошло в СССР в период горбачевской «перестройки», оказывают на нее решающее значение.

Монизм диалектического материализма же, как философская основа марксизма, утверждает лишь то, что все разнообразие природы, общества и человеческого сознания является продуктом развивающейся материи.

А это ни в коей мере не противоречит плюрализму славянофильских подходов к пониманию общественного развития и междисциплинарной парадигме его, составляющей исходный постулат концепции интегральной социологии П.Сорокина.

Наряду со сказанным, необходимо заметить, что славянофильство, их идеи «русского мира» в принципе никогда не исчезали из ткани российской общественной мысли. Все советские десятилетия они присутствовали в ней в латентной форме, а порою и прорывалось, как в «Ленинградском деле» Кузнецова и его соратников, в политическую и социокультурную практику.

Сегодня имеются все основания сказать, что в форме современного неославянофильства это течение общественной мысли все активнее влияет на социокультурное, в том числе трудовое, пространство российской жизни.

В начале 90-х годов прошлого столетия образовалась во многом унаследовавшая идеи славянофилов, особенно касающихся противостояния «Восток-Запад» Российская Славянская академия (президент Б.И.Исхаков), преобразованная несколько лет назад в Международную Славянскую академию (президент С.Н.Бабурин), на программу деятельности которой значительное влияние оказывают панславянские идеи И.Аксакова. Она издает журнал «Славяне» и осуществляет активную публикаторскую деятельность.

О деятельности современных неославянофилов один из соавторов этой статьи знает по собственным наблюдениям, поскольку

свыше 20 лет был соакадемиком-секретарем Отделения философии, социологии и демографии РСА, а сейчас является действительным членом МСА.

На начальном этапе мейнстрим практической деятельности РСА характеризовался усилиями по организации панславянского единства.

Кстати, идея организации самой РСА была реализована на собрании славянской общественности в Тирасполе — столице Приднестровской Молдавской Республики.

Затем, когда восточноевропейские «братушки» и кровники отшатнулись, было, от России, упор в деятельности академии был сделан на борьбе с норманистской концепцией происхождения российской государственности, которая с подачи заподоида академика-филолога Д.Лихачева вновь получила, было, широкое хождение среди либеральствующей в буржуазном духе интеллигенции нашей страны.

В настоящее время МСА ведется активная разработка сформулированной братьями Аксаковыми «русской идеи» и вытекающей из нее постулатов духовно-нравственного пространства православного христианства как базы развития русского человека, гипотезы формирования «православного социализма».

Кстати, и это направление общественной мысли ныне становится весьма популярным у левой оппозиционной российской общественности. Вопросы формирования «Православного социализма» в последние два года уже многократно обсуждались на заседаниях известного Изборского клуба при газете «Завтра». Причем на апрельском заседании 2016 г. первыми выступили председатель КПРФ д.ф.н.Г.Зюганов и советник президента академик РАН С.Глазьев.

И конечно, очнувшись — под воздействием антироссийских санкций и геополитической агрессивности Запада по отношению к России — от пацифистских иллюзий об альтруистическом миролюбии вестернизаторов-глобалистов, отечественная общественность сегодня, как никогда, нуждается в выработанных славянофилами знаниях о духовно-нравственной подноготной, обусловившей геополитическое противостояние «Восток-Запад», «Россия-Европа».

Впрочем, сегодня активно реанимируются не только сильные, но и слабые стороны идеологием славянофильства.

Не отрывкой ли славянофильских иллюзий о социетальной прогрессивности монархии стала эмоциональная защита на страницах «Завтра» А.Прохановым и публицистом Д.Тукмаковым эстрада-

гантного шествия популистки, прозванной «няшкой» Н.Поклонской с портретом Николая П в рядах «Бессмертного полка», как будто этот представитель абсолютистского самодержавия имел какое-либо отношение к Победе советского народа в Великой Отечественной войне?

Или защитники глупости Поклонской, певцы «красной империи» согласны уже и на абсолютистское самодержавие?

Последний вопрос возникает в связи с их истеричной защитой тезиса «белые-красные — мы единый народ», надо всемерно крепить это единство¹. Спрашивается, на каких жизнесущих основаниях? Признания естественным состоянием национального бытия, как это было свойственно большинству старых славянофилов, социального неравенства? Ведь именно это защищали белые полчища Деникина, Врангеля, Колчака, и именно такое, ущербное для трудовых масс российского народа состояние утвердили сегодня в нашей стране либералы-западники...

Сказанное и оставшееся за его скобками свидетельствует, что тематика социокультурного генезиса и проявлений жизненной силы России не уходит в архив идей вчерашнего дня, а приобретает все большую злободневность.

Источники и литература

1. Германия// Википедия ru/ ikipedia/ org>.
2. См., напр. Валерий Бурт. Жертвы мысли безрассудной; Иосиф Линдер. Точка зрения; // Журнал Никиты Михалкова «Свой», декабрь 2015.
3. Пестель П.И. Русская Правда. М., 1993.
4. Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.1985.
5. Горянин А. Большое недоразумение с русской общиной. // Мифы о России. М., Penta Graphic, 2002, р. 29-40.
6. Герцен А. Былое и думы, и др. произв.; Тургеневский сборник. Л., 1968, т.4; «Письма из деревни. Очерки о крестьянстве второй половины XIX века. М. Современник, 1987.
7. Антология мировой политической мысли в пяти томах, т.3 // Политическая мысль России, X в.-первая половина XIX в. М. Мысль, 1997, с.18.
8. В.В.Зеньковский. История русской философии. Т.1, часть 1. Ленинград, «ЭГО», 1991, с.194.
9. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, составленный Екатериной П // Конституционные проекты в России. ХУШ-начало XX в. М., 2000.
10. Дидро Д. Собр. соч. т. X. Произведения, относящиеся к России. М., 1947.
11. Киреевский И. Письмо Хомякову, 1844 г. // Соч. т П, М., 1911, с.133.

¹ См. передовицы «Завтра», май 2016, №20 и 21.

12. А.Хомяков. Второе письмо к Ю.Самарину. Соч., т.1, с.327.
13. Idid. Соч. т.1., с.161 и с.173.
14. Энгельс —Йозефу Блоху, в Кёнигсберг. Лондон, 21-22 сентября 1890 г.//К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т.3. М., 1981, с. 537-540.
15. Ленин В.И. Что делать? //ПСС, т. 6.
16. И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР.// Соч. под ред.Р.И.Косолапова, М., «Писатель», т.16. С. 154-223.
17. Г.Ю.Семигин. Российские политико-правовые доктрины. М.Мысль,2005, с.484.
18. И.Аксаков.Соч. т.У. М., 1887. С.156.
19. Новая философская энциклопедия. Том первый. М. Мысль, 2000, с.62.
20. И.Аксаков И. Соч. т. 1, М., 1886, с.19; соч. т. У, с. 104,156.
21. К.Аксаков. Записки о внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов. СПб. 1898. С. 24-27.
22. Аксаков И. Соч. т.1У, с.551.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1., с.105.
24. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.19, с.405.
25. Там же, с.401.
26. См.: Сельский человек как носитель жизненной силы России // Состояние и перспективы агросельской России. Научн. проект заслуж. Деятеля науки РФ проф. В.И.Старовойтова. М.ИСПИ РАН, 2015, с.384-396.
27. См., к примеру: А.А.Разин. Человековедение как практическая философия или учение о становлении человека. Ижевск, УГУ, 2014, с.283-286 и др.
28. Питирим Сорокин. Социальная и культурная динамика. СПб, 2000.

Анцупов А.Я.,
Кандыбович С.Л.

ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

STAGES OF ELABORATION OF THE STRATEGY FOR PSYCHOLOGICAL
SCIENCE DEVELOPMENT

Анцупов А.Я. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры экономической психологии и психологии труда Института мировых цивилизаций;

Anzupov A.Ya. — Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Economic Psychology and Labor Psychology of the Institute of World Civilizations;

Кандыбович С.Л. — член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра практической психологии и психологической службы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования (ФГБОУ ВО) "Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина"

Минобрнауки РФ; e-mail: s.kandybovich@sodru.com;

Kandybovich S.L. — Doctor of Psychology, Professor.

Аннотация: Подчеркивается необходимость и важность долгосрочных прогнозов развития психологии. Показываются сильные стороны прогноза развития психологической науки к 2030 г., проведенного под руководством А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика, А.В. Юревича, и его ограничения. Обосновывается значение самобытности российской психологии. Аргументируется вывод о том, что мы уже давно живем в «Эру психологии». Предлагается последовательность этапов разработки стратегии развития российской психологии. Отсутствие обоснованной стратегии развития — главная причина, тормозящая прогресс отечественной психологии. *Не создающий своих стратегий всегда исполняет чужие.*

Annotation: The necessity and importance of long-term forecasts of the development of psychology is emphasized. The strengths of the forecast of the development of psychological science by 2030 conducted under the direction of A.L. Zhuravlev, T.A. Nestik, A.V. Yurevich, are shown. The significance of the identity of Russian psychology is substantiated. The conclusion of the presence of the "era of psychology" is argued. A sequence of stages in the development of a strategy for the development of Russian psychology is proposed. The lack of a sound development strategy is the main reason that inhibits the progress of Russian psychology. *Those who do not create their own strategies always perform other's.*

Ключевые слова: прогноз, тенденции развития, описательная модель, объяснительная модель, самобытность, стратегия развития, этапы разработки стратегии.

Key words: forecast, development trends, descriptive model, explanatory model, identity, development strategy, stages of strategy development.

Статья носит дискуссионный характер. Редколлегия может не разделять некоторые положения, высказанные в ней.

Введение

В российской психологии, как и в любой сфере жизнедеятельности человека существуют проблемы, различающиеся по масштабу, сложности, значимости. В зависимости от масштабов и значимости выделяют проблемы тактического, оперативного и стратегического уровней. Тактические ошибки, при наличии хорошей стратегии, относительно легко обнаруживаются и исправляются. Низкое качество стратегического управления даже в течение длительного времени невозможно компенсировать блестящими тактическими и оперативными успехами.

Наука, не имеющая обоснованной стратегии развития, подобна средневековому паруснику, капитаны которого не знают точно, куда же они плывут, да и компаса не имеют. Путь такого корабля определяют океанские течения, всегда попутный ветер и тактические действия команды, не дающие судну утонуть во время шторма.

Российская психология сегодня, на наш взгляд, во многом напоминает такой парусник. Стратегические проблемы ее развития не только не решаются, но практически даже не ставятся. Насколько нам известно, единственной организацией в стране, руководство которой понимает важность радикального повышения качества стратегического управления нашей наукой, является ИП РАН. Одной из стратегических проблем является проблема долгосрочного прогноза развития психологии (см. также: [13]).

Проблема качества прогноза развития психологии к 2030 г.

Проблема прогноза развития психологии к 2030 г., поставленная в работе А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика, А.В. Юревича, чрезвычайно важна и крайне актуальна [8]. Проблема стратегического прогноза развития российской¹ психологии не просто назрела, а давно перезрела. Авторы статьи справедливо указывают на то, что прогноз не является конечной целью их исследования. Прогноз необходим

¹ Далее термины «психология» и «психологи» относятся только к отечественным психологии и психологам.

для выработки адекватной научной политики в сфере психологии, для формирования оптимальных стратегий ее развития [8]. «Предвидеть — значит, управлять» — говорил Б. Паскаль еще 350 лет назад. Главной проблемой прогноза является его качество. Содержательно оно определяется обоснованностью прогноза, значимостью прогнозируемых характеристик, их системностью. Технологически качество прогноза зависит от качества работы организаторов исследования и экспертов. Программа исследования, разработанная его организаторами, качество объяснения ими полученных эмпирических данных, бесспорно, соответствуют высокому профессионализму авторов статьи. В чем-то оправданным представляется исключение из состава экспертов наиболее многочисленной группы психологов — вузовских преподавателей нашей науки. Преподаватели психологии в своих прогнозах вполне могли смешивать (часто неосознанно) развитие психологии как науки и практики с ее развитием как учебной дисциплины. Однако не следует забывать, что состояние психологии к 2030 г. от работы вузовских психологов зависит гораздо существеннее, чем от труда психологов-теоретиков и психологов-практиков вместе взятых. Кроме того, психологи-исследователи и психологи-практики основы профессиональных знаний получили, изучая психологию, все-таки, в вузах.

Каковы эксперты, таково и качество экспертизы. Их работа представляется нам несколько более проблемной. Качество прогноза определяется профессионализмом эксперта в рассматриваемой проблеме, содержанием и силой его мотивов. Предполагаем, что обеспечение необходимой мотивации у экспертов было самостоятельной, продуманной и решенной проблемой.

Кратко рассмотрим некоторые содержательные элементы ответов экспертов. Единицей анализа конечных результатов любой экспертизы является единичная оценка изучаемого явления конкретным экспертом. Обратимся к трем таким единицам.

Отвечая на вопрос о степени самобытности психологии к 2030 г., один из экспертов заметил, что наука интернациональна. «Самобытность в чем?» [8]. По сути, эксперт полагает, что если психология претендует на то, чтобы называться наукой, то о ее самобытности не может быть речи. Такая позиция показывает, что эксперт не отличает законы, например, физики, от законов психологии. Законы физики действительно интернациональны. Но даже законы Ньютона имеют границы применения, показанные А. Эйнштейном. Законы психологии имеют совсем другую природу по сравнению с законами физики. Их масштабы охватывают несколько уровней. Существуют психологические законы, справедливые для любого человека и

социума (подробнее см.: [9; 11]). Однако есть законы, действующие только в рамках определенной социальной группы: национальной, религиозной, возрастной, гендерной и др. В одной и той же ситуации русский, француз и японец могут поступать по-разному, даже противоположно. Наконец, существуют индивидуальные, неповторимые особенности работы психики конкретного человека.

Пока социально-экономическая система СССР была самобытной, наша страна являлась сверхдержавой, была лидером мировой системы социализма, на которого треть мира смотрела с надеждой, треть — уважала, треть — боялась. Как только мы лишились самобытности, стали «как все», Россия превратилась в региональное государство, которое могут безнаказанно унижать руководство США, лидеры Евросоюза, отдельных европейских стран, WADA и др.

Отрицание самобытности отечественной психологии на деле означает необходимость подражания западным образцам нашей науки. Подражание Западу — путь гарантированного саморазрушения. Какому бы идеалу мы не подражали, мы не можем стать им, потому что мы другие по сравнению с этим идеалом. Опасный результат подражания — потеря своего лица. Западная практическая психология давно пошла по ложному и опасному пути манипулирования психикой, прежде всего, психикой больших социальных групп. Поэтому у наших психологов есть пусть небогатый, но все же выбор. Либо мы, обобщая опыт развития мировой психологии, развиваем свои методологию, теорию, принципы и методы исследования, превосходящие зарубежные образцы. Мы можем ставить цель — сделать российскую психологию одной из лучших в мире, и эта цель вполне достижима. Либо к 2030 г. российская психология окончательно превратится в один из «региональных» вариантов западной (американской) психологии. Этот прогноз вероятен, если мы по-прежнему будем использовать западные устаревшие или ложные принципы и методы изучения психики, а также воздействия на нее.

Убеждение в том, что наука не может иметь своих национальных особенностей имеет немало сторонников, как показывает проведенный опрос, и в российском профессиональном психологическом сообществе [8]. Это естественно негативно сказывается на достоверности прогнозов, даваемых экспертами, разделяющими подобные заблуждения.

Проблемным также представляется прогноз экспертов роли, которую психология будет играть к 2030 г. Лучшим вариантом прогноза было наступление «психозойской эры» (термин В.И. Вернадского). Пессимистичный ответ состоял в отрицании этого события

[8]. 20% респондентов дали на данный вопрос отрицательный ответ, ка 44% ответили «скорее нет, чем да» [8]. Следовательно, 64% экспертов считают, что психология не станет одной из ведущих наук в ближайшее десятилетие. Между тем, «Эра психологии» уже давно наступила.

Эра практической психологии наступила более 2000 лет назад, может быть, и ранее. Каждый человек занимается практической психологией примерно по 16 часов в сутки от рождения до смерти без праздников, выходных и отпусков. Главным фактором, определяющим успешность жизни любого из нас, является знание своей психики и умение управлять ею, а также знание психики окружающих и умение влиять на нее. Каждый человек по первой основной специальности в жизни является практическим психологом, независимо от пола, возраста, национальности, профессии, записанной в дипломе. С момента создания религий искусственные психические образования стали определять поведение миллионов людей в той же, иногда даже большей степени, по сравнению с реальными факторами материального мира.

Все памятники материальной и духовной культуры, созданные человечеством во все времена, являются ничем иным, как материализованной психикой их авторов [15; 19]. Они создавались и совершенствовались в психике, воплощались в материю с помощью психики. Конечной, часто неявной целью их создания, было воздействие на психику. Все императоры, президенты, полководцы, выдающиеся деятели в любой сфере жизни общества достигали своих успехов, прежде всего, за счет знания практической психологии. Первопричиной их поражений, как правило, были ошибки, допущенные в оценке возможностей своей психики и психики тех, кем они управляли и кому противостояли.

Эра научной психологии наступила более 100 лет назад [20]. Хотя, изучая историю Отечественной войны 1812 г., мы понимаем, что М.И. Кутузов сознательно воздействовал на психику Наполеона, вынуждая его принимать решения, выгодные русской армии. В свою очередь, Наполеон также стремился управлять психикой М.И. Кутузова. Поединок умов завершился победой русского полководца. Уничтожение 600-тысячной «Великой армии» Наполеона было следствием более глубокого знания М.И. Кутузовым не только практической, но и зарождающейся научной психологии. В этот же период Бонапарт писал: «На войне соотношение морального фактора и физического составляет три к одному». Что это, как не признание решающей роли психологии в вооруженной борьбе!?

В течение последних двух веков многие выдающиеся мыслители (А.С. Пушкин, О. Бальзак, П. Капица и др.) вскрывали и подчеркивали ведущую роль психологии в жизни человека и общества.

Любое информационное сообщение (письменное, устное, образное) является продуктом психики его автора. Главной целью информационного сообщения выступает воздействие на психику получателя информации. Человечество уже более 2000 лет живет и развивается в эру практической психологии. Тот, кто понимает это, управляет теми, кто этого не понимает. Большинство экспертов, к сожалению, попадают во вторую категорию людей из упомянутых выше.

В течение более 10 000 лет люди, от обывателя до Аристотеля считали, что Земля — центр Вселенной. Маленькое Солнце «вращается» вокруг большой Земли. Это всеобщее заблуждение, обратное истине, нимало не влияло на реальное положение дел. Рядовая планета, маленькая Земля, масса которой в 333 000 раз меньше массы Солнца более 4 млрд. лет послушно вращается вокруг своей Звезды. Похожая ситуация сложилась и с психологией. Человек, группа, общество, цивилизация «вращаются» вокруг психики и психологии, не понимая этого. Однако это непонимание не оказывает никакого влияния на реальное положение дел. Мы живем в «эру психологии». Неопровержимое доказательство этого будет предьявлено читателю в конце первого раздела данной статьи.

Третий фрагмент нашего комментария результатов прогноза развития психологии к 2030 г. связан с его общей обоснованностью. Решение научной проблемы всегда имеет свою логику: нельзя браться за последующие этапы, не завершив решение предыдущих. Точнее, браться-то можно, но это нанесет серьезный ущерб общему качеству решения проблемы. На наш взгляд, нельзя обоснованно прогнозировать развитие психологии, не решив предварительно три крупных самостоятельных проблемы (см. также: [12]).

Во-первых, нужно объективно, глубоко и всесторонне оценить нынешнее состояние психологии. Если мы не знаем актуального состояния автомобиля, медведя, человека, психологии, как мы можем прогнозировать то, какими они будут примерно через 15 лет?

Во-вторых, нужно знать тенденции развития психологии за последние 25, а лучше за 100 лет. Последнюю четверть века психология могла «топтаться на месте», она могла все эти годы прогрессивно развиваться. При одном и том же актуальном состоянии науки, но разных тенденциях предыдущего развития, прогноз также будет различен. Мы полагаем, что формулировка цели исследования «прогноз развития до 2030 г.» была бы более удачной по сравнению с «прогноз развития к 2030 г.». Предлог «до» предполагает прогноз

тенденций развития психологии в течение ближайших 15 лет и, как следствие, ее состояния в 2030 г. Предлог «к» нацеливает эксперта на преодоление «пропасти» во времени размером в 15 лет одним «прыжком». Второй вариант прогноза гораздо сложнее первого.

В-третьих, необходимо вскрыть систему факторов и причин, под влиянием которых психология оказалась в том состоянии, в котором она находится сейчас и имеет тенденции развития, обоснованные ранее. Кроме того, важно определить те новые факторы, которые начнут влиять на развитие науки в течение прогнозируемого периода. Не выявив, например, причин депрессии у человека, трудно прогнозировать дальнейшее развитие его состояния.

«Последовательность, последовательность и последовательность... Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Никогда не пытайтесь прикрыть недостатки своих знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы не тешил ваш взор своими переливами этот мыльный пузырь, он неизбежно лопнет, и ничего кроме конфуза у вас не останется» (И.П. Павлов).

Несколько более подробно содержание этапов обоснования и принятия стратегии развития психологии, будет рассмотрено во втором разделе статьи.

Факторы, проанализированные выше, конечно снижают качество прогноза. Однако это не означает, что он носит, в известной степени, научно-фантастический характер. Авторы не сомневаются в высоком профессионализме экспертов, решающих фундаментальные исследовательские, прикладные и практические задачи. В отечественной психологии, к сожалению, нет школы стратегического планирования, нет учебной дисциплины и научной специальности, в рамках которых ставились и преподавались стратегические проблемы психологии. Поэтому отечественный психолог почти всегда отличный или хороший тактик. Он обычно не оценивает место психологии в науке в целом, не задумывается о ее роли в глобальном масштабе (хотя в самое последнее время появились подобные работы [14; 21]). Долгосрочный прогноз развития психологии — стратегическая проблема. Несоответствие границ профессионализма экспертов масштабу задаваемых вопросов — объективная предпосылка, уменьшающая достоверность сделанного прогноза. Читатель сам легко сможет убедиться в этом через 12 лет, сопоставив результаты прогноза с реальным состоянием психологии в 2030 г.

Тем не менее, даже этот факт не снижает высокой ценности исследования, проведенного А.Л. Журавлевым, Т.А. Нестиком и А.В. Юрвичем. Наш исследовательский опыт, практика коллег показывает,

что при поведении масштабных либо сложных исследований косвенные и непрогнозируемые результаты работы нередко могут оказаться ценнее прямых и ожидаемых. Мы считаем, размышления авторов обсуждаемой статьи по проблемам, в ней поднимаемым, а также их комментарии результатов прогноза развития психологии к 2030 г. не менее глубокими и интересными по сравнению с собственно оценками экспертов. Психологические особенности взаимодействия человека с сетью электронных устройств, анализ слабых сигналов приближающихся перемен, перспектива форсайт-исследований — все это стратегические проблемы, ждущие если не решения, то хотя бы реакции психологов (подробнее см.: [10; 18; 22]).

О чем бы человек ни говорил, он всегда говорит о себе. Результаты проведенной экспертизы на 90% говорят о состоянии умов современных психологов высшей квалификации. Частично это признают авторы исследования. Оценки экспертов дают разностороннюю и важную информацию о том, каким они видят будущее отечественной психологии (но не о том, каким оно будет на самом деле), насколько глубоко понимают иерархию факторов, тормозящих развитие нашей науки, показывают возможности ограничения их представлений о современном состоянии психологии и общества в целом. В этом мы видим второй компонент ценности проведенного исследования [5].

Возможно ли в нашей стране, имеющей «непрогнозируемое прошлое», прогнозирование будущего? Исследование А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и А.В. Юревича показало, что эксперты испытывали гораздо большие трудности, прогнозируя будущее российской, а не мировой психологии. Казалось, что должно быть наоборот. Эксперты живут в России и состояние отечественной психологии знают многократно лучше по сравнению с состоянием мировой психологической науки. Трудности прогнозирования будущего психологии в России связаны с тем, что не была сделана большая обязательная предварительная работа, обеспечивающая обоснованность прогноза. Кроме того, наша страна сегодня остается менее стабильной по сравнению с западным миром. Практически никто не знает, какой будет Россия не только в 2030 г., но и в 2025 г. Это, конечно, затрудняет прогноз. Однако он вполне возможен. Он может быть не только более обоснованным по сравнению с полученным прогнозом, но и гораздо более долгосрочным. Покажем это на примере. Объемная цитата, приводимая ниже, оправдана, т.к. в ней затронуты многие аспекты рассматриваемой в данной статье проблемы.

«Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... необходимо не только оторвать, но и проти-

вопоставить Украину России, сравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно, только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное — дело времени».

Кто и когда смог сделать столь точный прогноз сути нынешней ситуации на Украине? Канцлер Германии Отто фон Бисмарк в самом конце XIX (!) века. Какие выводы позволяет сделать этот удивительный прогноз?

Во-первых, читатель еще раз убеждается в том, что циничность стратегии лидеров Запада по отношению к России границ не имеет. Запад никогда не понимал Россию, всегда боялся или побаивался ее огромных размеров. По этим причинам он давно Россию ненавидит. Поскольку Запад оказывает сегодня существенное воздействие на Россию, прогнозировать развитие психологии до 2030 г., не учитывая этот фактор, невозможно.

Во-вторых, мы высоко оцениваем интеллектуальную мощь прогноза Бисмарка. В течение 110 лет, прошедших после прогноза, на планете прокатились две мировых и сотни локальных войн. Кроме участия в мировых войнах, Россия прошла через Гражданскую войну, три революции, одну контрреволюцию, завоевала статус сверхдержавы, затем потерпела поражение в информационно-психологической войне, развязанной Западом. Ни одно из этих поистине глобальных событий не оказало на точность прогноза Бисмарка практически никакого влияния. Это означает, что группа стратегов-аналитиков, обосновавших данный прогноз, и сам Бисмарк, его сформулировавший, понимали самые глубинные закономерности развития государства и общества, которые неподвластны влиянию войн и революций. Разрабатывая стратегию развития психологии до 2030 г., мы также должны понимать глубинные закономерности развития российского государства, общества, науки и др. (подробнее см.: [4; 17; 18]). Точность прогноза Бисмарка показывает, что, имея мощное обоснование можно реально прогнозировать развитие психологии не только до 2030 г., но и далее.

В-третьих, на примере прогноза Бисмарка, мы ясно понимаем ключевую роль стратегии в решении крупных практических и научных проблем. Имея обоснованную стратегию, можно медленно, но верно достичь целей, которые, на первый взгляд, кажутся просто фантастическими!

В-четвертых, полный успех в реализации стратегии, сформулированной более века назад, показывает исключительную роль и

практически неограниченную мощь психологии, как науки и практики. С помощью знания практической психологии можно не просто поменять естественный ход истории, но и попытаться развернуть его фактически на 180 градусов. Братские народы, имеющие 1000-летнюю совместную историю, целенаправленно делают врагами. Заставляют людей поступать во вред самим себе. Трансформировать психику масс так, что они Добро воспринимают Злом, а явному Злу поклоняются как Добру.

Достижение стратегической цели, сформулированной Бисмарком в конце XIX века по отношению к России, показывает, что с помощью психологии Запад добился того, чего не смог добиться в течение 250 лет силой миллионов солдат и самого передового оружия. Мощь психологии уже 30 лет назад многократно превосходила мощь и «эффективность» водородной бомбы. Тот, кто этого не понимает, остается на обочине истории. Мы давно уже живем в «Эру психологии»!

«Средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения» (П.Л. Капица). Любая информация, распространяемая с помощью СМИ, является продуктом психики ее авторов. Основной целью данной информации выступает воздействие на психику ее получателей и ее изменение в направлении, нужном источнику информации.

Российским психологам желательно преодолеть опасный разрыв между относительно скромным уровнем отечественной психологической науки и довольно высоким уровнем агрессивной мировой психологической практики. Ведущие психологи России совершенно верно ставят вопрос о превращении психологии в стратегическую науку [5; 6; 7]. Единственный способ на деле осуществить такое превращение — начать решать стратегические проблемы, стоящие перед нашим обществом. Тем более, что все они практически без исключения своим ядром имеют психологическую составляющую. Не умея решить свои стратегические проблемы, психологи вряд ли смогут решить чужие, более масштабные и сложные. Первым важным шагом в решении главных проблем, стоящих сегодня перед российской психологией, является разработка стратегии ее развития.

Этапы разработки стратегии развития психологии

Стратегическое управление циклично. Полный цикл стратегического управления включает 4 частных цикла: обоснование стратегии; ее принятие; выполнение; обобщение опыта стратегического управления [1]. Рассмотрим первые два частных цикла подробнее.

Цикл обоснования стратегии состоит из 5 этапов.

I этап — оценка нынешнего состояния психологической науки и практики. Нельзя управлять объектом, актуальное состояние которого неизвестно. Чем более объективно, глубоко и всесторонне мы оцениваем нынешнее состояние психологии, тем более качественную стратегию можно разработать на этой основе. Верно и обратное утверждение.

На данном этапе нужно провести системно-структурный и системно-функциональный анализ психологии как науки. Важно понять место психологии в структуре надсистемы, компонентом которой психология является. Такой надсистемой выступает российская наука в целом. Необходимо также определить место психологии в сверхсистеме. Ее роль играет российское государство. Системно-функциональный анализ позволит выявить функциональные связи между всеми структурными компонентами психологии и внешней среды, которые были определены ранее.

Обязательным является обоснование материальных показателей, критериев и индикаторов, посредством которых мы оцениваем состояние психологии.

Каковы психологи, такова и психология. Качество психологии как науки не просто зависит, а преимущественно определяется не только профессиональными, но и личностными качествами психологов. Нужно оценить их важные профессиональные, социальные и демографические характеристики. Анализ авторства и проблематики 1362 докторских диссертаций по психологии, защищенных в нашей стране с 1935 по 2015 гг., показал, что за последние 20 лет около 80% докторских диссертаций защищены женщинами [3]. Наиболее часто объектом исследования выступают дети, подростки, студенты, молодежь. С позиции этих характеристик психология сегодня является фактически «женской наукой с детско-молодежным лицом». Данный вывод нужно учитывать на всех последующих этапах разработки стратегии развития психологии.

Всего на данном этапе решается более 20 научных задач [2].

II этап — оценка тенденций развития психологии. Если на предыдущем этапе оценивалось статическое состояние психологии в данный момент времени, то на втором этапе оценивается ее динамика и эволюция. Знание тенденций развития облегчает прогнозирование будущего и позволяет более глубоко понять настоящее. Эволюционные тенденции характеризуют развитие психологии за достаточно длительное время. Динамические тенденции складываются за относительно короткий промежуток времени. Тенденции

также могут быть: существенные и второстепенные; явные и скрытые; устойчивые и нестабильные; позитивные и негативные.

Разрабатывая стратегию, желательно выявить эволюционные тенденции развития психологии за 120 лет и динамические — за последние 20 лет. Существенными являются тенденции, характеризующие качественное и количественное развитие психологов. Анализируя будущее, важно избежать соблазна механически перенести в прогноз тенденции, выявленные в прошлом. Необходимо выделить новые факторы, которые неизбежно появятся и будут влиять на развитие психологии в прогнозируемый период. Нужно оценить характер и степень их влияния.

Всего на данном этапе решается примерно 11 научных задач [1].

III этап — разработка объяснительной модели. На данном этапе следует ответить на два вопроса: «В силу действия каких факторов и причин психология оказалась в том состоянии, в котором она сейчас находится?». Второй вопрос: «Какова система причин, сформировавших те тенденции развития психологии, которые были выявлены на втором этапе?».

В зависимости от соотношения объективной и субъективной составляющих можно выделить 4 группы причин: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические, личностные. Кроме того, выделяют причины: внутренние и внешние; существенные и второстепенные; явные и скрытые; контролируемые и неконтролируемые.

На данном этапе желательно оценить степень влияния каждого фактора на развитие психологии и коэффициент их управляемости. Качество объяснительной модели оказывает решающее влияние на качество разрабатываемой стратегии.

IV этап — прогностическая модель развития психологии. Проблемам ее разработки посвящена первая часть статьи. Прогностическая модель обладает рядом характеристик. К числу основных можно отнести: вариативность, обоснованность, глубину прогноза во времени. Целесообразно прогнозировать минимум три варианта развития психологии: наилучший, наихудший и наиболее вероятный. Глубина прогноза во времени может иметь три степени: ближайшее будущее, отсроченное и перспективное. Если бы мы жили в условиях прогнозируемого мира, то можно было бы прогнозировать развитие психологии и до 2050 г., и до 2075 г.

V этап — модель стратегических целей развития психологии. Грамотное определение и формулировка стратегических целей является самостоятельным, достаточно сложным и ответственным этапом обоснования стратегии развития психологии. Если на предыдущем

этапе мы прогнозировали какой будет психология, если сохранится существующая стратегия управления ею, то на данном этапе определяется какой должна стать психология в результате наших управленческих воздействий. Обосновываются 9 групп целей: цели — максимум; цели — минимум; реалистические цели; а также, ближайшие, промежуточные и конечные цели по каждому названному виду.

Данный этап завершает цикл обоснования стратегии (см. рис. 1). Вторым частным циклом стратегического управления выступает цикл принятия стратегии. Он также включает 5 основных этапов.

VI этап — принятие содержательной стратегии. Оно состоит в определении системы последовательно выполняемых задач, решив которые, можно достичь поставленных целей. Цель — статическая характеристика необходимого конечного состояния психологии. Содержание стратегии — динамическая характеристика процесса развития психологии от исходного состояния к необходимому. На данном этапе мы отвечаем на вопрос: «Что делать, чтобы достичь стратегических целей?». Содержание стратегии включает 9 типовых блоков, соответствующих 9 группам стратегических целей, сформулированных на предыдущем этапе.

VII этап — принятие технологической стратегии. В процессе ее принятия необходимо определить, какими силами, средствами, временем и другими необходимыми ресурсами мы располагаем, чтобы достичь поставленных целей. Важно установить, в какой последовательности, какими способами, методами, приемами будут выполняться каждая из задач, сформулированных в содержательной стратегии. «Как делать?» — вот основная проблема, решаемая на данном этапе.

Рис. 1. Цикл обоснования стратегии

ПОДГОТОВКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Значительная часть из того, что хотелось бы сделать, часто становится невыполнимой из-за отсутствия условий, ресурсов, способов. Качество технологической стратегии не должно быть ниже качества содержательной стратегии.

VIII этап — пробное выполнение стратегии. Оно представляет собой первичное выполнение стратегии в ограниченных масштабах, на части элементов или на модели объектов управления. Пробное выполнение стратегии крайне желательно, т.к. учесть все заранее при управлении таким сложным объектом как психология практически невозможно. Пробное выполнение стратегии — это осторожное начало ее реализации, а не учеба руководителей «на тренажере».

IX этап — оценка результатов пробного выполнения стратегии, которое позволяет получить большой объем важной, полезной и разнообразной информации. Оценка этой информации дает возможность не только увидеть сильные и слабые стороны созданной стратегии, но и определить пути ее оптимизации.

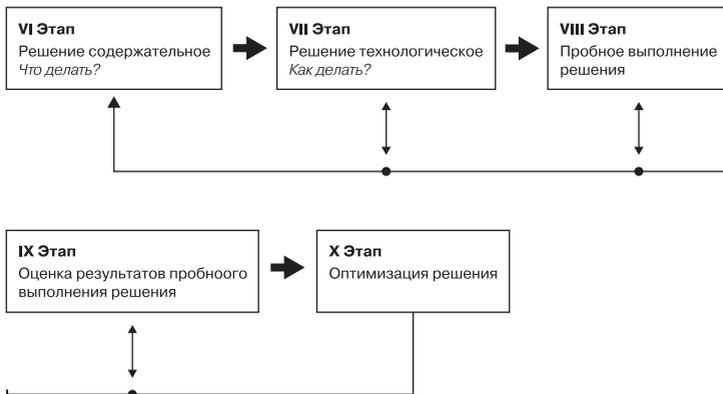
X этап — оптимизация стратегии. На основе результатов, полученных на предыдущем этапе, сначала оптимизируется содержательная стратегия, а затем технологическая.

Данный этап завершает цикл принятия стратегии (см. рис. 2)

На всех 10 этапах разработки стратегии развития психологии ее исходным компонентом является стратегия развития психологов.

Рис. 2. Цикл принятия стратегии

ПРИНЯТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Качество психологической науки не может быть выше качества подготовки ее носителей. Кроме того, мы полагаем, что внешние факторы оказывают сегодня на развитие психологии более существенное влияние по сравнению с внутренними. Поэтому прогноз развития российской науки и страны в целом выступает важным условием разработки стратегии развития психологии.

Цикл выполнения стратегии включает следующие этапы: выполнение стратегии; текущая оценка результатов деятельности; оперативная коррекция решений, действий; оценка итоговых результатов деятельности; принятие решения о завершении деятельности.

Цикл обобщения опыта стратегического управления состоит из двух этапов: обобщение материального опыта деятельности; обобщение опыта работы персонала [2].

Заключение

Работа сотрудников ИП РАН по формированию оптимальных стратегий развития современной психологии представляется чрезвычайно важной и крайне актуальной. Долгосрочное прогнозирование выступает необходимым условием своевременного реагирования психологов на быстрые, масштабные и радикальные перемены, происходящие сегодня в стране и мире. Прогноз развития психологической науки и практики, проведенный под руководством А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и А.В. Юревича, показал возможные перспективы развития российской и мировой психологии к 2030 г., а также выявил определенные ограничения обоснованности оценок, предложенных пятьюдесятью экспертами. Ограничения обоснованности обсуждаемого прогноза, на наш взгляд, связаны с двумя основными факторами.

Во-первых, с отсутствием предварительной проработки трех важных проблем, предшествующих прогнозу. Не были даны ответы на вопросы: «Каково современное состояние психологии?», «Каковы эволюция и динамика ее развития?», «Какова система факторов и причин, определяющих состояние и тенденции развития психологии?». Только после развернутого ответа на эти три вопроса, можно обоснованно говорить о том, какой будет психология к 2030 г.

Во-вторых, часть вопросов находилась за границами сферы компетентности экспертов. В основном, это вопросы, связанные с оценкой будущего мировой психологии. Полагаем, что многие эксперты не обладали всеми необходимыми для обоснованного прогноза развития мировой психологии знаниями. В огромном массиве информации, характеризующей состояние мировой психо-

логии, значительную часть ее физически трудно осмыслить, часть недоступна, часть полностью закрыта. Например, психологические принципы, методы, технологии проведения «цветных революций», многократно «успешно» апробированные Западом, засекречены. С поразительной «результативностью» данных технологий может конкурировать только их безнравственность и деструктивность.

Собственные размышления организаторов исследования о будущем психологии, их комментарии результатов прогноза показали нам не менее глубокими и интересными по сравнению с оценками экспертов. Результаты экспертизы дают разностороннюю, важную, иногда неожиданную информацию о состоянии представлений современных психологов высшей квалификации.

Механическое построение психологии по зарубежным образцам — путь превращения науки в один из «региональных» вариантов американской психологии. Нам мало печального опыта «тестомании», которую «подарил» нам Запад? Обобщая опыт мировой психологии, мы должны развивать оригинальные методологию, теорию, методы, превосходящие зарубежные образцы.

В обсуждаемых работах прозвучала нота, возможно, нами неверно понятая, об отделении когнитивных проблем психологии от политических и идеологических ассоциаций [8]. Мы полагаем, что психологи не должны дистанцироваться от участия в решении политических и идеологических проблем нашего общества. В-первых, все эти проблемы возникают, развиваются, разрешаются исключительно с помощью психики граждан, т.е., они — объект психологии. Во-вторых, некоторые из таких проблем по значимости превосходят все внутренние когнитивные проблемы психологии вместе взятые. Уклонение психологов от участия в решении проблем выживания российского человека и общества, маскируемое «священной» борьбой за «чистоту» науки, тактически возможно и оправдано, но стратегически вредно. Это не означает, что психолог обязательно должен участвовать в митингах, сборах подписей и т.п. Однако находить и защищать Истину в проблемах политики и идеологии, а также оказывать максимальную психологическую помощь борцам за Справедливость, мы, все же, обязаны. Психолог вне политики — парапсихолог.

Первым и главным условием выхода из кризиса, в котором находится сегодня психология, является разработка стратегии ее развития. Полный цикл стратегического управления состоит из 4-х частных циклов: обоснования стратегии, ее принятия, выполнения и обобщения опыта стратегического управления. Первые три частных цикла предполагают решение 5 системных научных проблем в каж-

дом из циклов. Чем более качественно обоснована стратегия, тем больше вероятность ее реализации. Разработка стратегии развития психологии начинается с разработки стратегии повышения качества подготовки психологов.

Без разработки стратегии своего развития психология не станет стратегической наукой никогда. Психика человека — главное «поле боя» XXI века, независимо от того, понимаем мы это или нет. «Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, неизбежно (курсив авт.) превращается в колонию» (Лауреат Нобелевской премии по физике Ф. Жолио-Кюри).

Литература

1. Анцупов А.Я. Стратегическое управление. М.: Техносфера, 2015. —344с.
2. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н. Проблемы психологического исследования. Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935-2007 гг. М.: Студия «Этника», 2007. —232 с.
3. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н. Актуальные проблемы психологии. Указатель 1362 докторских диссертаций. 1935-2014 гг. Учебн. пособие. М.: «Лига содейств. оборон. предпр.», 2015. 416 с.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
5. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть I. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С.3-14.
6. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть II. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С.70-86.
7. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5-25.
8. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 5-16.
9. Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
10. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
11. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова /Отв. ред. Г.Л.Белкина; ред.-сост. М.И.Фролова. М.: ЛЕ-НАНД, 2015.
12. Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

13. Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
14. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
15. Психология: Учебник для технических вузов. СПб.: Питер, 2000.
16. Психология, управление, бизнес: проблемы воздействия. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.
17. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
18. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
19. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
20. Современная экспериментальная психология: в 2-х т. Т. 1 М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
21. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное /Под науч. ред. О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
22. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137-140.

ИНТЕРНЕТ КАК РЕСУРС ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Китова Джульетта Альбертовна доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБун Институт психологии РАН, Москва, e-mail: j-kitova@yandex.ru;

Kitova Djulietta Albertovna, Psy.D., Professor. e-mail: j-kitova@yandex.ru

Аннотация: Современные глобальные процессы порождают как положительные, так и отрицательные условия в развитии общества. Феномены глобализации и информатизация социума вносят новые векторы в траекторию общественного развития, изменяют ход социальных событий, их интенсивность, содержание, характер и структуру. Интернет, как один из источников социальных изменений, приобретает значительные возможности влияния на массовое сознание и поведение больших социальных групп во всех регионах мира. Каждый участник глобальной Сети генерирует психологические потенциалы действий, которые «движутся» по коммуникационным каналам и, в целом, образуют Интернет-пространство. При этом Интернет выступает, своего рода, проводником и хранилищем общего психологического потенциала участников Сети. Интернет, в одном из своих измерений, предоставляет им возможности для организации массовых мероприятий и групповых выступлений, мобилизации протестных движений, возможности прямой трансляции идейных, религиозных и других ценностных представлений, минуя официальные каналы. В силу таких возможностей, Интернет как пространство для политиков, экономистов, социальных сообществ и индивидуальных интересов привлекает к себе все больше внимания. Насколько мощным станет его влияние на общественное развитие пока не совсем понятно, поэтому психология пользователей глобальной Сети должна все интенсивнее становиться объектом профессионального внимания представителей социо-гуманитарных наук, в частности, социальных психологов.

Аннотация: Annotation. Modern global processes generate both positive and negative situations in the development of society. The problems of globalization and the informatization of the society are introducing new vectors into the trajectory of social development, changing the course of social events, their intensity, content, nature and structure. The Internet, as a source of social change, acquires significant opportunities to influence the mass consciousness and behavior of large social groups in all regions of the world. Each participant of the global Network generates psychological actions that "move" through communication channels and, in general, form an Internet space. At the same time, the Internet acts as a kind of conductor and a repository of the general psychological potential of the network users. The Internet, in one of its dimensions, provides them with opportunities to organize mass events and group performances, mobilize protest movements, the possibility of direct broadcasting of ideological,

religious and other value representations bypassing official channels. Due to such opportunities, the Internet as a tasty morsel for politicians, economists, social communities and individual interests attracts more attention. How powerful its impact on social development will become is not entirely obvious, therefore the psychology of the users of the global Network should increasingly become an object of professional attention of social and human sciences, in particular, social psychology.

Ключевые слова: психология массового сознания, интернет-сообщества, геополитическое взаимодействие, глобальные информационные процессы, психологические угрозы.

Key words: psychology of mass consciousness, Internet communities, geopolitical interaction, global information processes, psychological threats.

Человек как основа глобальных процессов.

Признаками современных глобальных процессов выступают многочисленные тенденции: в целом повышение эффективности мирового экономического развития, проведение качественно новых условий доступа к мировым научно-техническим достижениям, оптимизация распределения ресурсов и труда в глобальном масштабе, объединение возможностей государств для решения глобальных проблем, беспрепятственное перемещение капиталов и товаров, развитие мировой индустрии отдыха и туризма и т.д. На современном этапе развития, в самом общем виде, глобализацию определяют как сложную, диалектически противоречивую трансформацию экономической, политической, социальной и культурной жизни человечества, которая ведет к формированию новых экономических, геополитических и социокультурных пространств (Арсентьева, 2008).

Глобализация, вызывая некоторые положительные тенденции, в то же время, способствует обострению уже существующих противоречий общемирового уровня и возникновению новых проблем (см., например: Россия в глобализирующемся мире ..., 2007). Среди отрицательных тенденций глобализации можно отметить такие, как подрыв суверенитета отдельных государств, ослабление национальных экономик, поляризацию бедных и богатых стран, навязывание единого стандарта потребления и образа жизни, стремление к унификации культур, рост националистических настроений.

Информатизация социума вносит новые векторы в траекторию общественного развития, изменяет ход социальных событий, их интенсивность и содержание, характер и структуру. Каждый

участник глобальной Сети генерирует психологические потенциалы действий, которые «движутся» по коммуникационным каналам и, в целом, образуют Интернет-пространство. При этом Интернет выступает, своего рода, проводником и хранилищем общего психологического потенциала участников Сети (Журавлев, Китова, 2017; Китова и др., 2017).

Среди его пользователей можно выделить активных и пассивных, создающих и потребляющих, взаимодействующих и самореплицирующихся, обучающих и обучающихся, но все они создают новые интенции, психологические (структурные и содержательные) потенциалы (информационные продукты, оценки, призывы, воззвания и т.д.), определяющие каждый раз новое (изменяющееся) состояние Интернет-пространства.

По аналогии с позицией В.А. Кольцовой, «главным творцом истории является человек, движимый своими интересами, творящий и разрушающий созданное, сохраняющий и преобразующий культурные ценности» (Кольцова, 2016). В анализируемом случае, каждый пользователь Интернета выступает такого же рода «творцом глобальных процессов».

И если ранее глобализация инициировалась в основном державами — гегемонами и их ТНК, то с появлением Интернета этот процесс приобретает «мощные собственные движущие силы с новой системой мотивации» (Коллонтай, 2002, с. 27). Новые движущие силы глобальных процессов связаны с психологией масс, с тем, что Р. Робертсон определил, как «интенсификация мирового сознания как единого целого...» (Robertson, 1998, p. 399).

Интернет как ресурс современного развития: социально-психологический анализ.

Новая ситуация мирового развития, возникающая в начале нового тысячелетия, связана с появлением и использованием Интернет-технологий. Интернет, в одном из своих проявлений, становится источником удовлетворения личностных, групповых и общественных потребностей человека. С помощью Интернета происходит опосредование развития сознания населения (политического, экономического, социального, правового и др.), а также трансформация его потребностей. Трансформация потребностей человека, социальных групп и общества в целом неизменно приведет к глобальным социальным изменениям. Какими будут результаты этих изменений не совсем очевидно, что требует обращения к соответствующим исследованиям.

Интернет стал источником новых моделей взаимодействия общества и государства, развитие информационных технологий в конце XX начале XXI веков привело к образованию глобального информационного общества. Интернет, как всемирная система объединённых компьютерных сетей, с его возможностями сохранения и передачи информации, в начале XXI века вызвал новые проблемы, с которыми человечество сталкивается впервые. Влияние Интернета на массовое сознание и поведение больших социальных групп населения велико во всех регионах мира, а его глубокое политическое осмысление пока еще не состоялось (Психологические исследования ..., 2018).

Важно помнить, что Интернет — пространство не только создаст новые возможности для развития человеческого сообщества, но может таить в себе и угрозы, как личностному, так и общественному развитию (Журавлев, Нестик, 2016; Журавлев, Китова 2017). Среди угроз общественному благополучию, которые, соответственно, таят в себе угрозу и для каждого члена общества, можно выделить, например: возможности организации массовых мероприятий и групповых выступлений, мобилизации протестных движений через социальные сети Интернета, включая оппозиционные (и провокационные), представляет возможность прямой трансляции идейных, религиозных и других ценностных представлений, минуя официальные каналы (Журавлев и др., 2016; Китова и др., 2017; Психологические исследования..., 2018; и др.). Эта ситуация обуславливает необходимость для властных структур государства разработки новых технологий управления этими процессами в интересах сохранения стабильности и полноценного функционирования государств в новых условиях.

В этом направлении возникает целый ряд сложных вопросов и трудноразрешимых проблем, представляющих серьезную социальную угрозу для человека и общества. Важными в этом отношении являются следующие вопросы: насколько возрастут в Сети технологии манипуляций; получают ли серьезное распространение негативные информационные технологии «Модель провокации», «Модель провокационного шума», «Открытый диалог»; как быстро будет распространяться Интернет-информация и будет ли эта информация снижать эффективность традиционных СМИ; какие технологии будут использоваться лидерами протестных или деструктивных движений; какие информационные стратегии станут адекватным ответом в условиях возможного глобального кризиса; какие информационные источники, и как они будут определять развитие современной цивилизации; что в этой связи может предложить психологическая наука и т.д.

В политической сфере возможности Интернета и коммуникационных технологий очевидны. В числе таких преимуществ находится и возможность выхода на международный политический уровень, пересекая государственные границы и минуя правительственные структуры. В частности, всемирное распространение получают современные протестные движения. К примеру, только в один день (16 октября 2011 г.) демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии. При этом участников вдохновляли разные цели и идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель был очевиден: рядовых граждан — американцев, греков, арабов и многих других не устраивал сложившийся порядок вещей, и они требовали перемен (Соснин, 2015).

Информационные войны как крайняя форма проявления агрессии в Сети. Основной целью любых войн, в какой бы форме они не возникали, является обладание ресурсами (Арендт, 1996). Отметим при этом, что в современных информационных войнах наиболее востребованными являются ресурсы ментального и социального характера, это обстоятельство определяет изменение характера современной войны (Jackson, 2002). В XX веке выявилась не присущая более раннему этапу развития государств закономерность. Оказалось, что «принцип самоопределения народов в сочетании с крайним национализмом ищущих самоопределения этносов» может в рамках правового поля разрушать многонациональные государства. В процессе развития информационных платформ выработались и соответствующие технологии, отмечает Н. Комлева. В качестве такого технического приема автор подчеркивает, что в современных условиях достаточно вызвать «оборонительную» национально-освободительную войну, а с ней международную симпатию, за которой обычно следует дипломатическое признание «повстанцев» (Комлева, 2013, с. 30).

Участниками глобального взаимодействия, иногда доходящих до уровня боевых действий, становятся не только правительства суверенных государств, но и неправительственные акторы, вроде «Гринпис» и «Международной амнистии», а также участники сепаратистских группировок или сторонников исламского возрождения. Иными словами, участником политических действий (обмена информацией, координации политического давления) на национальном или глобальном уровнях может стать любой человек или организация, располагающая доступом к глобальной сети Интернет (Smith, 2002). В частности, американский военный исследователь Ф. Хоффман отмечает, что в современных условиях развития

информационных технологий возникает «процесс гибридизации, в рамках которого смешиваются традиционные формы войны, организованная преступность, регулярные конфликты и терроризм», а для наиболее точного отражения характера военной действительности необходимо обращаться к понятию «гибридной войны» (Hoffman, 2009, p.34-39).

В связи с увеличением значения нематериальных ресурсов для расширения властных полномочий и развития возможностей безграничного расширения «территорий власти» и с изменением характера современных войн важнейшим ресурсом геополитического развития государств, а также различных сообществ, является сознание населения, а социальная идентичность каждого члена общества становится объектом «вражеского воздействия».

Для описания виртуальных сетевых войн уже выработался целый арсенал разнообразных терминов и дефиниций: информационные войны, виртуальная атака, виртуальный шпионаж, виртуальное вторжение, виртуальные преступления, виртуальная дезинформация, виртуальная безопасность, виртуальные военные (разведывательные, наступательные и оборонительные) операции, а также использование «информационных виртуальных бомб» или «информационных виртуальных мин». В виртуальные боевые действия наряду со спецслужбами и специальными подразделениями вооруженных сил, подключаются практически все общественные институты, в том числе СМИ, учреждения культуры, а также неправительственные организации и общественные движения как агрессоров, так и стран — жертв агрессии, отмечает В.О Саяпин (Саяпин, 2013). Вырабатываются соответствующие приемы агрессивных воздействий. Так, например, известно, что размещение негативной, вызывающей острые чувства, информации оказывается более быстрым и более действенным приемом виртуальных атак для нанесения точечных и разрушительных «ударов по социальной системе», нежели размещение позитивных новостей, продолжает автор.

«Основным оружием сетевых войн являются не пушки, а интеллектуальные и социально-психологические аберрации, «социальные перевертыши» (Комлева, 2013, с. 30). Современным объектом агрессивного воздействия становится человек-виртуальный, а «объектами разрушений и преобразований являются ценностные установки противоборствующих сторон» (Сетевые войны 2009). Кроме того, Интернет создал беспрецедентные возможности для «подавления противника без использования традиционных средств поражения» (Lamb, 1997, p. 17). При этом

важно помнить, что еще Ницше замечал, что миф и не должен быть правдой. Его функцией не выступает адекватное отражение действительности, как это обстоит с научным знанием, так как функцией мифа выступает обеспечение психологического единства общества (Комлева, 2013). Это, конечно, в идеале, на самом деле мифы могут быть использованы и для разобщения общества, — в зависимости от цели воздействия.

Существует еще одна серьезная особенность виртуальных войн. В реальных боевых действиях (не виртуальных), которые традиционно ведутся в географическом пространстве, народ в целом и каждый государства, понимает необходимость отстаивания людских, географических, природных и технологических ресурсов общества и государства, а возможность их утраты воспринимается как угроза для физического выживания и служит мобилизации населения, в том числе и психологической. В виртуальных войнах преобладают «угрозы и разрушающие воздействия психолого-идеологического и экономического характера, в значительной степени скрытые от массового сознания», вследствие чего угрозы размыты и не очевидны, а потому не могут быть восприняты всем обществом. Информационная инородность может восприниматься рядовым человеком и, как следствие, массовым сознанием, как «возможность освобождения от определенных социальных комплексов» (Комлева, 2013, с. 31).

В таком ключе, одна из главных задач современности состоит в том, чтобы научиться эффективно бороться с негативными проявлениями на всем спектре виртуального пространства, как и классического социально-экономического (Handel, 2001).

Как известно, ко второй половине прошлого века в условиях непрерывного возрастания роли глобальных процессов мировое общество начало осознавать необходимость скоординированного регулирования мировых процессов. К настоящему моменту это стало очевидной необходимостью, и давно обрело практическую реализацию в деятельности международных организаций (Организация объединенных наций, ООН; Большая восьмерка, G8; Всемирная торговая организация, WTO; Содружество Независимых Государств, CIS; Европейский союз, EU и др.). Однако остается пока еще не до конца понятным, какие концепции, принципы, технологии и механизмы должны быть заложены в основу глобально-информационного воздействия, взаимодействия и управления.

Новая ситуация развития не только меняет технологии политического воздействия и взаимодействия государств, но и чрезвычайно актуальна для начала исследований макросоциальных,

групповых и личностных факторов использования Интернет-технологий для воздействия на массовое сознание и поведение (подробнее см.: Новое в науках о человеке, 2015; Социально-психологическая оценка рисков ..., 2017).

Психологические перспективы исследования глобальных геополитических процессов.

Эволюционное развитие человека и общества уже привычно рассматривать как единое целое, в котором все фрагменты и действия элементов взаимосвязаны и взаимообусловлены. Когда в эволюционном процессе изменяются строение и функции одного элемента, то это неизбежно влечет соответственные (коррелятивные) изменения в других элементах и системах, которые взаимосвязаны множественными и неразрывными связями.

Если обратиться к современным концепциям развития человека и общества, то изначально такие исследования начали разрабатываться в недрах эволюционных теорий, затем усилились научными представлениями о значимости социальных изменений, в свое время они постепенно стали опираться уже на теории революций. Сейчас все чаще начинают говорить о теориях социальных взрывов, а «социальная революция» представляется уже излишне затяжным, в смысле реализации программы, процессом. Тому подтверждение и тот факт, что на «бескрайних информационных просторах Интернет-ресурсов можно найти массу научных работ, изобилующих терминами «динамика», «сетевая война», «нелинейность», «синергетика», «бифуркация» и «социальный взрыв» (Чернявский, 2012, с. 413). Многие из этих терминов заимствованы из точных наук, как верно отмечает Чернявский, прежде всего, из физики, химии, математики (там же, с.412). Хотя сам термин «социальный взрыв» указывает на изменения в социальной среде, тем не менее, речь идет о тех социальных процессах, которые происходят с очень высокой скоростью.

Если продолжить эти традиции и говорить о социальных изменениях психологической этимологии, обращаясь к естественнонаучным терминам, то представляется наиболее показательным использование понятия сингулярности (которое пока еще не устоялось в научных кругах, имеет как своих сторонников, так и противников, но уже хорошо известно). Термин «сингулярность» заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр, а в некоторых теориях, и начала Вселенной. Она (черная дыра) рассматривается как точка с бесконечно большой массой, температурой и нулевым объемом. По аналогии

в «психологической теории социальных взрывов» («социальные взрывы» могут быть множественными, разнородными, разнонаправленными, с разным масштабом охвата, мощностью, амплитудой и скоростью распространения и т.д., — это тема для отдельного анализа) было бы целесообразно говорить о психологических точках сингулярности, способных привести к мгновенным и масштабным социальным изменениям. Здесь возникает вопрос: можно ли рассматривать глобальную информационную Сеть как источник такого рода социальной энергии, как «психологическую точку сингулярности». Рассматривать как пространство (точку), которая не всегда себя проявляет как возможный источник социальных изменений, но заключают в себе силу, способную привести, при определенных условиях, к достаточно быстрым, в том числе мгновенным, социальным действиям (в том числе, массовым), последствия которых могут быть самыми различными?

Если исходить из позиции, что «история представляет собой арену бесконечной борьбы, в которой непрерывно меняются субъекты действия и доминирования, их цели, союзники и противники» (Касюк и др., 2016. с. 169), то происходящие изменения представляются серьезным основанием для новых исследований в сфере воздействия глобальной Сети на массовое сознание и поведение больших социальных групп. Как уже было сказано, глобальная информационная Сеть таит в себе наряду с позитивными возможностями, немало опасностей и угроз, имеет огромный потенциал для организации масштабных антисоциальных действий.

Управление глобальными информационными потоками.

Большинство поставленных выше вопросов пока не имеют законченных ответов, но их постановка по отношению, например, к анализу макропсихологического состояния современного российского общества, изучению психологических особенностей российской национальной идеи, обращению к сущностным характеристикам и психологическим факторам становления и развития российского менталитета, позволят выявить современные тенденции и наметить перспективы развития общественных процессов в условиях глобального мирового развития. Целью такого анализа, конечно же, должно стать выявление в структуре макропсихологических процессов тех элементов (факторов), которые оказывают реальное влияние на развитие глобальных процессов, обретают общий, универсальный международный характер (подробнее см.: Психологические исследования ..., 2018).

Для того, чтобы приводить в действие психологический потенциал пользователей Сети быстро и массово, необходимо «повышенная плотность» психологических каналов, задействованных в потреблении и продвижении новой информации (по необычности и (или) масштабности). Эти каналы должны иметь высокую психологическую значимость на индивидуальном, групповом или общественном уровнях (т.е. иметь высокую ценность для как можно большего количества людей и социальных групп).

Заключение. Пока нет возможности говорить об общепринятом определении глобализации в силу не совсем сформировавшихся реалий, надежно связанных с этим явлением. Кроме того, «научное определение глобализации осложняется тем, что исследования отражают различные ракурсы видения глобализации, которые различны для специалистов разных отраслей знания и зависят от целей исследования, идеологических ориентиров» (Арсентьева, 2008, с. 9).

Тем не менее, назревшая совокупность теоретических вопросов и гипотез в современном научном мире является достаточным основанием для обращения к эмпирическому социально-психологическому исследованию глобальных процессов, включая геополитических, как новой социальной реальности.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Арсентьева И.И. Глобализация и перспективы мирового развития // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №81. С.7-15.
3. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 307-314.
4. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир, 2016. С. 12-17.
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
6. Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К.. Глобализация и новый мировой порядок // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 10 (749). С. 167 —181.
7. Коллонтай В. М. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 24–30.
8. Кольцова В.А. Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 526 —530.

9. Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // *Пространство и Время*. 2013. №4 (14). С. 29 —33.
10. Китова Д.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
11. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова /Отв. ред. Г.Л.Белкина; ред.-сост. М.И.Фролова. М.: ЛЕ-НАНД, 2015.
12. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. Коллективная монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
13. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
14. Саяпин В.О.Современные вызовы виртуальных войн. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С 180-185.
15. Сетевые войны: угроза нового поколения: сборник аналитических статей. М.: Евразийскоедвижение, 2009.
16. Соснин В.А. Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // *Наука. Культура. Общество*. 2015. № 3, С.42-56.
17. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное /Под науч. ред. О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
18. Чернявский А. Д. Информационная модель «Социального взрыва» // *СИСП*. 2012. №1. С.406-426.
19. Handel M. I. *Masters of War: Classical Strategic Thought*. 3rd revised and expanded edition. L.: Frank Cass, 2001.
20. Hoffman F. G. *Hybrid Warfare and Challenges* // *Joint Force Quarterly (JFQ)*. 2009.
21. Jackson J.S. *Studies of the Presidency. American Government, Politics and Law: Unity in Diversity*. Carbondale, 2002.
22. Lamb Ch. J. *The Impact of Information Age Technologies on Operations Other Than War* // *War in the Information Age. New Challenges for U.S. Security Policy*. Washington, 1997.
23. Robertson R. *Globalization*. L., 1998.
24. Smith E. A., Jr. *Effects-Based Operations. Applying Network-Centric Warfare in Peace, Crisis and War*. Washington, DC, 2002.

Кара-Мурза С.Г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА: ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ИЛИ ИНСЦЕНИРОВКА ПОЛИТТЕХНОЛОГОВ?

FEBRUARY REVOLUTION AND PERESTROIKA: GENETIC LINK OR SHOW OF
POLITICAL TECHNOLOGISTS?

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, д. хим. наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, e-mail: skaramur@rambler.ru

Kara-Murza Sergey Georgievich, Doctor of Chemistry, Professor, Senior Research Associate ISPR RAS, e-mail: skaramur@rambler.ru

Аннотация: В 2017 г. привлекла внимание Февральская революция, и обсуждение ее материалов неожиданно привело к необычному сходству ее доктрины со структурой целей, средств, логики и организации и подходов «перестройки» 1985-1991 гг. Сравнение двух программ этих революций, напоминает перестройку ремейком фильма 70-ти лет назад. Реформаторы конца XX в. повторяли шаги и заявления либералов и меньшевиков, буржуа и коррумпированных чиновников, западников и националистов. А в завершение — терроризм. Те же жесты и патетика, обещания и ложь, провокации и поддержка Запада. И те же иллюзии, и театральный провал. Если программа Февральской революции была искренней ошибкой, порождающей стремление пойти за буржуазными революциями раннего капитализма, то операция «перестройка» похожа на хорошо отработанную технологию — прототипом «цветных революций» в крупных масштабах. Эта технология массового разрушения требует исследования. Обществоведение сильно отстало, общество и государство не готовы к таким атакам.

Annotation: February Russian revolution attracted much attention in 2017, and during its discussion was revealed the unexpected similarity of its doctrine to the structure, goals, means, logic and organisation of "perestroika" approaches in 1985-1991. Comparison of the programmes of these two revolutions makes perestroika seem like a remake of 70 year old film. Reformers of the end of XX century repeated the steps and claims of liberals and mensheviks, bourgeois and corrupted officials, westerners and nationalists. And in the end —terrorism. The same gestures and pathetic, promises and lies, provocations and support from the West. And the same illusions and theatrical fail. And if the February revolution was the sincere attempt to follow the bourgeois revolution of early capitalism, but operation "perestroika" looks more like well-developed technology — the prototype of "colour revolutions" in greater scale. This technology of massive destruction requires research. Social sciences are far beyond, state and society are not ready for such attacks.

Ключевые слова: Февральская революция, «перестройка», доктрины, аналогии, история, опыт России 1917 г., смены парадигм, устаревшие теории, коалиции революций с заведомым распадом, имитации прошлых систем как исторические ловушки, прототипы «цветных революций», современные технологии разрушения больших государств и культур.

Keywords: February revolution, "perestroika", doctrines, analogy, history, Russian experience of 1917, changes in paradigm, outdated theories, coalitions of revolutions with knowing breaking apart, simulation of past systems as historical traps, prototypes of "colour revolutions", modern technologies of destroying big states and cultures.

Исследователи, обращающиеся к истории отечественного либерализма, неизменно оказываются перед необходимостью объяснить следующий исторический парадокс: почему либеральные партии в России, так быстро набравшие политический вес в годы первой российской революции и фактически сформировавшие Временное правительство в марте 1917 года, уже к концу 1917 года потерпели столь быстрое и сокрушительное поражение? Почему либеральная альтернатива не смогла пробить себе дорогу в ходе революции и Гражданской войны.

Леонтьева О.Б. Проект «Связь времен», <http://gefter.ru/archive/19566>

Введение

Уточним: проект Февральской революции принадлежал не только либералам, а историческому блоку с противоречивой структурой. В этот блок вошли:

- правая партия Союз 17 октября (октябристы, в основном торгово-промышленная буржуазия);
- буржуазно-либеральный Прогрессивный блок;
- Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы — кадеты);
- две социалистические партии: РСДРП (меньшевики) и социалисты-революционеры (эсеры).

Для нас важно понять, почему сегодня часть нашей гуманитарной элиты, использовала доктрины и стереотипы Февральской революции для своей антисоветской революции конца XX века. Это странно потому, что интеллектуалы Февраля заложили в свой проект уже устаревшие теории и образы, что обнаружилось в 1917 г. Почти все они в эмиграции признали неадекватность своих доктрин.

Как получилось, что многие наши марксисты стали адептами учения XIX века, «не заметив» развития знаний и новых систем противоречий? Как они, желая обновить системы СССР, вернулись к образу раннего капитализма? Где были их инновации? Они, вернувшись к истокам, использовали устаревший комплекс идей и разгромили огромную страну, погрузили в бедствие миллионы людей. Ведь эти образованные интеллигенты, вовсе не желавших катастрофы, вдруг утратили навык рефлексии. Множество думающих о будущем людей во всех частях мира ждали от русских объяснения такого самосожжения. Да и все мы замучились, надо же помочь друг другу понять самих себя.

Юбилей революций 1917 г. нас подтолкнул к этому. Начнем с простых шагов. Вот феномен: антисоветская революция в России («революция–1991») опиралась на картину мира XIX века! Ее явные цели и логика были составлены из клише Февральской революции: как это понять? Это инсценировка? Что это было?

М. Горбачев неоднократно предупреждал о катастрофическом характере перестройки как революции. В 1987 г. он дал такое определение: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция... Революция — явление беспримерное. Беспримерной, революционной должна быть и наша повседневная деятельность — такой, как и полагается в революции».

А дальше выступили идеологи и «архитекторы» перестройки. Вот примеры их изречений.

Т.И. Заславская: «Перестройку ... действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. ... Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова революция».

Н.П. Шмелев: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур».

Е.Г. Ясин: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года».

Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называли эту революцию Великой: «Во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла «весь цикл, все фазы». Современный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как естественное последствие революции».

Таким образом, верхушка КПСС готовила не реформу, а слом общественного строя, с разрывом непрерывности.

Представим несколько аналогий: революции – 1991 с Февральской. Это мозаика признаков, мазками, но за ними много материалов, которых до сих пор никто и не думал сравнить массивы двух, казалось бы, разных явлений.

1. Сообщество элит

Февраль. Деятель масонства меньшевик А.Я. Гальпери писал об этой коалиции: «Очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели».

У каждой из партий были разные основания для этой ненависти. Разрушение монархии было средством достичь разные цели. Все эти силы выступили в одном строю потому, что ликвидация монархии и установление буржуазной демократии давали условия для движения к своим целям. Несовместимы октябристы и меньшевики — а стали делать одно дело.

Ясно, что такой союз с разными целями не мог иметь единого проекта, их дело было разрушить государство империи и сразу заняться собственностью. Они и не ставили цели собрать осколки после взрыва и начать строительство.

Во Временном правительстве сложился тандем: кадеты — носители идеалов западной демократии, и предприниматели — люди дела и действия, причем они порвали с прежним поколением русских дельцов. Они отвергли монархию и патерналистские отношения «хозяина» и «работника».

В.П. Рябушинский говорил, что на рубеже XIX-XX вв. в России появился феномен «кающегося купца», испытывавшего раздвоенность души: «Старый идеал «благочестивого богача» кажется наивным: быть богачом неблагочестивым, сухим, жестким, как учит Запад —

душа не принимает». Вместе с тем в России возник тип «западного» капиталиста, чуждого внутренней рефлексии: «Его не мучает вопрос, почему я богат, для чего я богат? Богат — и дело с концом, мое счастье (а для защиты от недовольных есть полиция и войска)».

1991. Г.С. Батыгин указывает на важный факт: «Ни «крестьянские войны» и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения «социальной теории» и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением «шестидесятников» и вступил в критическую фазу в период «плюрализма мнений», обозначенного атакой «докторальной публицистики», которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист». Реформирование «социальной теории» осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы».

Директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам бывший в диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя».

Советское сообщество революционеров 1980-х гг. обошлось без масонов, собралось на основе поэзии. Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е годы было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди «болели» стихами... Знание стихов стало своеобразным паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти... Когда власти попытались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление».

2. Отношение к стране как «империи зла» (Российской империи и СССР)

Февраль. Все партии, готовившие Февральскую революцию, имели свое кредо, каждый из которых были в разной степени разработанные. Но был пакт между правыми, либералами и социалистами (даже радикальными), — убрать монархию и учредить либе-

рально-буржуазную систему по западным образцам. Хотя все знали, что население это не примет.

И это было почти общим местом в рассуждениях о советской революции и тогда, и сегодня.

1991. Революционеры—1991 были объединены общей платформой и ощущали себя сообществом. Их соединяло общее прошлое, в ходе которого у них вызрел фанатичный антисоветизм. Необычным было мессианское представление об их роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко с красноречивым названием «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.): «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир».

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейной основой их дискурса была страсть разрушения. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма — ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Ненависть к стране, в которой эти люди выросли и вошли в элиту образованного слоя, поражает. Ведь эта ненависть неизбежно распространяется и на те старшие поколения, которые эту страну «полуживую вынянчили» и отстояли в тяжелейшей войне.

Сам М.С. Горбачев в своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. сказал: «Понимали ли те, кто начал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?.. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». Невиданное в истории дело — верховный правитель державы признается в своей государственной измене!

Советник президента философ А.И. Ракитов радовался: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается». М.К. Мамардашвили утверждал, что «все пространство Советского Союза — охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т.е. зона отсутствия общества... Я утверждаю, что в 1917 году произошло коллективное самоубийство общества и государственности»

3. Антиэтатизм

Февраль. Антипатии к государственности были устойчивыми установками коалиции. Важным был авторитет Маркса относительно государстве: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар».

Эта глава в учении Маркса нанесла тяжелый ущерб русскому революционному движению. Антиэтатизм — мощное орудие для разрушения общества, народа и страны. Как признал тогда А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии — важнейшему институту государства. Символическое событие, бунт 27 февраля учебной команды Волынского полка. Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель выстрелом в спину убил уходящего офицера. Командующий округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил фельдфебеля Георгиевским крестом — наградой, которой удостоивали только за личное геройство.

1 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (социал-демократ, друг Керенского, активный участник революции) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный «приказ №1». Этот приказ начал разрушение армии. А.И. Верховский (последний военный министр) писал, что «приказ №1» был отпечатан «в девяти миллионов экземпляров».

В армии была сразу проведена чистка комсостава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов).

Разрушение государства и армии генерирует общности террористов (в том числе изуверов). Крупные масштабы этого явления возникали на излете Февральской революции, как ее «хвосты» (террор эсеров в Поволжье, Прикамье и Сибири, анархистов на Украине; см. книгу Б. Савинкова «Воспоминания террориста»).

1991. Всплеск антиэтатизма мы пережили во время перестройки и 1990-х годов. Е.Т. Гайдар так представлял историю России: «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась поразному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический производ бюрократии, прикрытый демагогией».

А.И. Ракилов создал образ: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории... Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях».

Профессор МГУ философ А.П. Бутенко доказывал, что государство — всегда эксплуататор «По самой своей природе бюрократия не может предоставить трудящимся свободу от угнетения и связанных с ним новых форм эксплуатации, процветающих при казарменном псевдосоциализме с его огосударствлением средств производства».

Депутат Госдумы А. Нуйкин гордился: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину».

Общности террористов возникли практически сразу с перестройкой: в Средней Азии, на Кавказе и в Молдавии. Это был мощный инструмент разрушения государства и межнационального общегития. И сразу была начата дискредитация армии (см. «доклад комиссии Собчака 1989 г.»).

4. Влияние теории Маркса

Февраль. Маркс и Энгельс отвергали рабоче-крестьянскую революцию, дающую простор России для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пути капитализма. Поэтому для западников Октябрьская революция была реакционной контрреволюцией.

Из множества воздействий на решение кадетов и социалистов главным была иррациональная вера в пророчество Маркса, облаченное в форму теории. Сам же Маркс указал, почти грубо: «В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические». То есть, его теория была прилагается только обществу индивидов, уже проваренных в котле капитализма.

1991. Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой. В интеллигентных кругах стали ходить цитаты Маркса такого рода: «Первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности».

Эта конструкция была кредо меньшевиков в 1917–1921 гг. и команды Горбачева в конце XX в. Антисоветским идеологам не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у К. Маркса почти буквально. Вновь стал муссироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой».

5. «Непредрешенчество»

Февраль. Вот как воспринимал Пришвин, приехавший из деревни на заседание Предпарламента, вождей либерального пути (14 сентября 1917 г.): «Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые

останутся словами театра... Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре».

И.Г. Церетели, один из лидеров меньшевиков, так писал в своих «Воспоминаниях»: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности встать у власти, как это было в Февральской революции с русской социал-демократией».

1991. И тогда, и сейчас видные люди утверждают, что никакой программы действий у реформаторов не было, и поэтому страна шаг за шагом свалилась в кризис. Это нелепое оправдание, но на многих действует.

Эту концепцию задал сам Горбачев: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ».

Никто не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в переходный период. Когда спросили о программе А.Н. Яковлева, он ответил: «Интересно, как вы себе представляете «план перестройки»? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке».

А. Ципко пишет: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть, как ученые, как граждане своей страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен».

Разумеется, в перестройке активизировались и сообщества, которыми «двигала не магия революции», а присвоение государственной собственности. Откровенно определил в 1990 г. задачи перестройки Г.Х. Попов: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов... Другими словами — десоветизация».

6. «Империи рассыпаются сами»

Февраль. Деятели коалиции не собирались начать конструктивный процесс, они предпочитали дворцовый переворот. Иногда их объяснения были похожи на оправдания. Так, Керенский сказал, что монархия сама распалась: «Революция — скорее, результат полного банкротства царизма, чем следствие радикальной идеологии или народного восстания». Милюков уверял: «Произошла самоликвидация старой власти», мол, «невиноватая я, он сам...». Гучков говорил, что деятели Февраля надеялись: «после того, как дикая анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что... был 1848 г.: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть».

В ноябре 1913 года на совещании октябристов Гучков заявил о невозможности реформировать царский режим. По его словам, «глубокий паралич государственной власти» довел до того, что у страны нет «ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли». Ближе к 1917 г. эсеры стали говорить, что революция будет одновременно и «демократической, и социальной, и политической». Такой состав правительства не мог принять крупное решение. Судя по многим наблюдениям очевидцев, в Учредительное собрание мало кто верил — и прежде всего, само Временное правительство. Временное правительство за всё время своего существования так и не созвало Учредительное собрание.

1991. В 1990-х гг. действовал миф, что СССР «распался сам». О Беловежском сговоре видные политики уверяли: «Не смешите меня! Не могут три человека развалить ядерную дер-жа-ву».

Б. Ельцин с трибуны 5-го Съезда народных депутатов РСФСР в октябре 1991 г. объявил: «Период движения мелкими шагами завершен. Поле для реформ разминировано... Мы переходим, наконец, к новому экономическому курсу... Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей... В ближайшее время начнется форсированное развитие мощного частного сектора в российской экономике... Вопросы приватизации конкретного объекта должны решаться в течение не более пяти дней».

М. Горбачев в ноябре 1991 г. продолжал с оптимизмом определять свою «однозначную позицию»: «Я за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государ-

ство». Абсурдность формулы «конфедеративное государство» никого уже не трогала.

Лев Аннинский грустил: «Что делать интеллигенции? Не она разожгла костер — она лишь «сформулировала», дала поджигателям язык, нашла слова». Кредо идеологов перестройки в 80-е годы XX в. сводилось к следующему: «Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу». В таком явном виде эта формула высказывалась лишь после 1990 г., до этого в нее бы просто не поверили — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70–80-е годы XX в.

А.Н. Яковлев в 2001 г. оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стоим перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два».

В западной социальной философии этим утверждениям даже был присвоен термин: «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!

7. Западники

Февраль. Историк С.В. Тютюкин писал так: «Идеалом кадетской интеллигенции была западная демократия и сублимированный, облагороженный, по выражению Ленина, буржуазный строй, очищенный от всех пережитков средневековья и превосходящий своей свободой и правопорядком самые смелые мечты русских капиталистов. В итоге своеобразной визитной карточкой кадетов стал интегральный европеизм и ориентация на западную политическую культуру».

Потому в России и началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Это было всемирно-историческим событием, как бы к нему не относиться.

Какие основания были предполагать, что Февральская революция вдруг приобретет либерально-буржуазный характер и убедит общество начать строительство капитализма? Ни каких. Тем более, начать строительство капитализма во главе с правительством, в котором господствовали социалисты, революционеры и либералы из легальных марксистов! Понятно, почему уже летом люди, независимо от политических позиций, стали подозревать, что дело неладно.

Лидером «молодых» московских капиталистов был П.П. Рябушинский. Эта группа имела большие политические амбиции. Их

проект был ясен, П.П. Рябушинский его сформулировал так: «Нам, очевидно, не миновать того пути, каким шел Запад, может быть, с небольшими отклонениями. Несомненно, одно, что в недалеком будущем выступит и возьмет в руки руководство государственной жизнью состоятельно-деятельный класс населения».

Лидер октябристов (правых) Гучков тоже изложил свои убеждения: «Я никогда не разделял взглядов старых славянофилов и не разделяю взглядов современных социалистов, которые ждали и ждут от России какого-то спасительного слова, какого-то откровения миру. Я думал, что и мы пойдем обычным путем экономического, политического и социального развития, как это делается в других странах».

Такой евроцентризм заведомо привел проект Февральской революции к фундаментальным провалам, ее вожди опирались на опыт буржуазных европейских революций, в то время, как массивные общности российского населения имели ряд мировоззренческих представлений, принципиально отличных от европейских. Прогноз процесса был у вождей Февраля ошибочным по ряду главных пунктов. Первый пункт — непонимание интересов, ценностей и образа будущего подавляющего большинства населения России и, прежде всего, русского народа — конкретно, в первой трети XX века.

1991. Большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х годов у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной «элитности» в 1990-е годы являлась «признанность на Западе», и сама позиция репрезентанта «западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе».

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 60-е годы, и к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов.

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад: «Единственно разумной политикой является

последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному «капитализму».

8. Мышление: игнорирование реальности

Февраль. Кадеты имели привилегию получать консультации непосредственно от Макса Вебера. Его труды о русской революции («русские штудии») в наш научный оборот ввел А.С. Кустарев (А. Донде) — историк и политолог.

Он пишет: «В 1905 году началась русская революция. Макс Вебер одним из первых понял, насколько происходящее в России важно для мировой истории. Он бросил все свои занятия и занялся Россией. Стремительно выучил русский язык, вошел в контакт со своими русскими коллегами — среди них виднейшие русские либералы Петр Струве и Кистяковский, экономисты-статистики Кауфман и Святловский и др. — и написал две работы... В сущности, две книги. Переизданные вместе в 1990 году в полном собрании сочинений Вебера, они занимают том объемом около 750 страниц. И сегодня этот труд представляет собой самый большой компендиум хронографических, статистических и морфологических деталей, дающих вместе общую характеристику состояния российского общества на 1904 - 1906 год».

Прежде всего, Вебер указал на очень важные изменения капитализма начала XX века. Для ортодоксальных марксистов и либералов обычным было считать, что русская революция произошла «слишком рано» — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Это представление устарело, оно не учитывает фазу «жизненного цикла» всей капиталистической формации, прежде всего Запада, следовать которому пытались и либералы, и меньшевики.

Изучая события в России, М. Вебер приходит к гораздо более сложному и фундаментальному выводу: «слишком поздно!». Он утверждал, что успешная буржуазная революция в России уже невозможна. И дело было, не только в том, что в крестьянстве господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовмести-

мого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное было в том, что российская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Вебер считал, что буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд и занимается организацией дополняющей экономики на периферии Запада.

Надо удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли, исходя из разных философских посылок.

Вебер указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма. Он указал особенность российского общества и государства, важную и для либералов, и буржуазии: «Власть делала все возможное, в течение столетий и в последнее время, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлечит суверенному распоряжению государственной власти (искоренявшей, кстати, частное право на всякое другое «нажитое» добро), было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, так же как и община».

Кустарев поясняет: «Если это так, то негативное отношение власти и ее подданных к частной собственности не было привнесено в русское общество большевиками, на чем так упорно настаивали и сами большевики, и антикоммунистическое обыденное сознание, имеющее очень хорошо оформленную «академическую» ипостась. Можно думать, что эта особенность есть типологический определитель «русской системы», а не свидетельство ее «формационной» или «цивилизационной» отсталости».

Вебер предполагал, что крах царского режима на фоне усиления «коммунистических настроений» может привести «к чему-то совершенно небывалому, но к чему именно — предвидеть невозможно». Крах царского режима привел к СССР, а не к западному капитализму. Ничего этого интеллектуалы Февраля не учили.

1991. Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках либерализма! В 1991 году к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 году). Они

предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Дж. Гэлбрейт побывал в Москве и беседовал с нашими экономистами и сказал об их планах: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

В 1992 г. группа ведущих иностранных экспертов под руководством М. Кастельса провела интенсивные дискуссии с членами Правительства РФ и экспертами. После отъезда они составили доклад Правительству России. Там сказано: «Создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим... Культура куда важнее масштабов приватизации...»

В настоящий момент все они [новые собственники] так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер... Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства...

Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ».

9. Цивилизационный конфликт

Февраль. Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты в то время считали сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. Трудящиеся, якобы, заинтересованы лишь в том, чтобы это произошло быстрее, чтобы революция пошла по радикальному пути, по пути превращения крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

То есть, считалось, что вся сельская Россия в принципе станет капиталистической, и на это нацелена русская революция. Напротив, народники и А.Н. Энгельс-гардт в своих «Письмах из деревни» (1880-е гг.) старались показать, что это невозможно, причем именно в принципе, по непреодолимым причинам. Структура капиталистического уклада в фазе империализма создает на периферии анклавы современного производства, окруженные массой хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для Маркса социалистическая революция становится оправданной лишь после того, как капитализм довел до конца разрушение прежних укладов (прежде всего, крестьянской общины).

В Грузии руководил меньшевик Жордания, член ЦК РСДРП, к власти пришло социалистическое правительство. И оно вело войну против большевиков. Жордания объяснил: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»

1991. Идеологи революции 1980-90-х годов доказывали, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии варварства.

А.Н. Яков-лев писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации... На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы».

Другая версия: Россия была и есть часть Запада, но слегка отклонилась от «столбовой дороги», и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет — «русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад». Есть такая формула: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия».

10. Иллюзии

Февраль. Кадеты приветствовали Февральскую революцию как общенациональную: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только весь народ и осуществить».

Это нелепое заявление: как могло общество, раздираемое многими противоречиями совершить катастрофическую революцию! Всем было очевидно, что эта революция — эпизод в огромном процессе, в котором «все классы и все общественные группы ставит перед собой задачи» вовсе не одинаковые, а даже антагонистические.

Подавляющее большинство населения ждало, что революция наконец-то разрешит конфликты. Для этого требовался общественный договор — о социальных и политических правах, но Временное правительство, объявив непредрешенчество, потеряло социальную базу. В.М. Чернов пишет о кадетах, меньшевиках и эсерах: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной».

1991. Лозунгом перестройки, в числе других, было «Вернуться в лоно цивилизации!» 4 мая 1992 г. в РАН провели заседание, участники которого «исходили из неизбежности перехода России к рыночной экономике, ... сочетать достоинства и исключать недостатки капитализма и социализма... Нужно поработать над тем, как идею конвергенции облечь в приемлемые для всех народов и наций страны одежды».

Группа ведущих экономистов и философов выпустила в 2001 г. книгу «Наука и власть», о которой сказано: «Тенденции развития общества ведут к тому, что в будущем обществе возникает качественно новый синтез ценностей капитализма и социализма. Об этом пишут в рецензируемой книге почти все авторы... Отсюда можно сделать вывод о том, что в на-стоящее время возникают условия для создания новой идеологии, в которой будет осуществлен синтез прагматических — осуществимых (а не утопических) идеалов либеральной (буржуазной) и социалистической (пролетарской) и других современных, охватывающих большие слои населения идеологий».

Заключение

Лидер «молодых» представителей либерально-буржуазного общества П.П. Рябушинский в 1920 г. так объяснил причины их поражения: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая

теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекадилась через всех нас, смяла, размела и разбила».

А интеллектуалы-кадеты видели главную причину своего поражения в недостаточной укорененности либерализма на русской национальной почве. Действительно, почва России в начале XX века была неблагоприятна для либеральной системы. Что ж, такая уж была русская национальная почва! Да и сейчас почва негодна, люди пытаются перетерпеть.

Деятельность вождей и интеллектуалов Февральской революции служит нам ценным уроком, которого мы только-только начинаем изучать. Много опытных и беспристрастных ученых и наблюдателей в России и на Западе предупреждали либералов и социалистов о глубоких ошибках в их прогнозах и решениях. Почему они не вняли предупреждениям? В то время социология уже начала осваивать типологию культуры, мировоззрения, экономики народов разных цивилизаций.

Но даже и здравый смысл подсказывал, что культура и шкала ценностей большинства населения России сильно отличались от западных. Видно было, что проектировать революции и даже реформы, повторяя опыт западных культур, нельзя. Даже и на Западе революции, не были стереотипными.

В драматических условиях, но благодаря организующему действию большевиков, Советам удалось придти к власти на волне самой Февральской революции. Это сохранило много жизней, пока люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской — вторая без первой не состоялась бы.

Каков же был объективный смысл Февраля? Действия коалиции и затем Временного правительства консультировали посольства Антанты (например, даже в организации судьбы царя). Они обещали большие ресурсы для гражданской войны белым и активно организовали интервенцию — а потом их бросили. Россия была разрушена, а лидеры Февраля в эмиграции стали думать: что же они устроили и что надо было Западу? Вероятно, подумали, что Западу надо было надолго ослабить Россию и растащить империю. Бан-

ки и современные отрасли у западного капитала, все утрясется. Главное, убрать монархию, которая пыталась вырваться из ловушки периферийного капитализма — государство строило железные дороги, казенные заводы, разрабатывало пятилетние планы народного хозяйства. Для всего этого остановить, устроили революцию, но с непредрежденчеством, без проектов и решений.

Но затем массы населения эту недееспособную революцию задавили и вернулись на свою траекторию, не слишком изменив вектор России к «благой жизни». Возник СССР с огромным потенциалом. Западные стратеги и мыслители изучали этот опыт, все этнические конфликты и войны, особенно опыт фашизма, который наладил технологии выращивать в инкубаторах общности с мессианскими разрушительными проектами и «цветные» революции с разными сценариями, согласно культурам и актуальном состоянии мировоззрения и рациональности.

Сейчас мы знаем, что советское обществоведение не справилось со своей функцией, сознание послевоенных поколений деформировали застой и устаревшая идеология. В 1980-х гг. население и интеллигенция СССР были готовы пойти за дудочкой крысолова куда угодно. Бригаде крысолова дали методичку, проверенную на опыте Февральского «Майдана». Опять с непредрежденчеством и без конструктивных проектов. Все разграбить, контузить население, загнать в невежество и аутизм — а потом все наладится под крылом гегемона. Мы видим, как хиреют многие постсоветские республики, но Россия, похоже, до этого не дозрела.

Третьего «Февраля» наверняка не будет, а какие спектакли еще нам покажут, мы не знаем, но очень может быть, нам покажут триллер. Поскольку рефлексию и анализ от нас отключили, уповаем на традиции и сочувствие высших сил.

Рубан Л.С.

ИСТОРИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В ДОСОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

THE HISTORY OF THE CASPIAN SEA IN BEFORE OCTOBER PERIOD
AND POST SOVIET TIME

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, Директор Центра глобальных исследований Национального исследовательского университета «МЭИ», руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» Dr. Ruban Larissa Semionovna, Ph. D in Sociology, professor, Director and Head Researcher of the Center of Global Researches National Research University «MPEI», head of the international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration»

Аннотация: В статье автор предпринимает анализ исторических перипетий главных событий, происходящих на берегах Каспийского моря, и взаимоотношения прибрежных стран в дооктябрьский (Российской империи и Ирана) и постсоветский периоды (России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Исламской Республики Ирана): войны, походы, завоевания, переговоры и заключение мирных договоров, а также отражение этих событий в российских и зарубежных источниках. Кроме того, в статье затронута проблема делимитации (разграничения) Каспийского моря прибрежными государствами, определение его географического и правового статуса и правового режима, задача сохранения уникального биологического разнообразия. Следует отметить, что для акватории Каспийского моря, особенно его северной части, характерно богатое биологическое разнообразие (птиц, рыб, животных). В Каспийском море сосредоточено свыше 80% осетровых рыб. В соответствии с международной конвенцией ООН по морскому праву рассматриваются варианты делимитации Каспийского моря: а) как замкнутого моря или б) как озера. В зависимости от выбора море или озера показывается как меняются размеры секторов прибрежных государств. Определение географического статуса будет способствовать определению правового статуса Каспийского моря, что будет способствовать более эффективной разработке минеральных ресурсов и охране природных богатств.

Annotation: In the article the author prepare analysis of the main historical events in area of the Caspian Sea and relations between Caspian states in before October period (Russian Empire and Iran) and post soviet time (Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran): wars, military campaigns, conquest, negotiations and subscribes of the peace agreements and reflection of these events in Russian and foreign

literature. Author show resolution of the delimitation of the Caspian Sea problem, his geographical and legal status and legal regime and problem of protection unique biological resources. It should be noted that for the Caspian Sea, especially its Northern part, is characterized by rich biological diversity (birds, fish, animals). In accordance with the international UN Convention on the law of the sea considers options for the delimitation of the Caspian Sea: a) as a closed sea or b) as lake. Depending on the choice of the sea or of a lake shows you how to change the size of the sectors of coastal States. The definition of the geographical status will contribute to the definition of the legal status of the Caspian Sea that will facilitate more efficient development of mineral resources and the protection of natural resources.

Ключевые слова: Каспийское море, Россия, Иран, правовой статус, правовой режим, делимитация (разграничение), международные договоры.

Key words: Caspian Sea, Russia, Iran, legal status, legal regime, delimitation process, international agreements.

Истории освоения

Каспийского моря с древнейших времен посвящено большое количество трудов, начиная с древних греков: Анаксимандра, Гегатая Милетского, Геродота, Аристотеля, Эратосфена, Страбона до арабских, персидских, европейских ученых и путешественников. Этой теме посвящены исследования наших современников: К.К. Гюль «Из истории географических исследований Каспийского моря», переводы с арабского З.М. Буниатовой и Н.М. Велихановой «Каспийское море в арабских источниках», Р. Мамедова «Международно-правовая делимитация Каспийского моря» и «Эволюция и слагаемые международно-правового статуса Каспийского моря», иранского ученого Мохаммада Резы Дьялили «Mer Caspienne: perspectives iraniennes», И.С. Зонна «Триста лет на Каспии». Автор тоже посвятила Каспию трилогию: «Каспий — море проблем», «Каспий — море возможностей» (в соавторстве с Е.Г. Катаевой) и «Сотрудничество на Каспии — путь к успеху и процветанию» (в соавторстве с Калужным В.И.).

В древний период, когда природные богатства Каспия, как биологические, так и минеральные, еще не были открыты, важность Каспийского моря заключалась в его стратегической значимости. Его водная гладь как разделяла, так и соединяла Восток и Запад, по нему и вокруг него пролегли знаменитые торговые пути из Европы в Среднюю Азию, в Персию, Индию и далее на Восток, в том числе «Великий шелковый путь». По Каспийскому морю спасались от врагов, или, наоборот, отправлялись в походы. Волна за волной приходили разные народы на берега Каспия, и с их сменой менялось его

название: Бакинское, Гирканское, Абескунское, Хазарское, Хвалынское, Хорезмское, Джурджанское, Табаристанское, Мазандаранское, Северное, Дербентское, Арабское и др. [1, 90-91].

В последней трети восьмого века (760-761 гг.) юг Каспия был завоеван Аббасидами и до первой четверти XVII в. (1722 г.) здесь установилось персидское господство. Однако проверки его на прочность продолжались с завидным постоянством: так, первое упоминание о появлении руссов на Каспийском море в 880 г. связано с их удачным штурмом и взятием острова Абескун. В 909 г. такой поход опять был удачно повторен. До начала татаро-монгольских завоеваний Руси состоялось два крупных похода русских на Каспий: «наиболее известный состоялся в 913 г. под предводительством великого князя Игоря и 50 тысяч его дружинников на 500 судах, другой — в 1175 г. на 72 судах был совершен в окрестные с Каспием районы» [2, 396]. Спустя три века, в середине XVI столетия, после объединения некоторых русских княжеств вокруг Московского государства, русские вновь стали стремиться к утверждению своего господства в бассейнах Волги и Каспия [9, 72].

Следует отметить, что дипломатические отношения между Персией и Россией имеют значительную историю, ведь одной из первых стран, с кем установила дипломатические отношения Россия после создания Посольского Приказа в 1586-1594 гг., была Персия. Это способствовало развитию торговли между соседними странами. В 1634 г. посольская миссия Олеария прибыла в Москву, и ему было выдано разрешение на торговлю с Персией на 3 года, а в 1667 г. произошло заключение трактата с Персией о торговле с помощью специальной торговой компании армянских купцов.

Однако в развитии отношений между Россией и Персией не все было гладко, а прикаспийские (прибрежные) земли часто переходили от одной страны к другой и обратно, причем этот процесс носил циклический характер. Весной 1668 г. Степан Разин предпринял поход на Персию (1668-1669 гг.) и с несколькими сотнями казаков объявился у южного побережья Каспия, где разбил высланный персидским шахом флот из 70 кораблей. Шах жаловался на казацкие грабежи в Москву, откуда отвечали, что казаки Разина — «воровские» и царь московский их в Персию не посылал.

XVIII век кардинально изменил расстановку сил на Каспии и привел к утверждению здесь России. Так, в 1722-1723 гг. Россия провела еще одну удачную военную кампанию, так называемый Каспийский, или Персидский, поход Петра I. В итоге к Российской империи по Санкт-Петербургскому договору 1723 г. отошли прикаспийские провинции Персии (Ирана) с городами Дербент, Решт и

Астрабад. По приказу Петра I, в Астрахани был заложен порт и начато строительство российского флота, а Персия, наоборот, потяряла право судоходства на Каспийском море. Однако после смерти Петра I малолетним Петром II был заключен 13 февраля 1729 г. новый Рештский трактат с персами, по которому часть завоеванных у них провинций была им возвращена. Так в пункте 2 сказано: «Его Императорское Величество Всероссийское от своего высокоя державы из поморских провинций Астрабадскую, Мизандронскую для древнейшей дружбы Российской Империи с Персией к Персии оставлять соизволит... (но с оговоркой — примечание автора) ... дабы оны провинции ни в какие другие державы, ни под каким образом отданы бы не были, а ежели же сие предложение пренебрежено изъязвитца, то помянутые провинции паки со всеми их принадлежностями вечно да не отлучены будут от Империи Российской, и учиненные трактаты да разрушатся [10, 11].

По торговым отношениям в трактате было зафиксировано следующее положение: «К ползе обоих сторон комерции свободно и безпомешательно между обоими сторонами и ко оным принадлежащими землями подданными и жителми на земли и водою учреждены, с платежом обыкновенная пошлины... Российские подданные во всем Государстве, и землях Персицкие области ползы в своем купечестве получать... и через Персицкое Государство в Индею и в протчие Государства и земли с купечеством и караванами свободные и безопасные переезды да имеют. Равным образом и Персицкаго обстоятельства подданные в Российской стороне куда с купечеством желание востребовано будет, жительство, свободный торг и переезд имеют же» [10, 13].

Возврат персам завоеванных земель скоро стал традицией. Так, в 1735 г. Анна Иоанновна решила передать Персии ее Прикаспийские провинции, завоеванные Петром I в Персидском походе 1722-1723 гг. Говорилось, что эти провинции не приносят никакого дохода, а содержание там армии и крепостей отягощает казну. Документально это выглядело следующим образом в Рештском трактате 1732 года: «Ея Императорское Величество, показуя к Его Шахову Величеству безприкладной знак Своея высокоя приязни, уступает ... по праву оружия, за понесенная воинския многия иждивения, ... на толь многия миллионы, на воинские иждивении употребленных своих денег и на урон войск своих, от начала вступления в Персию понесенной; и обещает очистить и отдать от Его Шахова Величества с полною мочью... Провинцию Лагеджанскую с принадлежностями и весь Ранапух, по тух сторону Сепидруд реки, в месяц от заключения и разменения сего трактата считая, не ожи-

дая ратификации. Гилянскую же и Астрабатскую и прочия от Астрабата даже по Куру реку Провинции, ..., а доходы Провинций Кутума и Шефта в месяц, прочих же Провинций, по Куру реку, доходы по заключению сего трактата и по полученной Шахова Величества ратификации в три месяца, от людей Императорского Величества собираются и в казну Шахова Величества отданы быть имеют... О прочих же Провинциях и местах Персидских от реки Куры... и оных к Своему Государству присовокупить не соизволяет, но обещает их тако ж возвратить во владение Его Шахова Величества...» [10, 15]. Так, одним росчерком пера Анна Иоановна отдала Персии российские интересы и завоеванные земли, политые кровью.

Относительно торговых отношений «Ея Императорскаго Величества позволяет во всех землях и местах области своей свободное и вольное отправление купечества впредь беспошлинно, как с привезенных в Персию из России, так и с покупных возвратно Персидских и других, тамо купленных и на смену полученных товаров... свободное купечество беспошлинно позволять, також ежели похотят подданные Российские через области и земли Шахова Величества для своего купечества в Индию или во иные страны ехать, и оных також сухим путем и морем свободной и беспошлинной проезд, с товары и деньгами их, позволять непретендуя с них и с их товаров никаких пошлин и иных податей на Его Шахова Величество...».

«4. Взаимно же и подданным Его Шахова Величества в Российское государство, и через оное в иные Государства для купечества ездящим, обещается со стороны Ея Императорского Величества всякая повольность и вспоможение против прежних Государства Российского уставов и обыкновения, яко дружеским подданным надлежит... [10, 16-17].

Достоинна внимания точка зрения азербайджанского ученого Рустама Мамедова, что «международно-правовой статус Каспийского моря начал складываться именно в тот период, когда начался процесс противостояния между Россией и Персией, а также — Россией и Великобританией за владение прикаспийскими землями, а заодно и Каспием. Поскольку к началу XVIII века в этом регионе и бассейне утвердились Россия и Иран, а Великобритания лишь стремилась с помощью дипломатии получить доступ, следует признать, что фундамент под статус Каспия заложили Санкт-Петербургский (1723 г.) и Рештский (1732 г.) трактаты» [6, 4].

Рештский договор 1732 г. установил право собственности России на некоторых территориях, уступленных Персией, регламентировал свободу торговли и навигации по Каспийскому морю, а так-

же по рекам Аракс и Кура. Этот договор в отличие от договора 1723 г. предусматривал некоторые права для Персии (право судоходства), но тем самым он лишь усыпил бдительность Персии, ибо спустя чуть менее века после девятилетней войны, она снова потеряла контроль над значительной частью Южного Кавказа. Россия разрешила Персии и ее торговым судам пользоваться правом плавать по Каспийскому морю и причаливать к его портам. Что касается военных кораблей, как во время войны, так и в мирное время, только российские суда могли плавать по Каспию. Другими словами, в соответствии с этим договором только военные суда Российской империи могли находиться в акватории Каспийского моря [3, 463].

В XIX в. три могучие державы Россия, Турция и Персия (Иран) претендовали на владычество над Кавказом и Прикаспием. В 1801-1804 гг. Восточная Грузия вошла в состав Российской империи. Присоединение Грузии столкнуло Россию с Ираном и Турцией. В 1803 г. была завоевана Мегрелия, в 1804 г. — Имеретия, Гурия и Гянджа. В 1805 г. в ходе русско-иранской войны были завоеваны Карабах и Ширван. В 1806 г. добровольно в состав России вошла Осетия.

Российско-иранская война (1804-1813 гг.) закончилась подписанием Гюлистанского мира (12 октября 1813 г.), по которому Россия присоединила Дагестан и Северный Азербайджан, «Ханствы: Карабагское и Танжинское, обращенное ныне в провинцию под названием Елисаветпольской; так же Ханствы: Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышевское с теми землями сего Ханства, кои ныне состоят во власти Российской Империи. При том весь Дагестан, Грузию с Шурагельскою провинциею, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линию, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [10, 26].

По Гюлистанскому трактату (12 октября 1813 г.) давалось «право купеческим судам плавать по Каспийскому морю и персидским купеческим судам и приставать к берегам российским». По военным судам указывалось, что только «российский военный флаг существовал на Каспийском море» [10, 11]. И хотя в статье I Гюлистанского трактата значилось, что «вражда и несогласия, существовавшая доселе между Российской Империею и Персидским Государством, прекращаются от ныне впредь сим трактатом, и да будет вечный мир, дружба и доброе согласие между Его Императорским Величеством Самодержцем Всероссийским и Его Величеством Шахом Персидским, Их наследниками и преемниками

Престолов, и обоюдными их Высокими Державами» [10, 24-25]. В 1826-1828 гг. Россия опять была вынуждена воевать с Ираном. Туркманчайский мирный договор от 10 февраля 1828 г. закрепил итоги войны 1826-1828 гг.: к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства.

По вопросу судоходства данным договором в статье VIII было установлено, что купеческие суда и российские и иранские могут плавать по всему Каспийскому морю: «Российския купеческия суда, по прежнему обычаю, имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов онаго, как равно и приставать к ним... Таким же образом предоставляется и Персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам Российским... Относительно же военных судов, как издревле одни военные суда под Российским военным флагом могли плавать на Каспийском море — исключительное право, ... кроме России, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море судов военных» [10, 32].

Таким образом, договор подтвердил свободное плавание в Каспийском море для русских и иранских торговых судов и исключительное право России иметь военный флот на Каспии. России были предоставлены и преимущества в торговле с Ираном, а Персия окончательно потеряла контроль над Каспием. В ходе двух русско-персидских войн 1804-1813 гг. и 1826-1828 гг., северные границы Персии отодвинулись к реке Аракс, по которой они проходят и сегодня. 9 декабря 1881 г. состоялось подписание в Тегеране русско-иранской конвенции о разграничении территорий к востоку от Каспия, но без определения границы в водах Каспия, в которой указывалось, что «границей между владениями Российской империи и Персии к востоку от Каспийского моря постановляется следующая черта, начиная от залива Гасан-Кули... границею служит течение реки Аракс» [10, 36].

К концу XIX в. зависимость Персии от европейских держав усилилась. По англо-русскому соглашению, подписанному в августе 1907 г., Персия была поделена на русскую (северную) и английскую (южную) сферы влияния. В конце 1911 г. в Персию были введены русские и английские войска, быстро подавившие сопротивление племен. Русско-английская интервенция 1911 г. закрепила полуколониальное положение Персии.

Завершая описание досоветского периода взаимоотношений России и Персии, следует отметить, что российскими юристами и дипломатами с точки зрения международного права Каспийское море квалифицировалось как закрытое и находящееся под вла-

стью (юрисдикцией) России. Такова была точка зрения Федора Мартенса [7, 385], Л.А. Комаровского и В.А. Ульяницкого [5, 79].

В марте 1918 г. правительство Советской России распорядилось вывести из страны русские войска, в результате чего Персия практически полностью оказалась под контролем Англии. В 20-е годы СССР отказался от привилегий и преимуществ, которыми пользовалась царская Россия в странах Востока. Были отменены неравноправные договоры с Персией, Китаем и другими странами. Договоры 1921–1927 гг. с Афганистаном, Ираном, Турцией, Монголией и Китаем стали первыми в истории равноправными договорами. 26 февраля 1921 г. был подписан советско-персидский договор, по которому аннулировались все долги Персии России. Россия объявила ранее заключенные между ними договоры не действительными. Оба государства обязались соблюдать границу по начертаниям Разграничительной Комиссии в 1881 г.

Россия отказывалась от пользования островами Ашур Ада и другими островами, расположенными у побережья Астрабадской провинции Персии, возвращая местечко Фирузе и окружающие его земли, уступленные Персией России по соглашению 28 мая 1893 г. Россия передала в полное владение Персии денежные суммы, ценности, актив и пассив Учетно-Ссудного Банка Персии, а также движимое и недвижимое имущество этого банка. Иран получил в свою собственность российские концессии и имущество:

— шоссейные дороги Энзели-Тегеран и Казвин-Хамадан со всеми относящимися к этим дорогам землями, постройками и инвентарем;

— железнодорожные линии Джульфа-Тавриз и Софьян-Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и имуществом;

— пристани, товарные склады, пароходы, баржи и другие транспортные средства на Урмийском озере, со всем относящимся к ним имуществом;

— телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем;

— порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и постройками.

По условиям русско-иранского договора 1921 г. в Иране более не должны были находиться иностранные войска [10, 26]. Также утратил силу мирный трактат, заключенный в Туркманчае 10 февраля 1828 г. и его статья VIII, а следовательно Персия получала право иметь флот на Каспийском море. Было отменено монопольное право владения концессиями на рыбную ловлю в Каспийском море русских поддан-

ных. По ст. XIV договора 1921 г. Персия получила право эксплуатации данных промыслов согласно дополнительных правовых документов.

По Соглашению об эксплуатации рыбных ресурсов южного побережья Каспийского моря от 1 октября 1927 г. персидское правительство передало России концессию на право лова и переработки рыбы на своих берегах и в устье рек Сефидруд, Баболь, Горган. Специально была учреждена сроком на 25 лет до 1953 г. смешанная советско-иранская торгово-промышленная (рыбопромысловая) компания «Иран-рыба» (по другим данным, «Шилат» [7, 128]) по концессионной разработке биоресурсов южной части Каспия по разграничительной линии Астара-Гасан-Кули [4, 68].

Договор 26 февраля 1921 г. между РСФСР и Персией наряду с Договором 25 мая 1940 г. между СССР и Ираном регулирует статус Каспийского моря и в настоящий момент. Следует отметить, что периодически руководство Ирана выступало за денонсацию базового договора 1921 г. Так было в 1959 г., когда планировалось подписание советско-иранского договора о дружбе и ненападении, однако иранская сторона 5 марта 1959 г. подписала двустороннее военное соглашение с США на 20 лет. Вопрос о денонсации Договора 1921 г. (особенно статей 5 и 6) снова был поднят после образования Исламской Республики Иран в 1979 г.

Итак, современный правовой режим Каспия определяется положениями советско-иранских договоров 1921 и 1940 гг., по которым в море должно обеспечиваться свободное судоходство для судов под флагами прибрежных государств; национальный режим для судов других прикаспийских государств в своих портах и свободное рыболовство граждан прикаспийских государств по всей акватории, за исключением 10-мильной прибрежной полосы, где промысел по Договору 1940 г. резервируется за судами прибрежного государства. В Договоре 1940 г. о торговле и мореплавании были развиты положения, в частности, ст. 16 Советско-Иранской конвенции о поселении, торговле и мореплавании 1931 г. и Договора 1935 г. об установлении торговли и судоходства между СССР и Ираном.

Установление исключительной 10-мильной прибрежной полосы (национальной рыболовной зоны) определяло право собственности. Однако в настоящий момент неопределенность географического статуса Каспия обуславливает неопределенность его юридического статуса.

Если рассматривать Каспий как замкнутое или полузамкнутое море, то, в соответствии с Конвенцией ООН (1982 г.) по морскому праву, каждое из прибрежных государств имеет 12-мильную

зону «территориального моря», по которой проходит его граница, и вдобавок, по статьям 55-57 данной Конвенции, «исключительную экономическую зону», прилегающую к его границе на расстоянии 200 морских миль, если она не накладывается на сопредельные «исключительные экономические зоны». В случае пересечения территориальных морей происходит делимитация морей стран-участников и раздел по срединной (медианной) линии, равноудаленной от береговых линий прибрежных государств. По части X данной конвенции Волго-Донской и Волго-Балтийский каналы тогда рассматриваются как международные водные пути и прибрежные государства (Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркмения) имеют право на свободу транзита по ним.

Если Каспий определяется как международное озеро, то озера делятся между прибрежными государствами и линии раздела являются продолжением государственных границ или раздел проходит по линиям, соединяющим центральную точку озера с точками выхода границ прибрежных государств на береговую линию.

После распада СССР Азербайджан, Казахстан и Туркмения в качестве прибрежных государств выдвинули требования о закреплении за ними национальных участков Каспия и с 1992 г. начался переговорный процесс по делимитации Каспийского моря и разграничению суверенитетов прибрежных стран на нем. Основу данного процесса заложила Декларация 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате, по которой новые независимые государства обязывались признавать все договорные обязательства СССР. Переговорный процесс шел как на многосторонней основе, так и на двусторонних встречах. Результатом стало реальное осмысление собственных интересов и оформление конкретных позиций прикаспийских государств по вопросу раздела Каспия к концу XX в.

6 июля 1998 г. РФ и Республика Казахстан заключили Соглашение «о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» на основе срединной линии. Этапным событием в каспийском переговорном процессе стало принятие Декларации между Республикой Казахстан и РФ о сотрудничестве на Каспийском море.

9 января 2001 г. РФ и Азербайджаном была подписана Бакинская декларация и совместное заявление о принципах сотрудничества на Каспии, исходящее из того, что дно делится на зоны недропользования между прибрежными государствами, а толща моря и его поверхность остаются в общем пользовании, также предусматривается совместная разработка спорных месторождений из расчета «50 на 50». 18 ноября 2001 г. в Москве был сделан новый шаг: подпи-

сано Соглашение между Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря между этими республиками.

Итак, три прибрежных государства Россия, Азербайджан и Казахстан заняли единую позицию по делимитации Каспийского моря, вытекающую из принципа «делим дно, а вода — общая».

При анализе отношений между РФ и Ираном относительно делимитации Каспия следует помнить, что до сих пор условная граница между Ираном и СССР, а затем Россией, государствами СНГ и Ираном на Каспийском море проходила по советской «прямой линии» раздела «Астара — Гасан-Кули», южнее которой Тегерану отходит менее одной десятой акватории, т.е. 12-13%. Официально зафиксированной морской границы между СССР, а потом Россией и Персией (Ираном) никогда не было, хотя в договорах 1921 и 1940 гг., Соглашениях по рыболовству от 1931-1935 гг. раздел рыболовных зон шел именно по данной линии.

В Приказе НКВД СССР 1934 г. пограничниками была установлена в одностороннем порядке линия «Астара — Гасан-Кули» (423,2 км) по Каспийскому морю (как внутренняя административная мера), по которой происходило разграничение территориальных вод и воздушного пространства между СССР и Ираном, причем на практике не допускалась ловля рыбы иранскими судами за пределами линии Астара — Гасан-Кули. Морские и воздушные суда Ирана без предварительных согласований не пересекали и не нарушали эту условную границу. Производилось задержание персидских судов только при пересечении ими 10 и 12-ти мильных прибрежных зон, а запрет на наименование в присутствии персидской стороны советской части Каспия «Советской» или «Принадлежащей СССР» указывал на односторонность действий. Официально зафиксированной морской границы между СССР и Персией, а потом Россией и Ираном, не было.

Следует отметить, что РФ заинтересована в разделе дна моря по так называемой срединной (модифицированной) линии. В этом случае сектор Казахстана — 26%, у России — 19% (18,7%), примерно столько же у Азербайджана и Туркмении, у Ирана — около 14%.

13 мая 2002 г. на заседании ЕврАзЭС в Москве между РФ и Казахстаном было подписано Соглашение о разграничении Северного Каспия с привязкой к географическим координатам, а также о юрисдикции месторождений и подтверждено принятое в Алма-Ате предложение по юрисдикции Курмангазы (РК), Хвалынскому и Центральному (РФ) и совместному использованию данных месторождений, исходя из соотношения 50% на 50%. Следующим крупным шагом было подписание в Москве 23.09.2002 г. президентами

РФ и Азербайджана соглашения о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря.

В ноябре 2003 г. в Тегеране Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном была подписана рамочная Конвенция «Об охране окружающей морской среды Каспийского моря» в связи с необходимостью развития сотрудничества по защите морской среды Каспия от загрязнения, включая защиту, сохранение, восстановление, устойчивое и рациональное использование его биоресурсов. 12 августа 2006 г. рамочная Конвенция вступила в силу и является первым и единственным юридически обязательным соглашением, принятым всеми пятью прикаспийскими странами.

Важность этого документа велика, так как Северный Каспий является заповедной зоной с уникальным биологическим богатством, которое необходимо сохранить для будущих поколений, а успех и процветание на берегах Каспийского моря возможен только через сотрудничество всех прибрежных стран.

Литература

1. Буниятова З.М. и Велиханова Н.М. Каспийское море в арабских источниках // Известия АН Азербайджанской ССР. 1960. № 2. С. 90-91.
2. Вышнепольская С.А. Мировые морские пути и судоходство: Очерки. М., 1953. С. 396;
3. Дипломатический словарь. Том 2. М., 1985 С. 463.
4. Зонн И.С. Триста лет на Каспии. М., 2001. С. 68.
5. Комаровский Л.А., Ульяницкий В.А. Международное право. М., 1908. С. 79.
6. Мамедов Р. Эволюция и слагаемые международно-правового статуса Каспийского моря. М., 2002. № 4. С. 4.
7. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. СПб, 1904. С. 385.
8. «Море проблем». (Опыт системного исследования Каспийского региона). М., 2001. С. 128.
9. Sardari R. Un charite de l'histoire diplomatique de l'Iran / These... P., Maurice Laverque inprimfur, 1941. P. 32.
10. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: МИД СССР, 1946. С. 11.

Рубан Л.С.

**30 ЛЕТ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРОЕКТА «ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО
КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ
И ИНТЕГРАЦИИ»
(«МОСТ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ»)**

30 YEARS OF INTERNATIONAL PROJECT «DIALOGUE PARTNERSHIP
AS THE FACTOR OF STABILITY AND INTEGRATION»
(«BRIDGE BETWEEN EAST AND WEST»)

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, Директор Центра глобальных исследований Национального исследовательского университета «МЭИ», руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции»
Dr. Ruban Larissa Semionovna, Ph. D in Sociology, professor, Director and Head Researcher of the Center of Global Researches National Research University «MPEI», head of the international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration»

Аннотация: В статье автор показывает историю создания и тридцатилетней работы международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), его партнеров и направления взаимодействия по исследовательской и образовательной работе. Акцент сделан на три программы: по изучению школьной молодежи в полиэтничных регионах (крупномасштабный лонгитюд трех поколений школьников в течение 30 лет в 12 городах: Астрахани, Барнауле, Грозном, Иваново, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Москве, Назрани, Нальчике, Пскове и Ставрополе), исследованию Каспийского региона и комплексной характеристике АТР, в рамках которой проводятся уникальные международные экспертные опросы в 16 странах: Брунее, Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Республике Корея, Малайзии, Монголии, Мьянме, Непале, РФ, Сингапуре, США, Таиланде, Филиппинах, Японии, которые также как и крупномасштабный лонгитюд не имеют аналогов в нашей стране и за рубежом.

Annotation: In article author show the history of international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration» («Bridge between East and West»), his partners and direction of the cooperation in research and education work. This project include three main programs: studies of the school students during 30 years in 12 regions: 1) in Astrakhan, Barnaul, Groznyy, Ivanovo, Krasnodar, Maikop, Makhachkala, Moscow, Nazran', Nalchick, Pskov, Stavropol, 2) in Caspian Sea basin and 3) in Asia Pacific Region, during this program researchers prepare international expert surveys in 16 APR states: Brunei, Vietnam, India,

Indonesia, China, the Republic of Korea, Mongolia, Myanmar, Nepal, Russia, Singapore, USA, Thailand, the Philippines and Japan. These surveys and longitude have not analog in Russia and the world.

Ключевые слова: лонгитюд, экспертные опросы, международное сотрудничество, Азиатско-Тихоокеанский регион, Каспийского регион.

Keywords: longitude, expert surveys, international cooperation, Asia Pacific Region, Caspian Region.

Международный проект «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»)¹ был организован автором в конце декабря 1988 г. — начале 1989 г. Обычно, когда меня спрашивают, как это произошло, я отвечаю коротко: «Вызвали в Обком партии и сказали: «Надо!» На деле было несколько иначе. Я, тогда еще юная комсомолка, подготовив полное обоснование социологических опросов в школах города Астрахани и Астраханской области, сама пришла к заведующему отделом по идеологии Астраханского обкома партии Аракелян В.А., который выслушал меня с большим интересом, одобрил и поддержал проведение исследования. В Обкоме были растиражированы анкеты, оповещены о проведении опросов райкомы КПСС, которые и предоставили автотранспорт для поездок в села.

Исследование было согласовано с Астраханским областным управлением образования, заведующий которым, Шитов В.А., разрешил проведение опросов в школах города и области, понимая всю важность получаемой информации, на основании которой можно оказывать на школьников педагогическое воздействие для снижения конфликтности и формирования толерантности, повышения культуры межнационального общения, а также оценки уровня политической и правовой культуры учащейся молодежи.

Полевой этап исследования проходил не просто. В жаркую астраханскую весну мне приходилось колесить на райкомовском газике по селам области. Однако была и реальная опасность: когда мы ехали в село Алтынжар Володарского района, то опоздали на паром, и это нас спасло, так как лопнул трос, паром сорвало и долго носило по протоке. Но, несмотря на все трудности, результаты, полученные в ходе опросов, стоили того. Полученный материал я передала Председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР Абдулатипову Р.Г., у которого в последствии работала начальником отдела мониторинга этнополитической информации в Министерстве национальной политики РФ, а в сентябре 1991 г.

¹ Проект является некоммерческим.

доложила на конференции в Академии общественных наук при ЦК КПСС и в октябре 1991 г. — на конференции в Политическом центре «СААКАЛА» в Таллинне. Этот доклад в 1992 г. был опубликован на английском языке (статьи «International Contradictions in poly-ethnic Regions» и «The Process of Student's Socialization & Sociological Analysis of the Problem of the national minority School») прибалтийского журнала «Panor-Press, Weekly review of the Baltic post-soviet policy» №1 и №8 и стал доступен зарубежному читателю, а уже в августе 1994 г. я выступала с результатами исследования на Всемирном Конгрессе политической науки в Берлине.

Вот так начинался наш проект. Сейчас он включает пять исследовательских и образовательных программ: 1) по разрешению конфликтов и межэтническим отношениям, в том числе «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации», 2) по безопасности и контртерроризму, 3) по нефтегазовым ресурсам в контексте энергетической безопасности, 4-5) культурную и образовательную программы.

В рамках программы «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации» уже 30 лет проводятся опросы школьной молодежи в 12 городах России: Астрахани, Барнауле, Грозном, Иваново, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Москве, Назрани, Нальчике, Пскове и Ставрополе. Непрерывный мониторинг не только позволяет делать срез ситуации, но и выявлять основные направления конфликтности и снижать их, проверяя эффективность воздействия при повторных опросах.

Ведется большая образовательная работа в форме лекций, семинаров, тренингов и деловых игр, организуются специальные курсы, направленные на снижение конфликтности и формирование толерантности среди различных социальных и этнических групп, выработку практических навыков толерантного поведения в полиэтничной среде, разрабатываются и внедряются учебные программы и учебные пособия, которые используются как во время занятий специалистов государственной службы, силовых структур, образовательной и социальной сфер, журналистов, а также в учебном процессе ведущих российских и зарубежных вузов.

В рамках международной программы «Толерантность и многообразие» нами проводились семинары и игровые тренинги для журналистов, преподавателей, студентов и учащихся школ г. Москвы и сотрудников правоохранительных органов. Была организована поездка по обмену опытом для журналистов и преподавателей в Лондон по программе «Выбираем толерантность». Были подготовлены и изданы учебники «Как разрешать конфликты (автор Рубан Л.С.,

2007, 2008), «Формирование толерантности в полиэтничных регионах» (2011) и «Как формировать толерантность в поли-этнических регионах» (2012, 2013), которые были переданы в Департамент образования г. Москвы, школы и вузы Москвы и регионов РФ.

После событий на Манежной площади по заданию Комитета образования г. Москвы на базе Московского института открытого образования нами были проведены семинары по этноконфликтологическому мониторингу, а также тренинг и ролевая игра для преподавателей школ и сотрудников правоохранительных органов по разрешению конфликтов и формированию толерантности. Мы принимали участие в Московском форуме культуры «Культура как стратегически ресурс России в XXI века» (2011), Гуманитарном форуме «Молодое поколение — жизнь без границ» (2011), состоявшемся на ВДНХ в рамках празднования 20-летия СНГ и провели тренинг на Международном форуме молодежи на озере Селигер, за что руководитель проекта проф. Рубан Л.С. была награждена медалью «20 лет СНГ», участвовали во 2-м Российско-китайском молодежном инновационном форуме в МГУ (2012), в Международном Форуме ЮНЕСКО «Диалог как путь к пониманию» (2013), в I-м молодежном саммите Россия-АСЕАН (2013), проводили тренинги по этноконфликтологическому мониторингу для преподавателей и руководителей вузов Республики Якутия (Саха) (2015), в Московском урбанистическом форуме (2015-2017) и Форуме «Город образования» (2017), в Неделе науки и образования в интересах мира и развития и научно-практическом международном семинаре из цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество» на тему: «Образование в современном поликультурном мире: роль и миссия педагога» (2017).

Учебники и монографии (более 6000 экз.), изданные в рамках проекта, были переданы в школы и вузы Астрахани, Барнаула, Волгограда, Екатеринбурга, Карелии, Когалыма, Краснодарского и Ставропольского краев, Махачкалы, Москвы, Самары, Уфы, Якутска, Бурятии и Татарстана и нашим партнерам за рубежом: в Азербайджане, Армении, Беларуси, Казахстане, Киргизии, Туркменистане, Великобритании, Германии, Франции и странах АТР. Результаты опросов в форме аналитических докладов — представлены в Департамент образования г. Москвы и Министерство образования и науки РФ, за что была получена благодарность Министра образования и науки России в октябре 2017 г. Кроме того, наш проект тесно сотрудничает с профильными Комитетами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания России, МВД РФ, МИД РФ, «РОССОТРУДНИЧЕСТВОМ» и НК «Деловой Центр экономического развития СНГ», за что полу-

чены Почетные грамоты, орден «За вклад в просвещение» и медаль «За развитие образования».

В 2000 г. наш проект получил статус международного. Наши зарубежные партнеры — это: Университет Цинхуа (вуз №1 в КНР), Китайский университет нефти, Китайская ассоциация стратегических исследований, Университет г. Ниццы София-Антиполис (Франция), Университет Дж. Неру (Индия), Международные программы: «Толерантность и многообразие» в образовательной сфере и «Energy Exchange» в энергетике (Великобритания), Гете-Институт в Москве (Германия) и Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Подробнее хотелось бы остановиться на сотрудничестве в Китае. С китайскими научными и учебными заведениями (нашим самым крупным партнером) сотрудничество началось в 2003 г. с совместных конференций в рамках Российской академии госслужбы при Президенте РФ с Академией общественных наук КНР. Мы участвовали в российско-китайском форуме политических партий в 2007 г., а в декабре стали сотрудничать с Центром культурных исследований и обмена между Китаем и Россией Университета Цинхуа (г. Пекин), где в 2007 г. мною были прочитаны лекции по комплексной характеристике ситуации в АТР, энергетической и военной безопасности и проведен мастер-класс для аспирантов Университета Цинхуа.

Мы были соорганизаторами 2-го Российско-китайского саммита в Москве в апреле 2008 г., где прошла презентация монографии «Восточный маршрут российских углеводородов» (автор Рубан Л.С.), удостоенной серебряной медали и золотого диплома Всероссийского энергетического форума «ТЭК России в XXI веке». Спонсором издания выступила СNPC, а половина тиража монографии была торжественно передана китайской стороне для университетов и научно-исследовательских организаций КНР.

Вместе с Ассociацией стратегических исследований Китая мы участвуем в проекте «Энергетические диалоги между Китаем и Россией», в рамках которого на базе Университета Цинхуа проводятся круглые столы, посвященные сотрудничеству России и КНР в энергетической сфере с приглашением специалистов из профильных департаментов Министерства энергетики РФ и МИД РФ. В 2009 г. за развитие сотрудничества между учеными России и Китая мне было присвоено звание Почетного доктора Ассоциции стратегических исследований КНР, а в 2017 г. — звание «Почетного профессора» Института стратегического сотрудничества между Кита-

ем и Россией при Университете Цинхуа, членом ученого совета которого я являюсь с 2011 г.

С сентября 2012 г. началось наше сотрудничество с Китайским университетом нефти (Пекин), где состоялась встреча с ректором Чжан Лэйбином и профессором Пан Чанвэем, директором Центра изучения мировой нефтяной политики. Это сотрудничество развивается очень плодотворно: нами проводятся лекции и мастер-классы для аспирантов Китайского университета нефти, публикуются совместные статьи и монографии. Мы были соорганизаторами I-го Мирового форума по политике и энергетике в Пекине в декабре 2012 г., а затем симпозиумов в рамках этого Форума в апреле 2013 г. «Сотрудничество России, Китая и Казахстана в энергетической сфере в рамках ШОС. Борьба мировых держав за свои интересы на Каспии» в Ханьчжоу и в июле 2013 г. — в Пекине.

В октябре 2013 г. в Москве мы участвовали в XX международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» по теме: «Китай в эпицентре глобальных проблем АТР» и торжественно передали наши издания Цзилиньскому университету, 23-24 мая 2015 г. в Шанхае — в международной конференции «Энергетический рынок, энергетическая безопасность и международные отношения», 5 декабря 2016 г. принимали у себя китайских партнеров и гостей из 10 стран на конференции «Региональная и глобальная энергетическая безопасность: проблемы и перспективы» и 14 декабря 2016 г. — на 11-й Международной энергетической неделе. В 2017 г. Китайский университет нефти присвоил мне звание приглашенного профессора и научного советника Центра исследования России и Центральной Азии и Центра международной нефтяной политики.

В рамках нашего проекта целая серия мероприятий была посвящена безопасности и контртерроризму. В мае 2006 г. в Мэрии Москвы совместно со специалистами и выпускниками Центров безопасности и представителями Маршалл-Центра была проведена конференция на тему: «Сотрудничество России и США в борьбе с терроризмом». В июле 2006 г. совместно со специалистами из Великобритании на базе Мэрии Москвы прошла Международная конференция по безопасности мегаполисов и противодействию международному терроризму.

В марте 2009 г. совместно с Антитеррористическим центром СНГ на базе Международного юридического института (МЮИ) при Минюсте России был проведен международный учебный тренинг для молодых юристов и ролевая игра для специалистов силовых и правовых структур РФ и стран СНГ по разрешению конфликтов и игро-

вому моделированию, а в апреле 2009 г. был организован международный круглый стол «Международное сотрудничество по обеспечению безопасности и борьбе с преступностью».

В 2009 г. совместно с Программой Фулбрайт в РФ на базе МЮИ для молодых юристов были организованы лекции лучших профессоров США из Бостонской школы права и постоянного представителя Министерства юстиции США в России при Посольстве США в Москве, а в Министерстве образования и науки Астраханской области в рамках подготовки к Международному Форуму по безопасности было проведено выездное заседание с участием представителей России, США и Казахстана. В сентябре 2009 г. совместно с Комитетом безопасности Государственной Думы РФ были проведены Международный Форум «Безопасность и правопорядок — основа стабильности общества» и международный семинар «Национальная безопасность. Социальный аспект», в котором приняли участие специалисты из России, США, стран СНГ и АТР. За эту работу мы были награждены Почетной грамотой Фулбрайт за эффективное сотрудничество между российскими и американскими учеными.

В 2014-2015 гг. мы принимали участие в Национальном форуме информационной безопасности «Информационная безопасность России: новые вызовы, угрозы, решения». Делегатам Форума были вручены издания проекта. В настоящий момент в рамках проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» совместно с Московским университетом МВД России, Университетом г. Ниццы София Антиполис (Франция) и коллегами из СНГ, Германии, Швейцарии, США и стран АТР готовится международное учебное пособие по основам безопасности и контртерроризма.

Два центральных направления нашего проекта — это Каспийское и АТР.

Исследование Каспийского региона было начато в 1995 г. Эти результаты регулярно публикуются в статьях и монографиях: «Каспий — море проблем» (Л.С. Рубан, 2003), «Каспий — море возможностей» (авторы Е.Г. Катаева и Л.С. Рубан) презентация книги состоялась в сентябре 2008 г. в Астрахани на Межправительственной экономической конференции прикаспийских государств и юбилейном 10-м заседании международного Совета делового сотрудничества торгово-промышленных палат Каспийского региона «Деловой Каспий». Книга была передана специалистам правительственных структур и профильных Министерств и ведомств РФ и зарубежным партнерам, а в 2011 г. была подготовлена и издана монография «Сотрудничество на Каспии — путь к успеху и процветанию» (авторы В.И. Калужный и Л.С. Рубан).

В монографиях дан комплексный анализ Каспийского региона, его экономического развития, состояния энергетического сектора, экологии, коммуникаций, делимитации Каспийского моря, его статуса и режима, а также нормативно-правовые основы регулирования разведки, разработки и транспортировки морских углеводородов. В книгах опубликован проект модельного закона СНГ по шельфу.

В 2003 г. было начато восточное направление нашего проекта, сфокусированное на комплексной характеристике АТР, где мы сотрудничаем с Тихоокеанским Форумом, Исследовательским центром «Восток-Запад» (Гонолулу, США), Центром по изучению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др. Результаты исследований были опубликованы в серии монографий: «Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке» (2006, авторы Л.С. Рубан, Е.Г. Катаева и В.К. Хегай), «Восточный маршрут российских углеводородов» (Л.С. Рубан, 2008), «Перспективы энергетического сотрудничества Россия — АТР (в экспертных оценках)», за которую руководитель проекта была награждена золотым дипломом и Почетным знаком «Меркурий» Торгово-промышленной палаты РФ, «Россия — АТР: горизонты энергетического сотрудничества (в экспертных оценках)» (2012, 2013), «Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире» (2014), «Комплексная характеристика ситуации в АТР» (2016) и др.

В апреле 2016 г. мы выступили на научной конференции по АТР «Интересы России в АТР и перспективы отношений Россия-АСЕАН» и на Международном Форуме «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении ШОС» в Сочи, на которых доложили результаты наших международных опросов экспертов из 16-ти стран АТР: Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Китая, Республики Корея, Малайзии, Монголии, Мьянмы, Непала, РФ, Сингапура, США, Таиланда, Филиппин, Японии, проанализировав геополитическую расстановку сил и лидерство стран в регионе, экономическую и энергетическую ситуацию, состояние безопасности. Главной целью исследования был показ возможных направлений эффективного сотрудничества и согласования интересов различных стран АТР.

Итак, научно-исследовательская, образовательная, публикационная и культурно-просветительская активность в рамках проекта не снижает темпов, а наш коллектив открыт для сотрудничества с новыми партнерами.

**Соснин В.А.,
Китова Д.А.**

МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ

MACROPSYCHOLOGY, CORRUPTION AND
THEIR SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Соснин В.А. кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, e-mail: sosnirus@rambler.ru

Sosnin V.A., PhD, assistant professor, leading research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow.

Китова Д.А. доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, e-mail: j-kitova@yandex.ru
Kitova D. A. Sc.D., leading research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow.

Аннотация: Рассмотрена проблема коррупции и ее проявления на макросоциальном уровне, выделены психологические аспекты отношения населения к коррупции в России на современном этапе, возможные направления усиления коррупции на макроуровне и ее последствия для российской государственности. Статья постановочная, направлена на осознание социально-психологических и духовно-нравственных аспектов проблемы. В ней дается анализ некоторых направлений макропсихологических исследований коррупции.

Annotation: The problem of corruption and its manifestation at the macropsychological level is considered, psychological aspects of the population's attitude to the problem of corruption development in Russia at the present stage, possible perspectives of corruption development at the macro level and its consequences for the Russian state are highlighted. The article is not a discussion, it only lays the foundation for understanding the problem, its socio-psychological and spiritual-moral aspects. The article gives an analysis of possible directions of macro-psychological social and psychological research of corruption.

Ключевые слова: коррупция, безопасность государства и общества, историческое сознание, СМИ, макропсихология, тенденции исследований, противодействие коррупции.

Keywords: corruption, security of state and society, historical consciousness, mass media, macropsychology, research trends, counteraction to corruption.

Работа выполнена по Гос. заданию ФАНО РФ 0159-2016 -0006

В 2012 году, в рамках правительственного часа в Госдуме руководитель следственного комитета страны А. И. Бастрыкин предложил вернуть в Уголовный кодекс конфискацию имущества как наказание за коррупционные преступления¹. По его мнению, это, как минимум, вернет в госбюджет часть необоснованных потерь. Рассуждения Главы СК РФ не только не устарели за последние шесть лет, но и стали еще более актуальными.

В целом, проблема коррупции в современном мире, как и в научном, широко известное явление. В частности, проблема коррупции в России в последние годы довольно основательно освещается в современной социальной психологии [2, 6, 8, 9, 20]. Существуют работы, в которых представлены современные источники по данной проблематике, описаны теоретические и эмпирические подходы к исследованию коррупции, используемые отечественными и зарубежными специалистами [7, 18]. В изучении коррупции центральное место занимает проблема эффективного функционирования государства в политической, экономической, социальной, правовой, административной, социально-психологической и других сферах.

Коррупция, как комплексный социальный феномен, рассматривается в качестве взаимодействия, включающего, по крайней мере, трех субъектов процесса: «На макросоциологическом уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок — госчиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимизация любой незаконной деятельности» [9, с. 82]. Тем не менее, «большинство предложенных объяснений коррупции являются политическими или экономическими, культурные же факторы коррупционного поведения изучены мало и редко принимаются во внимание» [9, с. 7].

Социо-гуманитарный подход к исследованию коррупции. Попытки разработки концептуального социально-психологического определения коррупции неизбежно сталкиваются с юридическими, криминологическими и политическими измерениями [22, 23]. Для корректного социально-психологического анализа оправданно представить наиболее часто встречающиеся определения коррупции в исследовательской литературе.

¹ Бастрыкин предложил вернуть в Уголовный кодекс конфискацию имущества коррупционеров URL: https://news.rambler.ru/economics/36546548/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 15.01.2018)

«Существенная или содержательная» (grand) и «мелкая» (petty) коррупция. Существенная коррупция — это коррупция, которая существует в высших эшелонах власти и правительственных структурах. Такая коррупция ведет к эрозии доверия населения страны к структурам государственного управления и, в конечном счете, к проблемам с экономической стабильностью государства [25, р. 321-336].

Мелкая коррупция (в научной периодике принято называть этот уровень коррупции бытовым) включает в себя обмен незначительными суммами денег, что дает людям некоторое (незначительное с макросоциальных позиций) преимущество. К такому уровню коррупции можно отнести, например, помощь в устройстве родственников или друзей на престижную службу. Основная разница между этими формами коррупции состоит в том, что первый вид коррупции ведет к дисфункциям государственного управления, вторая — присутствует в различных ведомственных и организационных структурах.

«Реальная» и «потенциальная» коррупция. В дискуссиях и исследованиях по коррупции реальная форма коррупции («активная взятка») рассматривается как взятка или подкуп, обычно относится к предложению или возможной оплате взятки и ее принятию. Потенциальная коррупция — это «пассивная взятка» — т.е. возможный или ожидаемый вид получения взятки, так и ее возможная оплата, не реализованная по ряду причин. «Активная коррупция» будет включать все случаи, где оплата взятки и/или ее принятие будут иметь место. «Пассивная взятка» — это когда взятка предлагается или вымогается, но в итоге не реализуется по объективным или субъективным причинам.

Растрата, воровство, мошенничество. Эти виды коррупции включают или принятие денег, или перераспределение собственности и других материальных ценностей, которыми индивид не владеет, но благодаря своему служебному положению или связям, имеет доступ к принятию решения по управлению этими активами [21].

Вымогательство. В то время как взятка предполагает оплату и ее принятие по взаимной договоренности, вымогательство как форма коррупции опирается на принуждение — использование угроз или компрометирующей информации для «принуждения к сотрудничеству». В ряде случаев вымогательство может отличаться от взятки только степенью оказываемого давления (не зависимо от уровня коррупционных отношений — на уровне правительственных структур или на муниципальном уровне).

Злоупотребление своими полномочиями. В ряде случаев коррупция проявляется как злоупотребление своими полномочиями для получения личной выгоды. Например, официальное лицо, ответственное за заключение контрактов государства с частными компаниями, может использовать свои полномочия для получения личной выгоды в качестве материальных ценностей или услуг от заинтересованных компаний.

Фаворитизм и nepoтизм. В целом эти формы коррупции включают злоупотребление властными полномочиями также, как и получение взяток. Если коррумпированное официальное лицо принимает своего родственника на престижную должность в их обоюдных интересах — это называется nepoтизмом.

Проблему определения коррупции в социогуманитарных исследованиях можно рассматривать и далее, но описанный перечень уже дает представление о феномене коррупции и способах его распространения. Обсуждение проблем концептуального определения коррупции выходит за рамки данной работы, но заинтересованный читатель может обратиться к специальным источникам [22, p. 57-80; 18).

Проведенный анализ социо-гуманитарных исследований феномена коррупции позволяет рассмотреть данную проблему в России с позиции макропсихологического подхода¹, т.е. обозначить ряд социально-политических, экономических и духовно-культурных вопросов, которые, как базовые факторы, определяют политику государства как исторического субъекта и детерминируют его развитие.

Проблема коррупции в России: социально-психологические аспекты. О проблеме коррупции в России сейчас много говорят и властные структуры, и СМИ, и население. Нет смысла приводить многочисленные обсуждения в СМИ, относящиеся к коррупционным скандалам в стране, с многомиллиардными коррупционными схемами.

В нашей стране проблема коррупции содержательно, как нам представляется, состоит в следующем.

¹ Макропсихология или макропсихологический подход – это относительно новая область психологической науки, особенно в анализе социально-психологической проблематики. К сфере ее анализа относятся ряд базовых явлений общества - социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества (и его консолидация), его социальное самочувствие, базовые проблемы, связанные с безопасностью страны (например, проблема коррупции, наркомании в обществе, и ряд других). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом. Относительная новизна этой области психологического исследования связана, в том числе, с тем, что труды основателей социальной психологии и психологической науки в целом (Ле-Бон, Тард, Вундт и др.) были связаны именно с макропсихологическими проблемами.

Во-первых, в России изменился социально-политический строй — создан капиталистический режим «свободного рынка», санкционированный властными структурами государства и населением, где в основу хозяйственной деятельности положен частный интерес.

Во-вторых, властным структурам государства объективно трудно выступать против коррумпированных олигархических структур бизнеса, поскольку некоторые недобросовестные представители власти осознанно участвуют в создании этих структур (и как показывают исследования, отдельные из них сами используют в коррумпированные схемы на самых разных уровнях).

В-третьих, «олигархический бизнес» в широком смысле принимал участие в разработке «законов», способствующих безответственности и «свободе» коррупционных сделок.

В этом отношении можно сослаться на позицию известных российских психологов [4]:

- борьба с коррупцией нередко подменяется борьбой различных групп коррупционеров друг с другом;
- происходит саботаж и блокирование борьбы с коррупцией, исходя из «идеологических» интересов коррупционных бизнес-групп;
- раскрытие преступной идеологии «в борьбе с коррупцией» блокируется некоторыми представителями отечественных либералов.

В этой связи важен анализ взаимосвязи коррупции с социально-экономическими параметрами развития страны, на которые оказывают влияние такие факторы, как: дисфункциональность проведения социально-экономической политики, законодательно-правовые и социально-психологические особенности развития общества и макропсихологическая специфика российского населения (российский менталитет, например).

Если рассматривать коррупцию с макропсихологических позиций, то можно согласиться с общей позицией исследователей и утверждать, что нам необходимы соответствующие просветительские программы (в школах и вузах — образовательные), способные «переформатировать» отношение населения к проблеме коррупции с нейтрально-снисходительного на отрицательное. Здесь так же уместно говорить об организации и проведении политики массовых пропагандистских кампаний в СМИ. Важно выделить основные функциональные возможности психологической науки в заявленном «переформатировании» отношения населения к коррупции. Можно приветствовать и внедрение в практику противодействия коррупции специальные методы профессиональной оценки специалистов и чиновников [4].

Но в целом, проблему коррупции нельзя отрывать от практических вопросов борьбы с коррупцией — от анализа коррупционных связей во взаимоотношениях власти и бизнеса при проведении социально-экономической политики и с правовыми аспектами этой проблематики. Естественно, выявление базовых коррупционных связей и их социально-психологическая интерпретация — это архисложная проблема для социальных психологов как с научных (не разработанность подходов и методик), так и с практических (в силу чрезвычайной латентности сделок такого содержания) позиций.

Тем не менее, возникает ряд соображений по макропсихологическим проблемам противодействия коррупции в России. И они сводятся к следующим принципам.

1. Необходимость обозначения социально-психологической проблематики коррупции как системного феномена в связи с недостаточной эффективностью функционирования экономики, политической и законодательной систем государства, вызывающей определенные социально-психологические следствия.

2. Необходимость выделения коррупционных стратегий во взаимоотношениях власти и бизнеса в зависимости от разной ориентации власти при проведении социально-экономической политики [5]. Необходимость анализа процессов проявления этих стратегий в социально-психологических отношениях населения к коррупции (представления, оценки, мнения, интерпретации, реакции и т.д.).

3. Выделение социально-психологических последствий коррупции, возникающих в связи с противоречивыми тенденциями в политике властных структур России в настоящее время.

4. Выявление психологических факторов, значимых для развития и оптимизации ситуаций в правовой сфере.

5. Формирование антикоррупционного сознания молодежи как стратегического фактора развития современного российского общества.

Во взаимоотношениях власти и бизнеса в экономической сфере в принципе существует ряд уже известных и описанных схем коррупционных отношений, которые порождают социально-психологические следствия [5]. Приведем некоторые из них.

«Захват бизнеса» — стратегии и тактики власти, с помощью которых ее представители стремятся обеспечить теневой контроль над бизнесом с целью извлечения государственной или личной выгоды.

«Захват государства» — корпоративные и индивидуальные стратегии бизнеса, направленные на установление теневого контроля при принятии решений в высших властных структурах.

Кроме того, в рамках этих базовых коррупционных стратегий существует и ряд иерархических уровней:

— низовая коррупция — взятки чиновников, перераспределяющие доходы разных групп населения в пользу коррумпированных чиновников;

— административная коррупция — намеренное внесение искажений в исполнение законов и регулирующих положений для предоставления преимуществ для незаконного обеспечения выгод государственным чиновникам;

— верхушечная административная коррупция — эта коррупция охватывает деятельность среднего и крупного бизнеса и сферу государственных инвестиций. Такие коррупционные стратегии существуют при проведении соответствующей политики власти, которая может включать в себя ряд плохо согласующихся тенденций.

В качестве примера отметим, например, коррупционную стратегию «Институционального компромисса», которая вызывает ряд отрицательных социально-психологических следствий при проведении этой политики¹. Интерес бизнеса к достижению компромисса с властью имеет двоякий характер: с одной стороны — развитие бизнеса, с другой — преодоление препятствий, связанных с несовершенными законами. В таких отношениях и возникают два вида коррупции — «захват государства» и/или «захват бизнеса».

Такие же коррупционные возможности возникают и при проведении политики «Социального государства», «Мобилизации», «Модернизации» в условиях современной России. Примеры коррупции в этих сферах подробно рассмотрены И.И. Исправниковой [5].

В связи с описанными коррупционными ситуациями для социальных психологов возникает и теоретический, и практический вопрос — как эти объективные параметры учесть в психологических исследованиях коррупции? Проблему коррупции системно как проблему социальной психологии можно рассматривать с нескольких позиций: с позиции анализа социальных институтов общества; с позиции уровневого подхода — личность, группа, общество; с законодательно-правовой позиции. Но в конкретном анализе эти позиции можно разделять только условно, так как в реальном социально-экономическом взаимодействии зачастую присутствуют разноплановые компоненты и составляющие коррупции [1].

Рассмотрим возможности исследования проблем коррупции с представленных выше позиций.

¹ Это ситуация, когда власть и бизнес не противодействуют введению новой нормы закона, но проводят его деформализацию. Когда власть не вписывается в законодательные рамки, она может в интересах выполнения своих функций предъявлять бизнесу требования, которые не могут быть оформлены в виде нормативных актов (например, просьбы власти к бизнесу о материальных инвестициях и т.д.).

Правовая перспектива исследования коррупции в современных условиях. Конечно, эта проблематика для социальных психологов «пограничная», но они имеют право ее обсуждать.

Рассмотрим вопрос в историческом плане. Исторически, практически во всех государствах мира проблема коррупции решалась примерно однотипно — по меньшей мере, конфискацией имущества коррупционеров в пользу государства (также, во многих странах наравне с конфискацией применялась и продолжает применяться высшая мера наказания — смертная казнь). Даже если обратиться к недавней истории нашей страны, то в СССР, например, коррупционер, «удержавший» у государства порядка 100 тыс. рублей, по закону страны был подвержен смертной казни и конфискации имущества одновременно.

Опыт западных стран, в частности США, показывает, что во многих ее штатах — «конфискация имущества коррупционеров» и сегодня широко применяемая законодательная практика.

Во многих странах Юго-Восточной Азии конфискация имущества коррупционеров является частой практикой, и уровень коррупции в этих странах — один из самых низких в мире. Возможно, это связано с тем, что в этих странах сохраняется очень строгое отношение к тяжким преступлениям и уголовное наказание за тяжкие преступления, — распространение наркотиков, измена родине, преступления в отношении детей, — предусматривает смертную казнь. Во многих странах этот список включает такое же нетерпимое отношение и к преступлениям коррупционного характера [4].

Противники конфискации имущества коррупционеров в современной России могут придерживаться многих оправдательных позиций, таких как: это отживающий тоталитаризм..., наша современная судебная система не совершенна..., будут неравноправные приговоры..., этот принцип в борьбе с коррупцией не оправдан и даже недопустим... и др.

Конечно, современная судебная система России, действующая в реалиях рыночного законодательства, крайне «молода» и еще далеко не совершенна, хотя, следует отметить, что история всех судебных систем государств в силу объективных причин имела, и будет иметь проблему несовершенства (например, из-за «законов отставания теории от практики»). Но отказа по этой причине от наказания преступников до сих пор не допускает ни одно государство мира. Это означает, что необходимо совершенствовать нашу судебную систему, а не давать законодательную свободу преступникам, включая коррупционеров.

Социальные психологи не могут давать рекомендаций для введения конфискации имущества коррупционерам в стране как законодательную практику, но усиление наказания коррупционеров и отказ от попустительского к ним отношения должны стать значимыми вопросами для общественного обсуждения и могут послужить серьезным основанием для проведения социально-психологических исследований общественного мнения.

Рассмотрим проблему коррупции с позиции анализа функционирования социальных институтов общества.

Проблема ответственности и законодательных наказаний для лиц, находящихся на государственной службе. В настоящее время отмена конфискации имущества коррупционерам в России — это, по-видимому, стремление России к так называемой толерантности, соответствующей «западному цивилизованному миру». Но при этом нет ответа на простой вопрос — почему во многих западных странах, к которым апеллируют противники введения конфискации имущества коррупционеров в России, эта правовая норма сохраняется?

Приведем ряд социально-экономических и социально-психологических проблем, отражающих дисфункциональность российского законодательства в различных социальных сферах, и способствующих развитию коррупционных сделок.

Проблема миграции. В современной России нет законов об уголовном наказании руководителей, использующих противоправно нелегальных мигрантов из бывших советских республик. В России пока еще нет какой-то вразумительной политики контроля миграционных потоков в страну [17, с. 227-254]. По-видимому, в этой связи оправданно вводить визовую систему въезда граждан из бывших республик СССР в Россию. Это серьезная и затратная проблема, имеющая сложные исторические, политические и социально-экономические составляющие. Но в настоящее время — это необходимая политика, которая одновременно поможет поставить под контроль и перемещения террористов из сирийского региона.

Проблема ЖКХ. В принципе необходимость ее оптимизации «просматривается» даже с позиции здравого смысла. Ее решение требует введения единых законодательных нормативов оплаты за коммунальные услуги (с дифференциацией по регионам и с коррекцией на инфляцию). Необходима их публикация для населения как законодательных норм, чтобы население могло обладать полноценной информацией и понимать — за что необходимо платить и каковы тарифные ставки за предоставляемые услу-

ги. Но главное — введение жестких уголовных наказаний именно руководителям управляющих компаний за экономические преступления в этой сфере. В качестве примера, эту проблему можно решить эффективнее, обращаясь к опыту СССР — создать государственную корпорацию по услугам ЖКХ, доходы от деятельности которой будут идти не столько «в карман» управляющих компаний, сколько государству. Или создать условия для конкуренции, отказавшись от термина «естественные монополии». Но «законодательно ломать» эти сверхприбыльные схемы никто пока не хочет, включая и наших депутатов.

Особая проблема современного общества — коррупционные преступления сотрудников государственных служб (МО, МВД, прокуратура, суды и служащие государственных структур). Преступления сотрудников этих знаковых государственных структур наносят особый ущерб нормальному функционированию страны и вызывают серьезную социальную напряженность в общественном сознании [15, 18]. Поэтому для таких преступлений необходимо вводить специальное (более жесткое) законодательство, в отличие от преступлений в других сферах социальной жизни. К специальным мерам можно отнести:

— более суровые уголовные наказания (сотрудник, находящийся в структурах госслужбы, обязан подчиняться более суровым ограничениям в своей профессиональной жизни и поведении, а если нарушил, нести более суровое наказание);

— безусловный запрет этим правонарушителям на участие в последующем в государственной службе;

— конфискация имущества для фигурантов таких преступлений.

В современной России эта проблематика на законодательном уровне недостаточно обсуждается, хотя носит насыщенный психологический характер и часто становится источником массовых возмущений населения.

В этой связи, сошлемся на работу отечественного психолога М. Решетникова [10], в которой проведен историко-психологический анализ способов борьбы с коррупцией в российском государстве в XVI — XIX вв. Рассмотрен также подход к проблеме коррупции для госслужащих в западных странах: «Законодательство о государственной службе в развитых демократических странах содержит ряд предельно конкретных законов, ограничений и предписаний... Например, в соответствии с декретом Президента США от 17 октября 1990 года были введены в действие обязательные для всех чиновников исполнительной власти США общие принципы этического поведения членов правительства и госслужащих, включающие

строгую регламентацию... юридических и моральных норм поведения, обязательных как для чиновников высшего ранга, так и для рядовых госслужащих» [10, с. 92-93].

И еще одно соображение автора заслуживает внимания применительно к правовой практике решения обсуждаемой проблемы. В частности, Решетников отмечает: «Принятие законов о государственной службе..., а также жестких мер и ограничений для всех властных персоналий..., не должно быть в их же сфере компетенции» [10, с. 98-99] (выделено авторами). В западных странах этот принцип жестко соблюдается.

Далее автор утверждает: «У нас также есть подобные законодательные акты, например, Указ Президента РФ №227 «О представлении лицами, занимающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» от 04. 03. 98». Вопрос в том — как он выполняется? [10, с. 100].

В заключение рассмотрим еще одну проблему коррупции в России с позиции макропсихологического подхода. Одним из важных культурных факторов отношения к коррупции является религия [9, 15, 16, 24, р. 251-252].

В условиях развития глобальных социально-экономических и политических процессов [12, 16] современный мир находится в состоянии «бифуркации»: «...человечество находится в транзитивном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» [12, с. 5). Это означает, по крайней мере, столкновение двух цивилизационных парадигм мироустройства — западной индивидуалистической цивилизации и коллективистических культур, к которым принадлежит Россия. Запад — это ориентация человека на конкуренцию, на достижение личных выгод, на использование всех возможностей для достижения личного материального успеха. Восток — это приоритет целого (группы над индивидом), социальная справедливость, коллективная взаимопомощь, милосердие и понимание приоритета группы над личными мотивами.

Конечно, в этом заключены идеальные тенденции и культурный архетип поведения представителей двух цивилизационных парадигм существования. Реальная жизнь представителей этих цивилизационных общностей «богаче всяких схем». В реальной жизни все они могут вести себя (и ведут) по-разному, включая преступления и коррупцию. Но приведенные культурные тенденции нельзя игнорировать. И возникает вопрос — как эти социокультурные тенден-

ции отражаются в отношении людей к проблеме коррупции в этих сообществах? [15, 16, 17].

Если говорить о ценностях устройства жизни Запада, которые в России в последние два десятилетия нередко считаются ориентирами жизни и развития страны, они с трудом могут «прижиться» в нашей культурной среде. Молодое же поколение страны более позитивно реагирует на изменение ценностных ориентаций в пользу материальных, а не духовных ценностей [19]. Эти ориентации неизбежно приводят (не обязательно явно и прямолинейно) к большей терпимости к коррупции.

В этой связи, дезориентированное население России или коррумпированные представители властных структур могут быть легко использованы спецслужбами заинтересованных стран для стратегического ослабления страны и оперативного управления в своих интересах. Компромат на ключевых фигурантов бизнес-структур и политических деятелей, подкуп коррумпированных госчиновников, использование для вербовки их заграничных счетов, использование агентуры влияния в высших эшелонах власти — вот неполный перечень коррупционных проблем, которые могут быть использованы против коррумпированных государств [17, с. 23].

Все приведенные выше проблемы, проанализированные тенденции, методологические подходы и прикладные аспекты проблемы могут лечь в основу исследования макропсихологических проблем распространения коррупции в России и способствовать поиску технологий и методов противодействия коррупции как социальному злу, снижающему мощь российского государства.

Литература

1. Бондаренко В. Конец «большой книги» // Завтра, декабрь, 2012. №51. С. 6.
2. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под. ред. О.Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий. 2010. С. 427-455.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы международной практической конференции. Казанский федеральный университет. 15-18 апреля 2012. Казань, Изд-во: «Отечество», 2011. С. 158-163.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 294-322.

5. Исправникова И.И. Коррупционные стратегии как результат институциональных нарушений при реализации сценариев развития России // Национальная безопасность, 7/8, 2010.
6. Китова Д.А. Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник УРАО, 2016 а. № 5. С. 91-97.
7. Китова Д.А. Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология, 2016 б. № 4. Т.1. С. 145-167.
8. Китова Д.А., Журавлев А.Л., Соснин В.А., Юревич А.В. Коррупция в предметном поле психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития. Изд-во Институт психологии РАН, 2017. С. 1981-1989.
9. Нестик Т.А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2. / Под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова. М.: РГГУ, 2002. URL: <http://corruption.rsu.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения 11.01.2018).
10. Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия, СПб: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008.
11. Мир в XXI веке / Академия геополитических проблем. URL: <http://akademiagr.ru/mir-v-xxi-veke/>(дата обращения 21.01.2018).
12. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные компоненты. М.: Наука, 2007.
13. Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т.18. №1.
14. Соснин В.А. Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012 а.
15. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
16. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
17. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012 б.
18. Социально-психологические исследования коррупции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
19. Хащенко В.А. Социально-психологические механизмы детерминации субъективного экономического благополучия. Дисс. ...докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
20. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 56-65.
21. Caro R. Master of the Senate. Alfred Knopf, NY, 2002.
22. Lambsdorff J. G. 'Corruption in Empirical Research —A Review'// Transparency International Working Paper, November 1999.
23. Langseth (ed.). United Nations Guide on Anti Corruption Policy. Vienna, Austria, 2003.
24. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. The Quality of Government // The Journal of Law, Economics and Organization. 1999. Vol. XV (1).
25. Rose-Ackerman S. International Handbook on the Economics of Corruption. EdwardElgarPublishing, 2007.

Соснин В.А.,
Ковалева Ю.В.

БОЛЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ОБЪЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ*

LARGE SOCIAL GROUPS AS THE OBJECT
OF THE GLOBAL PSYCHOLOGICAL IMPACT

Соснин В.А. кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, e-mail: sosnirrus@rambler.ru
Sosnin V.A., PhD, assistant professor, leading research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow.

Ковалева Юлия Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, там же; e-mail: julkov@inbox.ru
Kovaleva Yulia Valerievna — Ph.D. (psychology), senior research officer, laboratory of social and economic psychology, the same place; e-mail: julkov@inbox.ru

Аннотация: Рассматриваются психологические явления, характерные для больших социальных групп на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий, используемых для различных целей, в том числе, для достижения глобальных геополитических интересов. Обсуждаются проблемы утраты и восстановления социальной идентичности, а также процесс актуализации субъектности большой социальной группы в результате информационно-психологического воздействия.

Annotation: The psychological phenomena that are typical for large social groups at the present stage of the information and communication technologies development used for various purposes, including, global geopolitical interests considered. Problems of loss and restoration of social identity as well as the process of updating of large social group Subject status because of information and psychological influence discussed.

Ключевые слова: макропсихологический подход, информационно-психологическая безопасность, информационные технологии, глобальная психология, психоисторическая война, большие социальные группы, коллективный субъект, социальная идентичность, субъектность группы, «Бессмертный полк», Олимпиада-2018.

Key words: macropsychology approach, information and psychological security, information technology, global psychology, psychohistorical war, large social groups, collective Subject, social identity, group as the Subject, "Immortal Regiment", Olympic games-2018.

Работа выполнена в соответствии с Госзаданиями ФАНО РФ № 0159-2016-0006 и № 0159-2016-0008.

Информационно-психологическое воздействие в цифровом обществе

Социально-психологический анализ информационно-психологических методов противоборства, изучение которых к настоящему моменту получило достаточное развитие (Соснин, 2014), остается актуальным направлением исследований в рамках макропсихологического подхода, в котором подобные социальные процессы относятся к психологии общества в целом (Макропсихология..., 2009; Журавлев, 2011; Психологические исследования глобальных ..., 2018; и др.).

Информационно-психологическая безопасность является актуальной проблемой современного российского общества, а изучение деструктивного воздействия информации, ее сознательного искажения и конструирования специальных дискурсов чувствуется как острая потребность в связи с активной медиацией современной жизни, влияние которой по определению направлено на большие социальные группы (Павлова, Журавлев, 2007; Психологическое воздействие..., 2012).

Высоким темпам развития информационно-телекоммуникационных технологий дается неоднозначная оценка. С одной стороны, обществу с новым технологическим укладом открываются невероятные перспективы, начиная от качественного улучшения работы социальных институтов — полиции, медицины, образования, и заканчивая увеличением функциональности привычных бытовых предметов и, в итоге, изменением природы самого человека. Последняя задача разрабатывается в России в рамках общественной программы «Россия 2045» (Добляшевич, 2015). С другой стороны, оптимизм современных пользователей сопровождается и пессимистическими сценариями будущего, прежде всего, в связи с вероятностью потери конфиденциальности личных данных, постоянной необходимостью поддерживать цифровую грамотность, чтобы контролировать сервисы и собственную автономность, а также вынужденным приобщением к различным сообществам для поиска качественной и безопасной информации и корпоративной защиты. Однако в центре негативного отношения остается социальный пессимизм в связи с возможной деградацией личного общения и социальных групп в целом (Нестик, Солдатова, 2017).

Главной характеристикой бурного развития средств коммуникации является его всепроникающий характер. Невозможно одновременно поддерживать технологический прорыв и остаться в стороне от глобальных процессов современного мира. Глобализация как разнонаправленное и многофакторное явление проявляется через интеграцию, отражающую потребность экономического развития современного миро-

вого сообщества, но при этом зачастую сопровождающуюся насаждением новых политических и культурных установок со стороны более сильных и активных участников этого процесса. Глобализация, на первый взгляд, подразумевает трансформацию экономических и культурных границ без видимого нарушения границ политических и тем более территориальных, но она, как правило, сопровождается геополитической динамикой, активизирующей различные социальные процессы, в том числе связанные с психологическим состоянием общества и возможными рисками для его благополучия (Психологические исследования..., 2013; Социально-психологическая оценка рисков ..., 2017; и др.).

Таким образом, в эпоху цифрового общества информационное воздействие как необходимое условие реализации любых глобальных интересов максимально облегчается, и на первый план выходит проблема поиска средств регулирования массового сознания и поведения людей с целью защиты и противодействия переформатированию геополитического пространства-мишени, в частности, изменению ценностных установок и отношений его представителей. Актуальной становится задача профессиональной рефлексии и осмысления проблематики информационно-психологического взаимодействия в грядущей исторической перспективе, которую может взять на себя глобальная психология — новое направление психологической науки, акцентирующее свое внимание на психологических причинах, механизмах функционирования и развития, а также последствиях глобальных явлений, вызовов и угроз современного мира. Особенностью глобальной психологии становится ее направленность не на специфику того или иного явления, а на поиск психологических универсалий, лежащих в основе актуальных мировых событий, происходящих в различных геополитических условиях, и имеющих различные способы реализации и проявления в культурной, общественной и экономической активности, а также политических взаимодействиях тех или иных стран и их лидеров (Ковалева, Журавлев, 2017).

Социальная идентичность больших социальных групп | и процессы глобализации

В качестве одного из основных процессов, обеспечивающих интересы глобализации, может выступать размывание социальной идентичности геополитического оппонента. Социальная иден-

тичность и ее виды — национальная, гражданская, историческая и другие, проявляющиеся через осознание людьми своей принадлежности к традициям, жизненным нормам и идеалам, историческому пути и другим ценностям различных групп, составляющих данное общество, являются уязвимым объектом воздействия, «охрана» которого не менее важна для конкретного государства, чем его границы (Соснин и др., 2017). Чувствительность этого феномена объясняется тем, что идентичность не является раз и навсегда заданной характеристикой, она строится и переопределяется в связи с различными внутренними условиями и внешними обстоятельствами, в которых оказывается человек и/или социум. Эта подвижность, имеющая, несомненно, эволюционно оправданный характер, делает ее пространство приложения для глобального информационного противоборства.

Таким образом, конкретными «мишенями» глобальных угроз становятся большие социальные группы, объединенные на основе общности национальных, этнических, территориальных, половозрастных, профессиональных, культурных и других признаков. На настоящем этапе, как уже отмечалось ранее, в связи с бурным развитием интернета, массовой информатизацией, широким доступом к различным СМИ, возможностями компьютерной графики и цифровых технологий на первый план по воздействию на субъектность больших социальных групп выходит фактор внедрения систем взглядов, идей или целостных концепций.

Историческая идентичность как одна из основ субъектности больших социальных групп

Психоисторическая война — новый концепт, который в наибольшей степени соотносится с понятием исторической идентификации и исторического субъекта и его возможным противостоянием с другими субъектами в ходе своего развития, который представляет из себя процесс противоборства ее акторов, ставкой которого является контроль над производством обществом самого себя. Исторический процесс выступает как столкновение различных исторических субъектов, олицетворяющих его альтернативные варианты (Фурсов, 2016). Представляется, что использование нового понятия психоисторической войны актуально и обосновано с точки зрения его релевантности макропсихологической проблематике. Психоисторическая война — явление комплексное и затрагивающее ряд уровней: информационный, связанный с искажением исторических фактов; концептуальный, на

котором происходит интерпретация, обеспечивается направленное восприятие ложной информации; метафизический, работающий со смыслами, ценностями, глубинными представлениями и общественной памятью, направленный непосредственно на разрушение истории народа (Фурсов, 2016, с. 142). Основными «мишенями» психоисторической войны являются образование, социо-гуманитарные науки, СМИ, а также другие сферы, существенные для функционирования гражданского общества.

Идеологизация истории с конца XX в. становится глобальной тенденцией, а по отношению к России она принимает характер особой враждебности (Серегин, 2012). За последние десятилетия оппонентам России удалось распространить значительный объем информации ложного или неоднозначного содержания по самым разным поводам, направленный на разрушение национальной идентичности, в целом, и исторической идентичности, в частности. Особым нападкам подвергаются сложные или самые значимые моменты отечественной истории. Это, прежде всего, касается Великой Отечественной и Второй мировой войн. Переосматривается ответственность за начало войны, роль Советского союза в победе над фашизмом, обесценивается вклад лидеров страны и полководцев, высказываются сомнения о правильности тех или иных решений (Гареев, 2014). Например, общественному мнению как дискуссионная была преподнесена тема обороны Ленинграда. Герои обороны Москвы, 28 панфиловцев и их бой на Волоколамском шоссе на уровне директора Государственного архива РФ были названы мифом. Освобождение стран Восточной Европы переформулировано на оккупацию (Серегин, 2012) и т.д. Таким образом, история Великой Отечественной войны стала «лакмусовой бумажкой многих современных политических процессов», точкой идеологического и политического противостояния (Чубарьян, 2016, с. 387-388).

Существуют основания считать, что создание альтернативной истории Второй мировой войны было начато сразу после ее окончания в рамках «плана Маршала» с целью обелить немецкую армию, взять реванш за поражение, а по сути обеспечить экономические и политические дивиденды заказчика, в данном случае США. Это объясняет то, с какой легкостью и с чьей поддержкой вошли в международное общественное сознание такие мифы, как «генерал Мороз», «бездарные советские генералы», «забросали немецкие окопы трупами своих солдат», «не жалели мирное население», созданные именно в этом проекте (Серегин, 2012). Атака на историю России осуществляется в рамках психоисторической войны с

целью ослабления страны в политическом и экономическом развитии и конкуренции.

Все примеры информационных воздействий, описанные выше, так или иначе, влияли на состояние российского общества. Дискуссии, споры, высказывания отдельных лиц демонстрировали раскол мнений, резкость суждений, обиду одной из сторон, обвинения, апелляции к морально-нравственным качествам и другие эмоционально острые состояния. Типичным итогом столкновения мнений по таким значимым вопросам, как правило, являются поляризация мнений и разделение первоначальной целостной группы на «мы» и «они» или на «своих» и «чужих».

С позиций психологии больших социальных групп как коллективных субъектов можно сказать, что таким образом актуализируются процессы, подрывающие субъектность группы: совместная активность и взаимодействие приобретают негативный характер, т.е. по факту являются конфликтом, который дифференцирует группу, разрывая взаимные связи и взаимозависимости членов группы, разрушая ее целостность как коллективного субъекта; саморефлексивность группы, так или иначе, фиксирует эти процессы, что приводит к осознанию разрыва и разобщенности, потери чувства «мы». Таким образом, утрата связи между прошлым, настоящим и будущим, с которой сталкивается группа, делает невозможным реализацию саморазвития, что фактически свидетельствует о потере субъектности (Журавлев, 2008; Емельянова, Журавлев, 2009). Однако подобное моделирование ухватывает лишь негативную сторону процесса, не учитывая позитивный ресурс, существующий в обществе, в том числе активацию защитных процессов, коупингов, направленных как на преодоление разрыва реальных связей и отношений между людьми, так и на сглаживание коллективных когнитивных противоречий и ментальных «пустот» (Емельянова, 2016; Психология повседневного и травматического стресса ..., 2016; и др.).

Информационное воздействие на российское общество как целостный коллективный субъект в отношении событий Великой Отечественной войны породило очень разные негативные и позитивные процессы. К негативным процессам относятся, прежде всего, рост уровня нетерпимости к мнению оппонентов, ксенофобия. Это, например, проявилось в агрессивном стиле проведения дискуссий в СМИ, в частности, на телевидении, ставшим общепринятым на большинстве каналов, и, несомненно, являющимся не только средством привлечения внимания аудитории. Вероятно, он также отражает внутреннее

состояние дискуссионных — выразителей того или иного общественного мнения, и, возможно, является средством канализации общественного напряжения. С другой стороны, в обществе стали ярко проявляться различные феномены, несущие символический смысл, и, по-видимому, направленные на восстановление исторической идентичности. Среди них можно назвать такой наиболее яркий жест, как ношение георгиевской ленточки, первоначально сопровождавший празднование Дня победы, но впоследствии фактически приобретший смысл идентификационного знака. Особый сакральный смысл ленточки подтверждает то, что и она довольно скоро стала объектом дискредитации.

Однако наиболее ярким примером активизации репарационных внутригрупповых процессов остается пазванная выше акция «Бессмертный полк», обеспеченная феноменальным распространением гражданской инициативы. По данным Мониторинга общественного мнения в 2015 г. большинство респондентов (83%) считает необходимым вести борьбу с фальсификацией отечественной истории, 54% замечали факты фальсификации истории, 19% называют главным объектом фальсификации события Великой Отечественной войны. Конкретно об акции «Бессмертный полк» слышали 93% респондентов, 13% приняли в ней личное участие, 73% отметили, что она способствует сохранению памяти об этом событии, 60% опрошенных заявили, что имеют в планах участие в этом движении.

Представляется, что на данный момент подобная акция стала уникальным явлением в современной истории страны, которое еще предстоит осмыслить с самых разных научных позиций. Однако уже сейчас в публикациях отмечаются такие моменты, которые могут иметь отношение к динамике субъектности российского общества как большой социальной группы. Отмечается, что это движение связано с процессами утраты социальной идентичности (чувства «мы») и ее конструированием на новых основаниях, дефицитом способов демонстрации принадлежности к референтной группе и актуализации глубинных народных способов самовыражения, преодоления разрыва и восстановления связи поколений (исторической памяти, саморефлексии). Отмечается потребность народа в условиях глобализации и размывания символических кодов в визуализации и подкреплении национальной идентичности, привлечении народных традиций, использовании народных архетипов, что, по всей видимости, реализуется именно в таком праздновании Дня Победы.

Гражданская идентичность как объект информационно-психологического воздействия

Как отмечалось выше, одной из задач глобальной психологии является поиск общих оснований в различных современных событиях, связанных с глобальными мировыми процессами. В связи с этим можно привести пример, на первый взгляд, далекий по масштабу и значимости от исторических событий Великой Отечественной войны. Имеется в виду ситуация, сложившаяся вокруг Олимпийской и Паралимпийской сборных Российской Федерации перед XXIII Олимпийскими играми в южнокорейском Пхенчхане, которые были не допущены к этим соревнованиям на государственном уровне. Спортсмены смогли представлять на ней себя лично и выступать не под российским, а под олимпийским флагом только по специальному приглашению МОК. Вся официальная государственная символика России, вплоть до использования цветов государственного флага в одежде или спортивном инвентаре, были запрещены. Эти санкции в отношении нашей сборной были выдвинуты в ответ на бездоказательные обвинения в государственной поддержке допинга в нашей стране, наказанными же оказались и спортсмены, никогда не уличенные в употреблении запрещенных веществ.

Спорт и физическая культура являются социально значимой ценностью, лежащей в основе здоровья, благополучия, экономической эффективности и обороноспособности нации, и это является причиной различных, в том числе, политических воздействий на эти общественные сферы. В последние десятилетия возрастает роль спорта в различных сферах жизнедеятельности человека и, прежде всего, в мировой экономике, что позволяет отнести его к глобальным мировым явлениям. Спорт стал таковым, начиная с появления международных соревнований в конце XIX начале XX вв. и собственно Олимпийского движения, всемирного распространения различных видов спорта и появления в настоящее время многонациональных клубов болельщиков, связанных через современные телекоммуникационные сети. Так в 1902 г. прошло около 20 международных соревнований, а в 2005 г. уже 1000. Современная глобальность спорта поддерживается рынком телевизионного вещания, который имеет возможность продвижения или дискриминации показа отдельных видов спорта, а также институтом спонсорства, который контролируется интересами транснациональных компаний, не только определяющих спортивную моду, но и, прежде всего, дающих мощный

толчок развитию различных технологий и захватывающих экономические территории с дешевой рабочей силой. Ярким признаком глобализации спорта является также международная миграция спортсменов. Исследования показывают, что мировые экономические лидеры являются лидерами и по числу завоеванных олимпийских медалей — 50 развитых стран выигрывают от 2/3 до 3/4 всего олимпийского комплекта по сравнению с оставшимися 150 странами (Спортивная энциклопедия..., 2018).

Спорт как зрелище претерпел значительные изменения с античных времен, но по-прежнему имеет ряд важных функций, в том числе и сакральных. Римский лозунг «Хлеба и зрелищ!» имел в виду не только проявление потребности в развлечениях, как это читается сейчас, но и требование демонстрации величия Рима и общенности плембса к его победам и завоеваниям (Энциклопедия спорта..., 2018). Спорт как одна из основных культурных практик общества играет две значительных роли: «спорт является инструментом «презентации» нации перед лицом остального мира. Показательны в данном случае слова президента США Джона Кеннеди о том, что международный престиж страны измеряется двумя вещами: ядерными ракетами и золотыми олимпийскими медалями», и «спорт, через значимые достижения на международной арене, способен мобилизовать чувство национальной гордости, а также консолидировать различные социальные слои общества» (Лаптев и др., 2017, с. 165).

Отлучение нашей страны от Олимпиады — это не только отрицание ее прошлых спортивных заслуг, это, прежде всего, признание ее недееспособности в реализации спортивного принципа «честной игры». В такой ситуации предполагается, что российские спортсмены и болельщики, лишённые национальной идентификации, теряют связь со страной, неспособной им помочь, и остаются один на один с противником. События, связанные с Олимпиадой 2018 г., не могут не вызывать у россиян негативных чувств, среди которых, в первую очередь, переживание обиды и чувства несправедливости в связи с необоснованностью обвинений, жесткостью наказания и двойными стандартами МОК, так отношение к российским и западным спортсменам, применявшим допинг, принципиально различается.

Отреагирование этих переживаний можно увидеть в социальных сетях, где современными средствами, так называемыми хэш-тэгами, активно продвигается ряд лозунгов. Одним из самых первых появился хэш-тэг «#NoRussiaNoGames» — без России нет игр, «#янесмотрюолимпиаду», который говорит сам за себя, «#NetNeutrality» — нет нейтралитету, и другие.

Заключение

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Глобальные явления составляют специальную реальность современной жизни. Многие исторические или общественные события и практики имели изначально глобальное значение или приобрели его в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, или их роль была осознана как глобальная.

Продвижение глобальных интересов может иметь как позитивный смысл экономической интеграции, так и негативный, поскольку сопровождается необходимостью разрушения национальных идентификаций, ценностей, норм, культурных кодов. Средством такого перереформатирования является информационное воздействие, в том числе, в форме информационной войны. Большие группы как основной объект воздействия отвечают на него различной психологической динамикой — регулируют свои переживания, активируют коупинги, переопределяют свою идентичность, актуализируя, таким образом, собственную субъектность — способность к целостности, самостоятельности и проявление ответственности в значимой ситуации.

По всей видимости в таких ситуациях для самих больших групп как коллективных субъектов оказывается значимой не только их самооценка, но важным и болезненным становится непризнание заслуг страны другими субъектами мировых процессов. Об этом свидетельствует поведение представителей больших социальных групп в конфликтных ситуациях, примерами которых в нашей работе выступили дискредитация роли СССР в Великой Отечественной войне и запрет на участие Олимпийской сборной Российской Федерации в Олимпиаде 2018 г. В обоих случаях граждане нашей страны предпринимают усилия для поддержания позитивного образа страны, ее народа, спортсменов и болельщиков. Для наших граждан оказалось принципиальным признание роли СССР в победе над фашизмом, страны-защитника справедливости, страны-миротворца, а не агрессора. Глубокие переживания вызывает в настоящее время именно смена имиджа страны-Родины великих спортсменов на образ страны-нарушительницы правил. Таким образом, место страны в глобальных процессах может служить для ее граждан основой позитивной национальной и гражданской идентичности. В этом смысле остается крайне важным создание концепции идеологической политики государства и его национальной идеи (Журавлев, Юревич, 2016), которая по-настоящему сплотила бы наш многонациональный российский народ и стала бы уверенной основой динамичного процесса построения различных видов социальной идентичности.

Список литературы

1. Гареев М.А. Великая победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30-34.
2. Добляшевич В.В. Влияние информационных технологий на жизнь человека [Электронный ресурс] / Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум-2015». URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1354/8584> (дата обращения: 28.01.2018)
3. Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>(дата обращения: 16.10.2016).
4. Емельянова Т.П., Журавлев А.Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 3. С. 5-15.
5. Журавлев А.Л. Большие социальные группы как субъекты: возможности исследования // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 312-315.
6. Журавлев А.Л. Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития (вступительное слово) // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 8-13.
7. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 69-78.
8. Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л. Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 8-14.
9. Лаптев В.В., Мюллер Д.Г., Юсупов Ш.Р. Спорт в современной России как инструмент государственной идеологии // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 06(60). С. 165-168.
10. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
11. Нестик Т.А. Солдатова Г.У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 91-118. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document316.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
12. Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6-11.
13. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы /Отв. ред. А.Л.Журавлев, Д.А.Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
14. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
15. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

16. Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А.Л.Журавлев и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
17. Серегин А.В. Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57-64.
18. Соснин В.А. Духовно-нравственное противодействие терроризму в современном мире: роль психологических операций // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 331-346.
19. Соснин В.А., Китова Д.А., Нестик Т.А., Юревич А.В. Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4(8). С. 71-105. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document396.pdf> (дата обращения 31.12. 2017).
20. Спортивная энциклопедия систем жизнеобеспечения [Электронный ресурс] / URL: http://sportwiki.to/Спортивная_энциклопедия (дата обращения 15.01.2018).
21. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное /Под науч. ред. О.А.Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
22. Фурсов А. И. Русофобия — психоисторическое оружие Запада // Наш современник. 2016. № 1. С. 141-148.
23. Чубарьян А.О. Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской Академии наук. 2016. Том 86. № 5. С. 387-395.

**Григорьев Н. Ю.,
Родюков Э. Б.,
Слобцова Т. Л.**

ПРЕВЕНТИВНЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИИ

PREVENTIVE MEANS AND METHODS
TO COMBAT TERRORISM IN RUSSIA

Родюков Эдуард Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, E-mail: groro@mail.ru
Григорьев Николай Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, Высшая школа печати и медиаиндустрии, ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Москва, E-mail: nugrig@mail.ru
Слобцова Татьяна Львовна — старший преподаватель кафедры философии и общественных дисциплин, Высшая школа печати и медиаиндустрии, ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Москва, E-mail: ts150677@yandex.ru

Rodyukov Eduard Borisovich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, FGVOU VPO "Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, E-mail: groro@mail.ru
Grigoryev Nikolay Yurievich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Higher School of Press and Media Industry, FGBOU VO "Moscow Polytechnic University", Moscow, E-mail: nugrig@mail.ru
Slobtsova Tatyana Lvovna — starshiy prepodavatel' kafedry filosofii i obshchestvennykh dzhistsiplin, Vysshaya shkola pechati i mediaindustrii, FGBOU VO «Moskovskiy politekhnicheskiy universitet», g. Moskva, E-mail: ts150677@yandex

Аннотация: Статья посвящена исследованию средств и методов борьбы с терроризмом в России. Определены превентивные действия органов государственной власти при террористической угрозе. Сделана попытка выработки программы антитеррористической работы среди населения, а также сформулированы задачи в данной области общественных отношений.

Annotation: The article is devoted to the study of the means and methods of combating terrorism in Russia. The preventive actions of public authorities under the terrorist threat are defined. An attempt was made to work out a program of antiterrorist work among the population, and also formulated tasks in this area of social relations.

Ключевые слова: терроризм, превентивные действия, антитеррористическая деятельность, террористическая угроза.

Key words: terrorism, preventive actions, antiterrorist activity, terrorist threat.

Особую актуальность проблема борьбы с терроризмом приобретает в условиях дальнейшей глобализации мирового сообщества. Происходящие процессы глобализации несут в себе как позитивное начало, так и огромную опасность. Жизнь показала, что терроризм в современных условиях перерос рамки национальной проблемы отдельных государств и приобрел международные масштабы.

Причины этого явления различны и многоаспектны, как различны оценки и подходы к пониманию терроризма. Биполярность мнений закономерна, поскольку сами его формы проявления, методы, тактические приемы осуществления террористических акций объективно обусловлены присущими им условиями и причинами в том или ином государстве либо регионе мира.

В последнее время проблема терроризма превратилась в одну из острейших глобальных проблем современности. И эта трансформация обусловлена, следующими причинами:

Во-первых, терроризм, к сожалению, получает все более широкое распространение в планетарном масштабе. Он проявляется как в регионах традиционных международных конфликтов (например, Ближний Восток, Южная Азия), так и от этого опасного явления оказались не застрахованы и наиболее развитые и благополучные государства (в частности США и Западная Европа).

Во-вторых, терроризм представляет собой серьезную угрозу для безопасности отдельных государств и всего мирового сообщества в целом. Ежегодно в мире совершаются сотни актов терроризма, а скорбный счет их жертв составляет тысячи убитых и искалеченных людей;

В-третьих, для борьбы с терроризмом недостаточно усилий одной великой державы или даже группы высокоразвитых государств. Преодоление терроризма как обостряющейся глобальной проблемы требует коллективных усилий большинства государств и народов на нашей планете, всего мирового сообщества.

В-четвертых, все более явной и наглядной становится связь современного феномена терроризма с другими актуальными глобальными проблемами современности. В настоящее время проблема терроризма должна рассматриваться как важный элемент всего комплекса общечеловеческих, глобальных проблем [1].

Отдельные общественно-политические, националистические, религиозные организации не только считают допустимым использование насильственных методов для достижения своих целей, но и «экспортируют» их в другие регионы мира. Они и составляют «группы риска», на которые должны быть направлены усилия государств, правоохранительных органов по их нейтрализации. Современными террористами все чаще используются методы запугивания, устранения политических оппонентов, давления на органы государственной власти и управления. Их деятельность срывает усилия властей по урегулированию жизненно важных проблем, а зачастую террористы используют насилие для удовлетворения отдельных социальных, региональных и экономически выгодных им интересов. Нарастает социальная напряженность по отдельным проблемам в обществе; обостряются межнациональные, этнические и религиозные противоречия; повышается агрессивность к различным органам власти, иные негативные проявления. Таким действиям необходимы своевременная оценка и адекватные меры борьбы с ними.

Сейчас в мире по подсчетам специалистов действуют более 500 террористических организаций и групп экстремистской направленности. За последние 10 лет ими совершено более 6 тысяч актов терроризма, в результате которых погибли и получили ранения около 25 тысяч человек[2].

Эти проблемы должны заранее решаться административно-правовыми и уголовно — правовыми средствами. Устранение их актуально не только при пресечении начавшихся противоправных действий. Они выступают в качестве превентивных мер противодействия террористическим проявлениям в целом.

Отечественная практика, опыт других государств, зарубежных правоохранительных органов свидетельствует, что превентивные меры являются наиболее эффективными, но вместе с тем, не менее сложными и затратными — как в качестве упреждающих мер, так и мер пресечения терроризма, преступлений террористического характера.

Таким образом, следует вести речь о своеобразном специфическом механизме средств и методов как системе мер противодействия терроризму и преступлениям террористического характера в целом.

Остановимся кратко на понятии этого механизма. Механизм превентивных средств и методов заключается в следующем: в выявлении, устранении, локализации, нейтрализации либо минимизации воздействия негативных факторов (конфликтов), порожда-

ющих проявления терроризма, а также в устранении сопутствующих и способствующих реализации террористических замыслов и намерений отдельных лиц и «групп риска».

Превентивные средства и методы должны осуществляться заранее, системно и интенсивно на стадии зарождения и развития негативных факторов, конфликтов и процессов. Именно на тех этапах, когда формируются мотивация и замысел противоправных проступков. Из этого следует, что невозможно построить эффективный механизм защиты от проявлений терроризма, не уяснив его природы, генезиса, не выявив и глубоко не проанализировав его первопричины.

Авторы разделяют точку зрения профессора Е.Г. Ляхова, считающего, что «попытки ликвидировать такое сложное явление, как терроризм, простыми либо военными методами нерациональны, это ошибочный путь» [3]. По нашему мнению, кроме этого, безуспешными будут как силовые методы, так и односторонне репрессивная реакция государства на терроризм. Наиболее приемлемыми и перспективными в современных условиях способами устранения причин терроризма являются политические, социально-экономические, правовые средства и механизмы, создание «социума благополучия» в обществе.

Безусловно, в идеальном варианте средства и методы были бы целесообразны, если бы они применялись на самой ранней стадии, сразу же после возникновения и обнаружения основы (базы) конфликта. Нет конфликта — отсутствует почва для произрастания проявлений терроризма. Но, к сожалению, еще далеко не совершенны наш мир и бытие, поэтому конфликты и причины того или иного масштаба, той или иной природы, особенно в условиях глобализации, будут возникать в мире постоянно.

Отсюда — закономерность зарождения террористических проявлений. Их генезисом могут быть не только социально-политические противоречия или конфликты, но и: — столкновение мировоззренческой позиции индивидуума с политическим устройством или режимом правления в стране; — несогласие с существующей в государстве несправедливостью; — недовольство происходящими изменениями в обществе; — обострение межнациональных, этнических и религиозных отношений; — противоправные действия должностных лиц; — корыстные финансовые интересы и иные, вплоть до столкновения геополитических интересов двух держав в каком-либо регионе.

Приведенные факторы указывают на то, что превентивные методы и средства, направленные на борьбу с терроризмом, с пре-

ступлениями террористического характера, чрезвычайно сложны, многоаспектные и требуют комплекса мер по их устранению.

На основании результатов проведенных социологических опросов был определен ряд факторов, которые в наибольшей степени влияют на подверженность людей идеям терроризма и насилия:

— экономические факторы (бедность, неравенство, распределение ресурсов);

— правовые факторы (несовершенство законов, правовой нигилизм, коррупция и пр.);

— социальные факторы (уровень образования социальная защищенность и т.п.);

— политические факторы (неэффективность власти, отсутствие демократии др.);

— культурные факторы (менталитет, религия, традиции, ценности)[4].

Обозначим лишь фрагментарно (на отдельных примерах) инструменты механизма борьбы с терроризмом, превентивные средства и методы. Например, для предупреждения терроризма, в основе которого лежат межрелигиозные столкновения, религиозный фанатизм, необходима целенаправленная, постоянная массовая разъяснительная работа среди населения, не только специалистов в области теологии, авторитетов церкви, но и юристов, обществоведов, психологов, педагогов и иных представителей просветительских учреждений. Важно для лишения идеологической почвы зарождения терроризма, в основе которого лежат лозунги (идеи) защиты своей религии, подобрать такие убедительные контраргументы, которые будут направлены на вскрытие и предание гласности истинных целей, зачастую ничего не имеющих общего с религией. Здесь важно показывать их несостоятельность хотя бы потому, что ни одна из традиционных религий не проповедует насилие в форме терроризма.

В организации работы, имеющей целью упреждение террористических проявлений, также очень важно особое внимание уделять структурам и группам, состоящим преимущественно из молодежи. В последнее время они все больше играют роль катализатора общественно — опасных потенциальных угроз в нашей стране. Специфика молодежной среды весьма сложна, она требует не только адекватного реагирования государства и общества в плане создания эффективных барьеров, препятствующих процессу вовлечения ее в криминогенную среду, но и упреждающих профилактических мер вовлечения в террористические акции, особенно в студенческой, рабочей среде, среди военной и неорганизованной молодежи. Прежде всего, лицами, хорошо

знающими ее психологию, в том числе и со стороны правоохранительных структур.

Представляется целесообразным создание единого банка данных о проявлениях террористических акций как внутри страны, так и на международной арене, в едином исследовательском центре либо институте (и не только в рамках СНГ). При наличии такого глобального единого информационного центра активнее, теснее и глубже станет не только взаимодействие в области превентивных мер, но и уменьшатся возможности террористов для маневра и реализации своих преступных намерений.

Следует упомянуть также и о такой проблеме, как готовность граждан страны к самозащите в условиях проявления террористической акции. На наш взгляд, инструкции, развешенные в определенных местах или на объектах возможного посягательства, малоэффективны, и они не воспринимаются сегодня и населением. Нужны личная «азбука поведения», «алгоритм выживания» (где бы ни оказался гражданин — на работе, в метро, самолете, поезде и т.п.), разработанные современными психоаналитиками. Такие рекомендации широко используются в зарубежных государствах. И россияне вправе знать, как они могут сохранить свою жизнь и жизнь близких, если окажутся в подобной ситуации.

Россия испытывает серьезнейшее влияние на внутреннюю ситуацию со стороны стран дальнего и ближнего зарубежья. Так, в условиях ослабления пограничного режима и практически неконтролируемого передвижения различных категорий лиц внутри СНГ, зарубежные террористические формирования получили определенную свободу для направления своих эмиссаров в Россию для вербовки ими сторонников из числа российских граждан, снабжения их оружием, материальными и финансовыми средствами. Россия на своем опыте испытала, что современный терроризм и сопряженные с ним миграция хорошо вооруженных и обученных боевиков, контрабанда оружия, незаконный оборот наркотиков, религиозный экстремизм наносят ущерб интересам личности, общества и государства.

К основным внутренним причинам террористических проявлений в России относятся: — острая борьба за передел собственности и политическую власть; — борьба за изменение государственно-правового статуса отдельных регионов, межэтнические противоречия и конфликты, идеологический раскол и криминализация общества; — рост организованной преступности и коррупции, образование устойчивых очагов сепаратизма.

Анализ становления системы противодействия терроризму свидетельствует, что Россия занимает активную позицию в ООН по антитеррористической тематике и принимает самое деятельное участие в формировании международно-правовой основы борьбы с терроризмом. Еще более энергично антитеррористическая линия ведется нашей страной на региональном уровне, прежде всего, на уровне СНГ, ОДКБ и ШОС, созданные по инициативе России соответствующие структуры которых успешно разворачивают работу по практическому решению задач в этой сфере. Предпринятые меры привели к локализации террористической деятельности и уменьшению числа совершаемых терактов.

Антитеррористическая деятельность включает постоянные мероприятия и действия государства на федеральном уровне по анализу социальной ситуации, прогнозированию, предупреждению и предотвращению террористических акций, а также по пресечению действий террористов, преследующих не только отдельных граждан, но и создающих угрозу целостности и национальной безопасности государства или его конституционному строю.

В этой деятельности одна из основных задач — объединение усилий гражданского общества по решению данной проблемы. Это возможно только на основе воспитательно — идеологического дифференцированного воздействия на население, на террористов, на субъектов их поддержки и противников. Идеологическое воздействие на те группы населения, которые могут стать объектом террористической пропаганды и их целенаправленное воспитание, направленное на самостоятельное осознание и распознавание опасности терроризма — должно быть основой конструкции этой программы.

При рассмотрении дел о терроризме необходимо особо изучать вопрос об организаторах не только конкретных действий, но и вдохновителях создания террористической организации, что может быть особенно важным для координации борьбы с терроризмом в международном масштабе с точки зрения возможного применения политических, экономических, дипломатических санкций против государства, попустительствующего терроризму.

В целях устранения объективно существовавших недостатков в сфере

контртеррористической деятельности и совершенствования государственного управления в этой области в феврале 2006 г. был создан Национальный антитеррористический комитет (НАК). Образование Комитета стало фактором формирования принципиально новой структуры противодействия терроризму. В составе

Комитета был образован Федеральный оперативный штаб, в субъектах РФ — собственные оперативные штабы (их возглавили руководители территориальных органов безопасности), в регионах — антитеррористические комиссии (руководство было поручено главам региональных органов исполнительной власти).

Однако не следует оставлять в стороне то, что в основе антитеррористической профилактики лежит экономическая и политическая стабилизация, рост ВВП, адекватное перераспределение обязательных государственных выплат, т.е. все то, что способно сбалансировать экономику и поднять уровень жизни населения и ослабить кризисную ситуацию. Государству следует расширять систему привлечения гражданского общества по противодействию терроризму, так как именно данная сфера содержит значительные возможности и резервы.

Концептуально программа антитеррористической работы могла бы основываться на следующих основополагающих принципах и стратегических установках:

- учет различных моделей антитеррористической деятельности в зависимости от задач по предупреждению, пресечению последствий, гибкость и расчетливость действий, оперативная предусмотрительность при подготовке и ведении антитеррористической борьбы;

- обеспечение согласованности усилий силовых ведомств и органов власти всех уровней на основе четкого размежевания компетенции органов федерального, регионального и местного уровней;

- всестороннее обеспечение осуществляемых военных, специальных и идеологических мероприятий, воспитательно — идеологическое дифференцированное воздействие на население, террористов, субъектов их поддержки и противников;

- обеспечение единства действий антитеррористических сил в международном, межгосударственном и государственном масштабах;

- преимущество превентивных мероприятий, позволяющих осуществлять выявление намерений проведения террористических акций;

- нормативно-правовое обеспечение антитеррористических действий;

- неуклонное обеспечение неотвратимости наказания за террористические преступления в соответствии с законом;

- оперативное пресечение террористических действий.

- Организационные и нормативно-правовые меры позволят организовать и скоординировать антитеррористическую деятельность.

Для осуществления антитеррористической деятельности требуется решение следующих наиболее важных задач:

— разработка методик выявления и устранения факторов и условий, способствующих развитию экстремистских и террористических движений, применительно к каждому виду современного терроризма и способу проведения террористических операций;

— выявление и ликвидация центров обучения и боевой подготовки террористов;

— разработка и реализация эффективных мер по сокращению социальной базы терроризма за счет проведения информационно-политических и социальных мероприятий, выявление и ликвидация центров идеологического обеспечения и поддержки террористических движений, общественная изоляция террористических групп, лишение ее внутренней и внешней поддержки, расслоение террористической среды;

— прогнозирование развития терроризма и вскрытие социальных источников и причин его развития;

— выявление и ликвидация источников финансирования, включая легитимные и нелегитимные источники дохода террористов как внутри страны, так и из-за рубежа.

Определенно, проблема терроризма хоть и имела место в мировой истории раньше, но на современном этапе она начинает приобретать новое глобальное значение. Корни терроризма заложены не только в экономических, но и в исторических и этнокультурных проблемах. Потому для специалистов изучение источников терроризма и способов его предотвращения становится особенно важным.

Литература

1. Никитаев, В.В. Тело террора. К проблеме теории терроризма. М: «Полигонизис». 2014. 63 с.
2. Горбачев, М. С. и другие. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. 325 с.
3. Ляхов, Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. — М., 1991. 213 с.
4. Шапарева, В. В. Проблемы исследования терроризма как социального явления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 11. С. 241.

Ксенофонтов В.В.

А.С. МИЛОВИДОВ — УЧЕНЫЙ, ВОИН, ПЕДАГОГ

A. S. MILOVIDOV — SCIENTIST, WARRIOR, TEACHER

Ксенофонтов В.В. — преподаватель кафедры философии и религиоведения Военного Университета, кандидат философских наук

Аннотация: В статье дан анализ многогранной деятельности А.С. Миловидова в области философии, этики и эстетики, охарактеризован его вклад в развитие философских проблем войны, мира и безопасности.

Annotation: The article analyzes the multifaceted activities of A. S. Milovidov in the field of philosophy, ethics and aesthetics, describes his contribution to the development of philosophical problems of war, peace and security.

Ключевые слова: Миловидов; ученый; педагог; философ; воин; мораль; литература; искусство.

Key words: Milovidov; scientist; educator; philosopher; warrior; morals; literature; art.

В Военном Университете МО РФ с таким названием прошла научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения генерал-майора, участника Великой Отечественной войны, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Арсения Степановича Миловидова. Она состоялась на базе кафедры философии и религиоведения, которой он руководил в течение 19 лет.

В конференции приняли участие известные ученые, представители научной школы профессора А.С. Миловидова, преподаватели Военного Университета.

В докладе В.Н. Ксенофонтова, доктора философских наук, профессора, был отмечен вклад Миловидова А.С. в развитие философии и методики ее преподавания в Военно-политической академии (ныне Военный Университет). При этом в начале своего выступления он зачитал выдержку из наградного листа периода Великой Отечественной войны. В нем говорится о представлении старшего лейтенанта А.С. Миловидова к ордену «Красной звезды» в боях за Днепропетровск в июле 1942 г. «Старший лейтенант А.С. Миловидов в бою проявил смелость и находчивость» — указано в наградном листе.

В.Н. Ксенофонтов отметил, во-первых, фундаментальность идей известного ученого в постановке и развитии концептуальных положений по такой актуальной проблеме, какой является воинский долг. При этом, по взглядам В.Н. Ксенофонтова, теоретические положения в области диалектики правового и нравственного в воинском долге, исследованные генерал-майором А.С. Миловидовым, сохраняют свою актуальность и в современных условиях.

Во-вторых, отметил выступающий, А.С. Миловидов осуществил существенное приращение философских знаний в области эстетики. Им творчески разработаны категории эстетики с учетом специфики воинской деятельности.

В-третьих, он выступил пионером в области методики преподавания философии на основе комплексного использования технических средств — слайдов, отрывков из кинофильмов, телевидения, звукового сопровождения применительно к истории философии, гносеологии, социальной философии.

Ксенофонтов В.Н. также отметил заметный вклад А.С. Миловидова в разработку актуальных проблем политики и войны, месте и роли армии как института государства.

В научном сообщении Н.А. Чалдымова, генерал-майора, доктора философских наук, профессора, особое внимание было обращено на стиль руководства А.С. Миловидова как начальника кафедры и Председателя Диссертационного совета по философским наукам.

Докладчик (ставший приемником А.С. Миловидова на посту начальника кафедры) отметил нравственные регулятивы и демократический стиль руководства А.С. Миловидова значительным коллективом, насчитывающим более 60 человек. При этом профессор Н.А. Чалдымов подчеркнул, что А.С. Миловидов на всех этапах развития кафедрального коллектива умело выделял главные научные направления, отвечающие потребностям Вооруженных Сил в философской науке и перспективах ее развития. Наряду с этим, отметил выступающий, А.С. Миловидов творчески разрабатывал под своей редакцией научные труды и монографии, инициировал для молодых ученых приоритетные исследования по различным философским направлениям.

Н.А. Чалдымов, характеризуя А.С. Миловидова, отметил его вклад в деятельность Диссертационного совета по философским наукам. Докладчик при этом подчеркнул, что как ученый А.С. Миловидов взыскательно, и в то же время объективно подходил к обсуждению кандидатских и докторских диссертационных исследований, обращая внимание на их предварительное тщательное обсуждение в кафедральных коллективах.

«Вместе с тем, решение Диссертационного совета по философским наукам, — сказал Н.А. Чалдымов, — он аргументировано при необходимости отстаивал в ВАКе».

В выступлении И.А. Климова, доктора философских наук, профессора, было обращено внимание, во-первых, на формирование профессором А.С. Миловидовым научной школы и, во-вторых, на нравственные качества самого ученого. Он отметил, что А.С. Миловидов внимательно относился к своим подопечным, тщательно помогал им как в выборе диссертационного исследования, так и в подборе литературы, аргументации научной позиции на всех этапах творческой работы. Как научный руководитель А.С. Миловидов, по мнению И.А. Климова, оказывал диссертантам квалифицированную помощь и проводил значительную редакционную работу. При этом в своих взаимоотношениях с адъюнктами генерал-майор А.С. Миловидов создавал атмосферу доверия, искренних отношений, вселял оптимизм в решении поставленных целей.

Наряду с этими качествами, — отметил И.А. Климов, — для моего научного руководителя А.С. Миловидова в обращении были характерны также тактичность, уважение к личности, элементы юмора и доброжелательность. Выступающий в заключении отметил открытость профессора, его доверительность. «Так, беседуя как-то со мной, — заметил И.А. Климов, — он с определенной долей горечи спросил: Как Вы полагаете, Иван Андреевич, в нашей стране сын за отца отвечает? Я, немного подумав, ответил: Думаю, что нет». А он, подойдя ко мне ближе, проронил фразу: «Мне же до сих пор напоминают, что я — сын священнослужителя».

Научное сообщение В.Н. Иванова, члена-корреспондента РАН, советника РАН, главного редактора журнала «Наука. Культура. Общество», было посвящено деятельности А.С. Миловидова на посту Председателя Диссертационного совета по философским наукам.

В.Н. Иванов отметил, что А.С. Миловидов обладал глубокими философскими, этическими и эстетическими знаниями, что позволяло ему в ходе обсуждения диссертаций кандидатского и докторского уровня высоко профессионально вести заседания Диссертационного совета.

Кроме того, обладая высокой методологической культурой, он задавал вопросы соискателям таким образом, чтобы это побуждало их к самостоятельному мышлению, неразрывной связи теоретических положений с практикой в области развития Вооруженных Сил и формирования духовных ценностей у воинов.

Докладчик отметил, что генерал-майор А.С. Миловидов, организуя научные конференции по актуальным проблемам войны,

мира, армии, конструктивно строил отношения со всеми кафедрами Военно-политической академии с целью участия ученых различного профиля в обсуждении важных проблем.

В заключение своего выступления В.Н. Иванов подчеркнул такое качество профессора А.С. Миловидова, как внимание и заботливое отношение к своим подчиненным, а также к профессорско-преподавательскому составу других кафедр Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

В.И. Мищенко, кандидат философских наук, профессор, в своем выступлении охарактеризовал генерал-майора А.С. Миловидова как прекрасного педагога и замечательного научного руководителя. Выступающий отметил, что профессор А.С. Миловидов принадлежал к редкой плеяде ученых-философов, кто в своих научных трудах органично сочетал философские категории с эстетическими понятиями. Такой органический сплав, по мнению В.И. Мищенко, усиливал эмоционально-чувственное восприятие различных философских положений. При этом, заметил В.И. Мищенко, как философ А.С. Миловидов обладал глубокими и обширными знаниями в области классической литературы, умело применял свой объемный литературный багаж к различным отечественным и зарубежным философским концепциям гносеологического и социального характера.

Вместе с тем, отметил выступающий, профессора А.С. Миловидова характеризует как ученого и педагога высокий уровень культуры языка как в письменной форме, так и в устной речи, например, в чтении лекционного материала. Такие оригинальные качества ученого и педагога, подчеркнул В.И. Мищенко, свидетельствуют о том, что профессор А.С. Миловидов — уникальная творческая личность.

Доклад И.С. Даниленко, генерал-майора, доктора философских наук, профессора, был посвящен характеристике концептуальной позиции профессора А.С. Миловидова по вопросу войны и мира. Он подчеркнул, что в научных трудах известного ученого, особенно в книге «Война и Армия», дан аналитический философский подход к кардинальной проблеме человечества. Как отметил выступающий, генерал-майор А.С. Миловидов, опираясь на идеи научных предшественников, развивая их, всесторонне обосновал генетический и политический аспекты войны с учетом реалий ядерного века. Он также обстоятельно исследовал, как заметил И.С. Даниленко, такую важную философскую проблему, как возможность и действительность политики как орудия достижения каких-либо целей применительно к ядерной войне.

Несомненной заслугой А.С. Миловидова как известного философа, отметил докладчик, является и то, что он всесторонне охарактеризовал приоритетность мира как состояние общества и обосновал его нравственную императивность. Генерал-майор И.С. Даниленко отметил, что в наше время следует развивать идеи профессора А.С. Миловидова в области критики милитаристских концепций западных исследователей в области политической ориентации решения международных проблем с помощью насилия.

На нашей конференции, посвященной юбилею выдающегося ученого и педагога А.С. Миловидова, — отметил в своем выступлении Б.Л. Валеев, кандидат философских наук, доцент, — затронуты важные стороны деятельности нашего научного руководителя. «Я, в свою очередь, — сказал выступающий, — хочу отметить одну важную грань профессора Миловидова. Это его индивидуальная кропотливая работа по подготовке адъюнкта к защите диссертации». Докладчик на своем собственном примере показал, что научный руководитель путем длительной индивидуальной беседы подвел его к возможности написания диссертации. Она была посвящена теме: «Воинская гордость в системе философско-этических знаний».

Б.Л. Валеев рассказал также и о том, что на всех этапах написания диссертации генерал-майор А.С. Миловидов помогал творчески внедрять в содержание исследования положения из военной прозы и поэзии таких отечественных писателей как М. Шолохов, К. Симонов, А. Твардовский, Ю. Бондарев, В. Быков, М. Джалиль. «Научное руководство А.С. Миловидовым, — отметил В.Л. Валеев, — это большая школа и педагога, и научных изысканий, и жизни. И я горжусь, что он был моим научным руководителем».

В.И. Степаненко, кандидат исторических наук, доцент, в своем сообщении на конференции сказал следующее: «В отличие от всех присутствующих я знал генерал-майора А.С. Миловидова с середины 50-х годов XX века, когда он был преподавателем русского языка и литературы в Воронежском СВУ, где я учился». Вспоминая годы учебы в СВУ, выступающий отметил, что уже тогда у капитана А.С. Миловидова были четко видны философские подходы к месту и роли литературы в духовной жизни личности и общества. Он, как преподаватель Суворовского военного училища, обращал особое внимание воспитанников на осмысление единства нравственного и эстетического в художественных образах литературы о Великой Отечественной войне.

Вместе с тем, подчеркнул В.И. Степаненко, капитан А.С. Миловидов ярко и образно показывал нам на примерах литературных

произведений проявления героизма как важного слагаемого патриотического сознания советских воинов. «Уже будучи преподавателем Военно-политической академии, — сказал докладчик, — встречаясь с начальником кафедры философии генерал-майором А.С. Миловидовым, — я всегда с теплотой говорил ему о том, что его помнят в Воронеже не только военные, но и гражданские лица».

В конце своего выступления В.И. Степаненко акцентировал внимание на том, что прошло более пятидесяти лет как молодой и обаятельный капитан А.С. Миловидов преподавал нам в Воронежском СВУ, но все мы, ставшие и генералами, и полковниками, а также получившие ученые степени, с благодарностью вспоминаем нашего замечательного учителя и воспитателя, фронтовика, верного сына Отечества.

В.А. Ремизов, доктор культурологии, профессор, в выступлении обратил внимание на духовную культуру личности А.С. Миловидова. Докладчик отметил, что, еще будучи слушателем эстетического кружка военно-научного общества, профессор Б.В. Сафронов предложил генерал-майору А.С. Миловидову послушать стихи капитана В.А. Ремизова. Несмотря на занятость, А.С. Миловидов внимательно прослушал в клубе академии мои стихи и высказал ряд пожеланий на будущее.

Далее В.А. Ремизов заметил, что после учебы в адъюнктуре, защиты кандидатской диссертации и работая на кафедре философии, а позже — культуры и искусства, советы и рекомендации профессора А.С. Миловидова по вопросу педагогической и научной деятельности, особенно в сфере применения выразительных средств искусства, ему помогали. «Его глубокие и основательные знания в области культуры, методики точности их применения по актуальным проблемам философии жизни — образец творческого подхода к профессиональной деятельности» — подчеркнул профессор В.А. Ремизов.

А.В. Павлов, доктор философских наук, профессор, выступая, подчеркнул вклад А.С. Миловидова в систематизацию этики как науки, обосновании места и роли морали в духовной жизни советского общества и армии. Он отметил, что в современных условиях жизни, противоречий, происходящих как в российском обществе, так и в политических отношениях между государствами, роль морали явно принижается. Между тем, как заметил выступающий, в фундаментальных трудах А.С. Миловидова были в свое время аргументированно исследованы проблемы связи морали и политики, морали и права, морали и искусства и другие важные направления. «Необходимо, — подчеркнул А.В. Павлов, — в нынешнем про-

цессе обучения слушателей и курсантов Военного Университета творчески использовать солидный арсенал теоретических положений в области моральных ценностей замечательного ученого — генерал-майора А.С. Миловидова».

Он также отметил, что как руководитель А.С. Миловидов всегда способствовал выдвижению молодых ученых-преподавателей на вышестоящие должности.

В научном сообщении Н.А.Слесарева, кандидата философских наук, доцента, было обращено внимание на высокую компетентность А.С. Миловидова в области социальной философии вообще, проблеме взаимосвязи личности и общества в особенности. Выступающий, развивая свои положения, обратил внимание на доклады генерал-майора А.С. Миловидова, осуществленные на различного уровня конференциях и симпозиумах, проведенных Философским обществом в Советском Союзе. «Хочу отметить, — подчеркнул Н.А. Слесарев, — что на многих научных конференциях, где выступал А.С. Миловидов, его доклады, яркость и глубину анализа философских проблем высоко ценил Председатель философского общества СССР академик Ф.В. Константинов».

В выступлении он также обратил внимание на педагогические качества генерал-майора А.С. Миловидова. И прежде всего Н.А. Слесарев отметил его тактичность, вежливость, корректность. «Посещая мои занятия, где я применял технические средства обучения, — отметил Н.А. Слесарев, — А.С. Миловидов обратил мое внимание на соблюдение категории меры в их демонстрации, что помогло мне в последующей педагогической работе».

В выступлении А.С. Дудкина, кандидата философских наук, доцента, особое внимание было обращено на взаимосвязь звена «научный руководитель и соискатель диссертации». Он отметил: «Я принадлежу к числу последних адъюнктов, которыми осуществлял научное руководство генерал-майор А.С. Миловидов, доктор философских наук, профессор. И благодарен ему за помощь». В своем выступлении он подчеркнул, что из двух рефератов по философии, присланных для рецензии А.С. Миловидову, он одобрил проблему политической бдительности, а не теорию познания Ф. Бэкона. А.С. Дудкин далее отметил, что на всех этапах написания диссертации А.С. Миловидов, начиная от развернутого плана, содержания глав и параграфов, несмотря на свою загруженность как начальника кафедры, оказывал мне конкретную помощь, давал ценные методические советы, как по содержанию, так и стилю изложения исследования.

В последующей служебной деятельности, находясь на ответственной должности в Министерстве обороны РФ, я бережно опирался в своей работе, в том числе при проверке военных вузов, на советы и рекомендации А.С. Миловидова в научной и педагогической сферах.

Д.Я. Харитонов, кандидат экономических наук, профессор, в выступлении особое внимание участников конференции обратил на активную научную деятельность А.С. Миловидова в области межкафедральных связей. «Они, — по моему мнению, — отметил выступающий, — отличали известного философа прежде всего тем, что он умело ставил в таких отношениях основательные методологические проблемы развития Вооруженных Сил на конкретном историческом этапе». В частности, заметил далее Д.Я. Харитонов, генерал-майор А.С. Миловидов, применительно к кафедре экономики вместе с ее руководством, инициировал интересные круглые столы и конференции по таким проблемам, как «Соотношение материального и духовного фактора в Великой Отечественной войне», «Экономика и политика в современных вооруженных конфликтах», «Военная мощь государства: структура и содержание». Такие конференции, предложенные А.С. Миловидовым и им проводимые, проходили всегда творчески, раскрывали важные теоретические и практические вопросы.

В докладе П.В. Петрия, начальника кафедры философии и религиоведения Военного Университета МО РФ, доктора философских наук, профессора, было подчеркнуто, что разносторонние философские труды известного ученого генерал-майора А.С. Миловидова бережно используются в учебно-воспитательном процессе профессорско-преподавательским составом. «При этом, в ходе чтения лекций и проведения семинарских занятий с курсантами, — отметил он, — особое внимание мы концентрируем на тех положениях философского характера А.С. Миловидова, которые выступают и ныне в качестве актуальных методологических положений». Такие конструктивные положения, по мнению профессора П.В. Петрия, содержательно рассмотрены известным философом в трудах, посвященных проблемам войны и армии, воинского долга, эстетическому в воинской деятельности, патриотическому сознанию.

Кафедра, — отметил далее выступающий, — стремится к бережному сохранению и развитию философской традиции генерал-майора А.С. Миловидова — диалектики научного познания и ее реализации в педагогическом процессе с обучаемыми Военного Университета.

17 февраля 2018 г. исполнилось 85 лет известному ученому и общественному деятелю, доктору экономических наук, профессору С.В. Рогачеву.

Уважаемый Сергей Владимирович!

Поздравляем Вас, известного ученого и общественного деятеля с юбилеем, желаем крепкого здоровья и новых творческих свершений на поприще социологии и политологии.

Редакционный совет и редакционная
коллегия журнала

* * *

Поздравляем Рубан Ларису Семеновну, главного научного сотрудника Института социально-политических исследований РАН с личным юбилеем и 30-летием международного проекта "Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции" ("Мост между Западом и Востоком"), которым она бесценно руководит с 1988 года. Желаем здоровья и новых творческих замыслов.

Редакционный совет и редакционная
коллегия журнала

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Российский государственный университет нефти и газа

им. И.М. Губкина

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел./факс: (495) 938 58 43

e-mail: sigarevae@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 20.04.2018

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

8 усл. п.л.